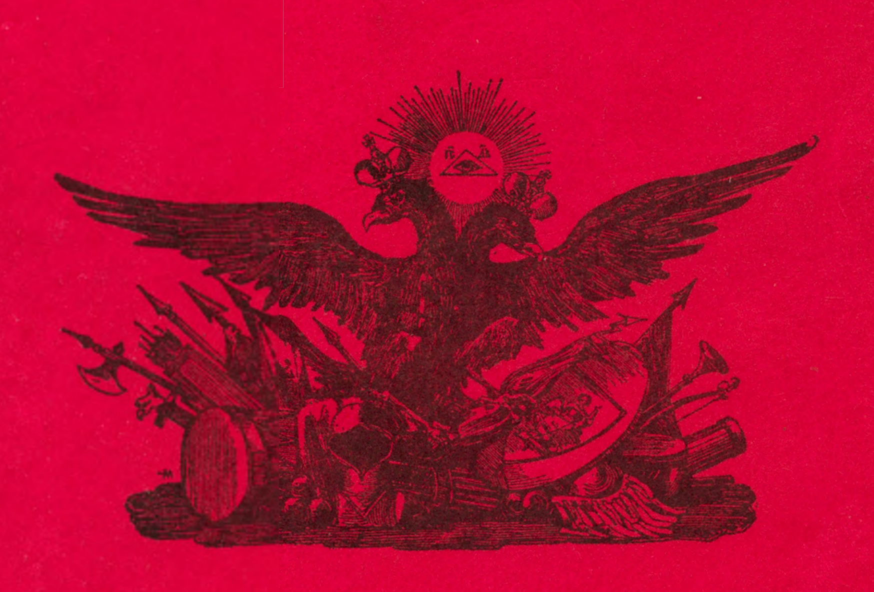
М. А. МОИСЕЕВ

БЫЛОЕ

1894—1980

Сан Франциско
1980

М. А. МОИСЕЕВ

БЫЛОЕ

1894--1980

Сан Франциско
1980

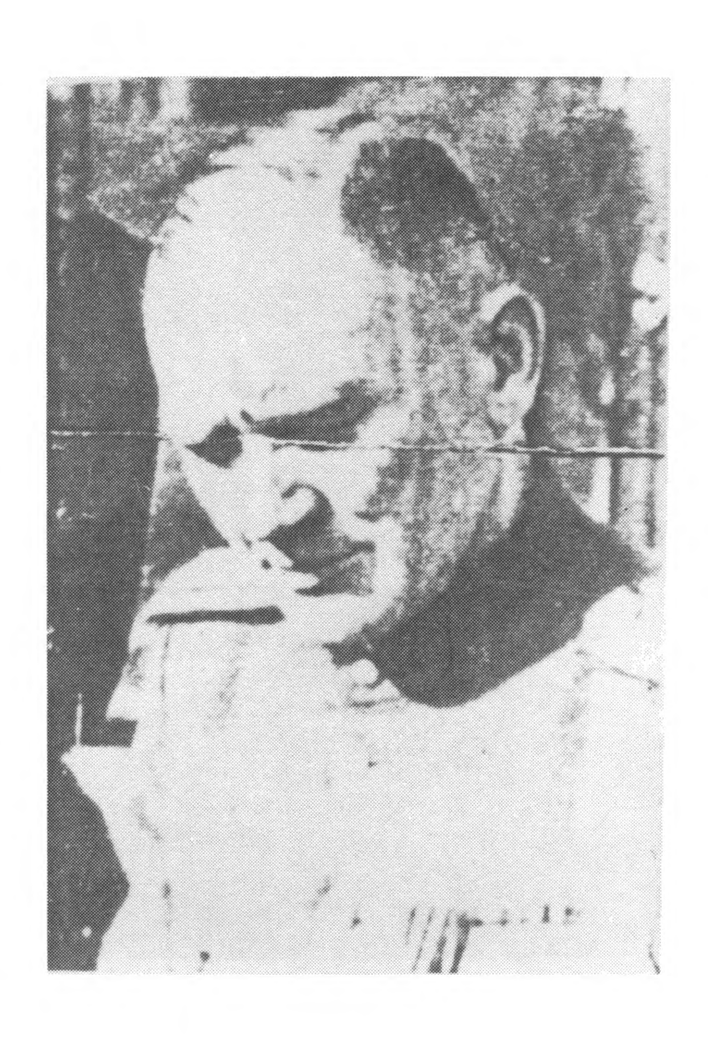
M. A. MOISEEFF

BYLOE

1894--1980

Published by
"GLOBUS PUBLISHERS"
San Francisco
1980

Прошлое

1894 — 1980

Посвещается моим сыновьям Георгию и Игорю.

Дожив до глубокой старости, хочется вспомнить то, что сохранила память.

Первое, что припоминаю — это смерть матери, переезд из материнского имения Стегаловка в имение Семеновка; дальше переезд в имение Колпаково. Этот период я беру со всеми событиями до начала Первой мировой войны 1914 года.

Война 1914 — 1920 гг., включая гражданскую, Новороссийская трагедия, плен, формирование 3-й Русской Армии в Польше.

Подписание мирного договора между СССР и Польшей. Подписание похабного Брестского договора между СССР и немцами. Интернирование 3-й Русской Армии поляками без права белым войнам жить на территории, ранее принадлежавшей России. Положение наше стало тяжелое, стали мы бесправными, с трудом добывая работу в лесах. Новый период, начиная со второй Европейской войны 1939 г.

Принятие белыми воинами участия в войне в рядах немецкой армии; формирование казачьих частей; формирование Р.О.А., русской освободительной армии генералом Власовым.

Выдача англичанами и американцами большевикам тех, кто боролся с красными. Предательски были выданы красным старые эмигранты: генералы П. С. Краснов, Шкуро и др. Лиенцевская трагедия, хотя в Ялтинском догово-

ре было сказано, что старые эмигранты не подлежат выдаче большевикам.

Начало новой жизни, созданной при помощи Ди-Пи лагерей, приличное питание. Отъезд многих Ди-Пи, не пожелавших вернуться на Родину, в заморские страны. Устройство на новых местах. Появление 3-й, полуеврейской и еврейской эмиграции. Появление многочисленной новой национальной литературы.

Появление великих, больших русских людей, — Солженицына, Вагина и др.

МАТЬ

Первое, что сохранилось в памяти, — это смерть матери. Как помню, мать лежала в гробу, который стоял в гостиной. Около гроба горело много свечей, кто-то читал молитвы. Нас, детей, впустили попрощаться с дорогой и милой нашей мамочкой, своей смертью лишившей нас своей материнской ласки. Мы с сестрой были еще детьми, но уже сообразили, что лишились матери и, как рассказывали, я взял свечу и стал поджигать облачение священника. Пришлось меня с сестрой отвести в детскую комнату, мы заснули. На другой день мама была похоронена при храме в селе Волово, где было центральное имение деда Калечинского.

Мать, Зинаида Николаевна, дочь Н. В. Калечинского, который происходил из старого боярского рода: в летописях упоминалась фамилия боярина Калечинского — посла в Литве. Семья Калечинских была многочисленная, но впоследствии, после войны 1812 года (Отечественная война), уцелел только дед, три его брата положили свой живот на поле брани: Москва — Париж.

Дед закончил войну командиром Кирасирского полка, имел много боевых наград, включая сюда 4-ю и 3-ю степень ордена Св. Георгия Победоносца. Кроме русских орденов, имел и ордена тех государств, с которыми мы были союзниками после изгнания Наполеона с русской земли. Победа над (как говорили) «12-ю языками», была одержана благодаря доблести русского командного состава во главе с генералом Кутузовым и многих других, включая русских воинов и казачество, которое почти

поголовно под командой графа Платова встало на защиту Родины, несмотря на то, что было крепостное право. Эта история повторилась и в 40-х годах во время немецкой войны, когда у русского народа пробудилось национальное чувство: он поднялся на защиту родины и стал победителем, освободив ранее оккупированные русские земли — Русь Карпатскую, Русь Галицкую — Червонную Русь.

В те времена Русская Армия воевала без руководства коммунистической партии и не было таких переходов в плен сотнями тысяч к противнику, не сдавались на разграбление Русские земли до Волги.

После войны дед получил по наследству несколько имений, в том числе и имение Стегаловку, которую получила мать, как приданое.

Дед был человек либеральных взглядов, им были все крестьяне освобождены от крепостного права и было им построено несколько поселков, одного образца. Крестьяне благоволили к своему барину и им было лестно, что барин прошел с ними всю войну и считался доблестным полководцем. Увлекался он лошадьми. Имел 23 тройки разных мастей и сотни собак — гончих, легавых, борзых и других домашних пород. Когда были охоты, дед появлялся с 40-ка всадниками; все всадники были одеты однообразно, имея кинжалы и свору собак на смычке 4 шт. В общем, славился он далеко за пределами Орловской губернии. После смерти его все развалилось.

ОТЕЦ

В дальнейшем будет упомянут инцидент, из-за которого отец должен был оставить военную службу.

В паспорте отца было сказано, что он происходит из дворян Войска Донского, станицы Константиновской, 1-го Донского округа (потомственный дворянин).

Вспоминая отца, вспоминаю и своего любимого деда генерал-лейтенанта, участника войны 1877-1878 гг. Войну закончил командиром отдельной бригады, имел много орденов, включая орден Св. Георгия Победоносца. Числился он офицером Лейб-Гвардии Атаманского полка. В отставке был с пенсией и мундиром, надевал мундир в

особых случаях — в праздники и на различные юбилейные собрания. Последние годы своей жизни (дожил до 102-х лет) провел в имении второй жены, имел при себе 7 казаков, которые жили в отдельных домиках, имели какое-то количество участков земли, несли какие-то обязанности (кучеры, конюхи). Жениться казаки ездили к себе на Дон. Молодежь 18-20 лет, уезжая на Дон для отбытия воинской службы, получала от деда лошадь.

Станица Константиновская посещалась дедом каждый год; там было свое коннозаводство, и каждый год какое-то количество лошадей сдавалось для регулярной кавалерии.

Вместе с дедом посещали Константиновскую станицу и мы с отцом. Сдавать лошадей было очень доходно, и это давало деду возможность быть посетителем многих Европейских выставок, включая и Америку, которая платила большие деньги за русских Орловских рысаков. Кстати, потомство рысаков в С.Ш.А. происходит от Удалого, Крошки и Ларочки, заводы П. Малютина, Курской губернии.

Брат отца, Петр, был одноклассником отца в Орловском Кадетском Корпусе им. Бахтина и Николаевского Кавалерийского Училища; по окончании Николаевского Училища брат отца вышел в Л.-Гв. Атаманский полк, а отец — из-за матери — вышел в 1-й Донской Казачий полк, 1-й Кавалерийской Дивизии, со стоянкой в Москве.

Служба военная окончилась для братьев очень печально: во время пребывания моего отца в С.-Петербурге братом была устроена какая-то вечеринка преимущественно для офицеров гвардейской кавалерии, родители которых имели в прошлом связь с декабристами и принимали участие в убийстве Императора Павла.

Кто-то упрекнул отца в том, что он не подходит к среде собравшихся здесь и что казаки являются опричниками трона и его защитниками. Произошла перебранка, началась стрельба. Первым был убит Петр, отец ранен в ногу (из-за этого не сгибалось колено). Кроме того, кроме Петра, были убиты еще 2 человека и 3-е ранены.

Дед очень болезненно пережил смерть Петра. Ездил в Питер. Долгое время все там выяснялось. Дело как-то

замяли, с чем дедушке пришлось смириться, и дома об этом старались не говорить.

Похороны состоялись со всеми почестями, и через некоторое время из Императорской Канцелярии, за собственноручной подписью Государя, была прислана грамота деду. Грамота никакого душевного успокоения не дала, если можно так выразиться.

Дед замкнулся в себе; все разговоры, все рассказы были посвящены войне. Часто вспоминалась Шипка и другие, казалось, неприступные крепости, которые не устояли против Российской Армии.

Вспоминались полководцы, среди которых выделялся генерал Скобелев. Памятник ему в Болгарии существует, как другие памятники, но у нас, на нашей Родине, — памятник Скобелеву в Москве был в начале революции сброшен теми, кому «наплевать на Россию» — так сказал Ленин.

Время идет, все забывается. Так и Россия забыла о войне за освобождение православных болгар, которые в знак благодарности России стали против Русских в ряды немецкой армии (1914 г.).

Отрадно было читать статьи русского человека, писателя Солоухина, который упрекнул существующее ныне положение, при котором русский народ забыл то, что не должен забывать.

И вот, после этих статей появились статьи в «Огоньке» и снимок с какой-то надписью — от войнов красной армии; отрадно и это. Противно видеть памятник с красной звездой — такой стоит.

В память войны болгары соорудили большой храм-памятник, который должен был бы быть освященным Русским Государем.

Государя нет, нет Императорской Российской православной Армии, в рядах которой был Христолюбивый воин, впоследствии превратившийся в «зверя лютого», не признающий ничего, уничтоживший множество дорогих русскому человеку памятников, которых не восстановить.

Как бы ни было, служба в указанном Храме совершается; строятся храмы, хранятся памятники, независимо от большевистского режима.

При первой встрече дед производил впечатление строгого человека, которого только слушали, беспрекословно исполняли то, что он говорил, даже не как приказание, а при простом разговоре.

В действительности это был человек не только большого роста, но и большой души.

При всех бедствиях, постигших крестьян, он первый приходил на помощь.

Главные бедствия — это были пожары от молнии и ливень с градом, уничтожающий стоящий на корню хлеб.

Ясный день, чистое небо; потом начинает парить, появляется маленькая тучка, быстро распространяющаяся, и все это превращается в грозу со вспыхивающими молниями, дождем, градом.

В нескольких местах, зажженные молниями, вспыхивают пожары крытых соломой деревянных хат.

Кругом в церквах набаты, но что может помочь?

Многие деревушки сгорали со всем скарбом до тла, и бедные погорельцы с семьями отправлялись собирать милостыню.

Дождь прошел, прояснилось небо, кругом лужи, защебетали птички, как бы своим щебетанием выражая свое сочувствие погорельцам.

В таких случаях на помощь приходил дед. Помогал он деньгами, помогал хлебом, убежищем, и для такого случая всегда стояли 8-9 срубов-изб, которые отдавались погорельцам — в первую очередь беднякам.

Как дед Калечинский, так и другой дед (отец отца моего) были большими любителями лошадей.

Говоря о лошадях, следует вспомнить, что сообщение было на тройках с колокольчиками, да бубенчиками. Лошади подбирались по мастям, кучера были как Ильи Муромцы. Были они и как кучера, и как защитники от нападения разбойников. В сбрую с наборами запрягают тройку. Кони топчутся на месте. Появляется кучер в бархатной безрукавке, в цветной рубахе; с набором пояс, шапка с павлиньими перьями. Конюхи лошадей держат; сел кучер, подложил под себя кнут, разобрал вожжи: «Гей вы, родимые!» — и «родимые» с места возьмут, как стрелы.

Для пристяжных лошадей всегда были донцы завода Провальского или Стрелецкого; коренник-рысак, купленный в оренбургских степях, иноходец, за которого в то время платили до 2.000 рублей.

Собаки у этого дедушки из местной породы волкодавов держались как сторожа, с длинной шерстью и очень были сильные и злые.

За садом с липовыми аллеями рига-гумно, где молотили хлеб, был там старинный привод, куда запрягали лошадей; лошади вращали привод, благодаря чему начинал вращаться барабан, куда подавали снопы. Места этого все боялись и с вечера до утра здесь никто не показывался: была такая легенда, что в давние времена какой-то хозяин убил в этой риге жену и 4-х детей и без погребения тут же закопал, и вот с тех пор его дух здесь «шалит». Сам он повесился.

На гумне обыкновенно стояло до 12 скирдов немолоченного хлеба; территорию эту охраняли собаки, которые бегали по канатам так, что они подходили одна к другой, и не было места для прохода, в общем вся площадь была в их ведении.

Заглядывали сюда и волки, которых было здесь немало, но таких случаев, чтоб загрызли собаку — не было.

Ловили волков простым способом — копали глубокие ямы с малым конусом, в дно вбивали несколько заостренных кольев; сверху клали хворост, прикрытый соломой. Волк, ничего не подозревая, бежал, попадал на место ямы; хворост ломался и он падал на колья, с которых трудно было соскочить, и наутро часто обнаруживали попавших 3-6 волков; их добивали кольями. Собаки вели отчаянный вой, успокаивались после того, когда волков уже уберут.

Помню я случай, связанный с ригой.

Когда-то у дедушки собралось до 8 человек гостей — молодых людей, для которых, как говорят, «море по колено». Решили опровергнуть «сказки» о появлении кого-то и решили переночевать в указанной риге.

Стемнело. С шутками, со смехом мы отправились; за нами понесли подушки, простыни и одеяла. Прислуга вернулась, а мы в ожидании чего-то расположились, торгуясь между собой относительно куренья, которое дедуш-

ка запретил. Легли, прислушиваясь к каждому шороху. Было все тихо. Решили, что все были сказки. Отозвался филин детским плачем, на что ответили цепные собаки, и тихо-тихо стали открываться большие ворота. — Как, почему? — там кто-то есть. Решили посмотреть, разговор шел шепотом, но никто не встал и решили лежать тихо и ждать, что будет дальше. Дальше — эти ворота тихо закрылись. Открылись другие. В общем — открывались и закрывались. Филин смеялся. Смелость наша уснула, уснули и мы. Утром нас пришли звать на кофе. Мы старались о ночевке не говорить, хотя после рассказали, но не все нам поверили, но трусами не назвали, т. к., по выражению дедушки, мы не оставили свои позиции. Дедушка в любую ночь мог заходить в ригу и ничего не видал. Простонародее судило, что дед имел боевые кресты, и они его берегли.

Надо сказать, что в те времена было много различных поверий: верили в духов, ведьм, боялись разбойников, которые нападали на едущих, преимущественно ночью. Днем движение было большое, шли лихие тройки с бубенчиками, с лихими кучерами, или с далекого юга обозы, шли почтовые тройки. При нападениях пользовались ножом, топором и дубиной. Были такие участки больших дорог (большаков 200 шагов шир.), куда никто не поедет ночью. Попадались кресты, поставленные на месте, где были убити разбойниками. Я посетил одно место, где стояло 7 крестов (мать, отец и 5 детей, уходивших от нашествия Наполеона на Смоленск). Как говорят, в то время было много таких нападений. После нашей ночевки в риге произошел печальный случай: рано утром пастух выгонял на пастбище скот, в стаде был большой бык. Бык раньше боялся пастуха, а сейчас бросился на него, сбил с ног и, прижав коленями старика, начал бить его лбом и рогами. Через пару минут от старика остался мешок с костями. Было что-то ужасное. Бык стал бросаться за всеми, пока не забежал в конюшню, где его закрыли и каким-то образом поместили в отдельный денник, предназначенный для лошадей.

Что было дальше, я не знаю, так как мы возвращались домой. Пастуха торжественно похоронили.

Я главным образом был заинтересован в том, какую

лошадь мне подарит дедушка и какое новое седло: или казачьей фирмы бр. Малышевых в гор. Саратове, с набором на уздечке, нагруднике; может быть, будет седло, где зад и передняя лука будут отделаны серебром с чернью и бирюзой, или я получу офицерское кавалерийское седло Вальтера Коха из Варшавы. Интересно и то, и другое.

Окрестность и природа здесь были красивые и богатые — здесь были и равнины, и дубравы, но деревеньки имели очень жалкий вид, кругом чувствовался недостаток. Около (или наоборот) каждой деревушки, как правило, — небольшое именьице с липовыми аллеями и с остатком чего-то крепостного. Были и большие села с большими именьями, с красивыми церквами и с церковно-приходскими школами. Такие имения держались, а маленькие приходили в упадок.

Нередки были случаи, когда происходили столкновения между помещиками и крестьянами, в результате — поджоги и убийства, грабежи церквей.

Накануне моего отъезда мы поехали в церковь отслужить напутственный молебен, и что же мы увидели? В стоящем около храма имении сожженный скотный двор и 47 голов рогатого скота. Владелец здесь не жил, а был староста из своих же крестьян, который отличался своей жестокостью — такое бывало.

Вспоминая о деревенской жизни, надо сказать, что деревня жила своей жизнью, по старинке. Главная культура исходила из имения, что касается духовенства, то оно было мало культурным, стараясь воспитывать народ в страхе Божием; воспитывали вслепую, что потом сказалось — с морем крови и миллионами погибших.

Что касается общения деда с местными крестьянами, вспоминаю такой случай, когда во время вечернего чая на балконе пришла группа крестьян и крестьянок, поклонились, сняли шапки. Дед не любил такого обычая, приказал одеть шапки и спросил, в чем заключается их просьба, так как кроме просьб никто к нему не обращался.

Он предполагает, что так как здесь бывший конюх, красавец с голубыми глазами, с русой бородкой, Григорий и живая, чернобровая с косой до пояса, лучшая песенница и плясунья, в общем, в полном смысле слова

русская красавица-Аленушка, то значит, надо их повенчать, так ли это? Такой подход к делу сразу же развязал всем руки; выяснилось, что пришли свахи и сваты. Дед в первую очередь спросил, есть ли чем платить священнику и «на всякий случай» дал 25 своих рублей. Разговоры и переговоры — и молодые получили на расходы 300 рублей с тем, что он купит сапоги, она — полусапожки. Григорий получил две поддевки с плеч генеральских. Аленушка кое-какое белье и венчальное платье от барыни. Поддевка в те времена была главным одеянием. Аленушка получила еще теленка. Было настоящее торжество, особенно когда сваты получили четверть водки. В церковь молодые ездили в генеральском экипаже и на тройке лучших лошадей.

Дедушка был кавалером многих наград, включая 3-ю степень ордена Георгия Победоносца.

До последнего дня жизни старик совершал конные прогулки верхом на своем любимом коне «Червонце», тоже старик 18 лет. В свое время «Червонец» был на местных и заграничных выставках и имел не одну награду.

Дальше идет период от переезда из имения Стегаловка в имение Семеновка к родственникам по матери Кологривовым.

Кологривовы — столбовые дворяне, исходящие из одного корня. Потом размножились, и их можно было встретить в Орловской, Курской, Калужской и Минской губерниях. Служили они и в армии, и в гвардии, занимая большие посты. Из родственников Кологривовых были фамилии: Суковкины, Охотниковы, Коротневы, Кореловы.

СЕМЕНОВКА

Умерла мать, осиротела Стегаловка. В это время пошли дожди и как будто бы заплакало небо.

В лице матери отец потерял мать детей, жену, друга, любительницу разных спортов, особенно верховой езды и охоты на дрохв, на которых охотились во время гололедицы, когда дрохв для того, чтобы полететь, должен был пробежать несколько метров. В это время охотник с арапником — длинный, толстый кнут, — как говорили,

«снимал» его, что очень удачно выходило у матери.

Такая же история без гололедицы происходила и с зайцами. Любила мать строгих лошадей, сама их выезживала.

Каждый день пару часов, кроме возни с нами-детьми, уделялось конюшням-лошадям и охотничьим собакам.

Все сказанное импонировало отцу. Мы, дети, глядя на старших, тоже как бы все переживали.

Мать унесла с собой ту жизнь, которая была особенно дорога и мила отцу. Отец говорил, что он убежал бы куда глаза глядят, что потом осуществилось.

Тяжелое впечатление на отца производили такие случаи, когда нас выводили гулять, и местные женщины, видя нас, начинали плакать и причитать по своему деревенскому обычаю.

Остановился отец на Семеновке как на временном пребывании, пока не найдется что-либо подходящее, не хуже Стегаловки.

Переехали к родственникам жены в имение Семеновка к Н. С. и Н. Н. Кологривовым.

М-м Кологривовой хотелось, чтобы мы, я и сестра, стали бы жить вместе с их 2-мя детьми и дать возможность отцу совершать частые отлучки из дома по делам.

Здесь следует упомянуть о том, что у Кологривовых было несколько детей, которые умирали, и не помогали молебны и пр. Но был случай, когда кто-то посоветовал: чтобы не умирали дети взять крестным отцом первого встречного-поперечного. И вот однажды решено было испробовать и Н. С., выйдя из дома, встретила своего пастуха, который и стал крестным отцом последних двух сыновей — и сыновья не умерли.

Кум получил участок земли, постройки, корову, лошадь, бросил свое ремесло и стал доживать свою жизнь неплохо.

Приехав в Семеновку, мы заняли большой 2-этажный дом, с полной обстановкой, включая рояль; блестели паркетные полы и стекло; было 10 комнат — 6 внизу и 4 наверху, балкон, террасы, липовые аллеи вели к очень красивой церкви с двумя пределами. Обслуживалась церковь двумя священниками и большим хором, еще от крепостных времен.

Кроме нашего дома, был и другой дом, тоже с колоннами, террасы, в 2-х километрах от нашего дома.

Говорят, что построили его из-за того, что когда-то среди ночи кто-то начал звонить в набат в самый большой колокол.

Мать Н. С. перепугалась, убежала из дома, заявив, что около церкви она не будет жить, а пока для нее приспособили угол в имеющемся здании. Так и был построен новый дом. В те времена все было возможно.

Сестра моя слышала все рассказы и тоже боялась церковного звона и при каждом звоне бежала ко мне, прижималась, говорила, что я герой и ее защитник; о чем сообщалось отцу по его прибытии и пелись мне хвалебные гимны.

С утра нас забирала к себе в новый дом м-м Кологривова, там мы обедали все вместе, для развлечения имели 2-х пони — маленьких лошадок и 2-х упрямых ослов. В общем, благодаря такой обстановке, мы стали смиряться с потерей матери.

Имение Семеновка считалась средней по посевной площади, было так же как и в Стегаловке 600 десятин, кроме других угодий. Было большое молочное хозяйство и, главным образом, был конный завод, преимущественно лошадей-тяжеловозов. Культивировалась своя русская порода Битюгов — лошади с короткой шеей и с большой головой.

Кроме Битюгов были и Ордены, Суфольки, Клейденстали, все они были красивей своих, но свои всегда на мировых выставках получали первые награды за перевозимую тяжесть.

'К Семеновке стали привыкать, было найдено, что искалось, и мы переехали в имение Колпаково.

Дальше -- пребывание в Колпакове, до начала войны 1914-го года.

После долгого путешествия — 60 км. лошадьми и 220 км. поездом, — мы приехали в Курскую губернию, имение Колпаково.

Вся усадьба была обнесена сплошными постройками в виде буквы «П». В усадьбу было 2 въезда — с северной и южной стороны, где когда-то стояла стража.. С за-

падной стороны был парк-сад. Сад с липовыми аллеями подходил к дому, состоящему из 9-ти комнат, кухни. Из окон дома был очень красивый вид. Был и другой дом, тоже 10 комнат; так же как и в первом доме, были очень красивые террасы. В конце парка стояла одна церковь для летних служб, а другая — для зимних служб.

Здесь были и оранжереи, здесь были и зимние сады.

Приехали мы к осени, когда все было покрыто золотой листвой; приближалась осень. На станции нас ожидала тройка серых лошадей и пролетка желтого цвета. Кучер был наш старый, которого мы знали раньше. От станции мы ехали 30-40 минут, и вот мы уже дома, в Колпакове.

Мы, дети, сразу же побежали смотреть комнаты, особенно нас интересовали наши комнаты. Переночевали, и на другой день отец повел нас показывать наше новое прибежище — все было красиво. В первую очередь мы пошли знакомиться с лошадьми и угощали их сахаром. Как видно, знакомство было приятным; лошади были смирные, исключая трех злых. Познакомились с собаками, среди которых были такие, которые ворчали и, видимо, не желали знакомиться. Дальше мы пошли смотреть стоящий недалеко винокуренный завод и дальше — река Реут, где была большая плотина, там стояла мельница, было много подвод и кругом каркали грачи, галки и вороны.

Шли дни и все вошло в свою колею. Стали появляться различные гувернантки, которых мы не особенно любили. Появилась тетя Саша, сестра матери, ввела дисциплину — спать ложиться надо в 8 часов, также в 8 часов и вставать. Отец был всегда на стороне и тётки, и гувернанток, что нам было не по душе. Как-то привезли две малые парты, стали мы учиться. Учителем был учитель из сельской школы, очень нами, малышами, любимый. Уроков много не задавалось, но тетушка ввела двухчасовое чтение, от которого я часто убегал, чем причинял много-много хлопот.

Дома был порядок, согласно которому мы не имели права отлучаться из дома, и не было у нас знакомых детей служащих. Обращались к нам на «Вы», называя меня барчуком, а сестру — барышней, что было до моего

появления из военного училища, когда я стал «молодой барин». Так было.

Развлечение наше заключалось в том, что мы имели возможность кататься; я правил лошадью, что мне доставляло большое удовольствие, особенно зимой, когда ездоков можно было выворачивать, что вызывало возмущение. Но при первой возможности я повторял то же самое. Потом жалобы отцу, нравоучения, но завтра — то же самое.

Помню, что когда-то во время обеда отец стал рассказывать о кадетских корпусах, которые дали много хороших полководцев; в нашем роду все были полководцами, правда, не все «большие», а обыкновенные, так что скоро придется дедушке отвозить меня в Воронежский кадетский корпус; там я получу мундир с погонами, фуражку с кокардой, в старших классах буду ходить со штыком.

Все разговоры радовали меня, но все настроение портила сестра, которая спрашивала о том, что как же она останется одна; прижималась ко мне и горько плакала. И я — будущий воин, тоже начинал плакать такими же горькими слезами, как милая сестра.

Между прочим, она высказала свою зависть, что я уеду из деревни в город, а ей думают дать домашнее образование, как это было принято в те времена — или домашнее образование, или Институт благородных девиц; в те времена самыми привилегированными были Смольный и Екатерининский.

Прошло некоторое время, приехал дед, пробыл несколько дней. Был в восхищении от всего увиденного; навестил соседей-помещиков. Были устроены из-за него охоты на волков и в один день начались сборы к отъезду. Как было когда-то, на дорогу главным образом снабжали пирожками.

На следующий день к 7-ми часам утра была подана тройка с колокольчиками и бубенчиками и мы поехали на станцию. Папа нас провожал с сестрой, которая проливала горькие слезы. Подошел поезд, который шел через Курск в Воронеж. После прощания очень трогательного я уехал учиться.

В Воронеже я имел двух тёток — сестер матери и брата матери, которые жили в своих домах и встретили нас с большим радушием. Остановились мы у «тёти Кати». Я получил много подарков, которые я просил сохранить до моего возвращения в Колпаково на Рождественские каникулы — для моей сестры.

На другой день дед, который был в мундире и с орденами, пошел поговорить со старым другом — директором корпуса, а я остался один среди таких же малышей, как я. Все было ново, и как я заметил, что и среди малышей были различного роста и были различные характеры: одни опустили носы, другие старались принять воинственный вид.

У меня все мысли были сосредоточены на мысли; куда же исчез дед? Но его долго не пришлось ожидать.

Прошли приемные экзамены, я прошел из числа первых, мог бы воспользоваться льготой, но дед заявил, что лучше помогать тем, у кого есть нужда.

Началась учеба, мы стали кадетами, надели форму и начали привыкать к новым условиям жизни. Сразу же пришлось обратить внимание, что произошел подел между более смелыми и более сильными и слабыми.

Корпус занимал довольно большой участок с большим плацом перед главным зданием; дальше здания — квартиры учительского персонала. Все покрашено было в желтый цвет. Из достопримечательностей была фигура создателя корпуса ген. Черткова.

С новой обстановкой я скоро освоился, полюбил её, наука мне давалась легко. Скоро мы знали уже наш «гимн»: «Когда наш корпус основался, тогда отверзлись голоса» и т. д. Там было в одной строчке: «прощайте тухлые котлеты — с ними строгие офицеры», что не соответствовало действительности, так как питание было хорошее и свежее.

При каждой возможности тётки забирали меня к себе.

Жизнь шла нормально и быстро пришли Рождественские каникулы, 20-го декабря.

Последние 3-4 дня перед 20 декабря тянулись очень медленно. Отметки были неплохие, что особенно радовало, и мне отец сказал раньше, что если у меня будут хоро-

шие отметки, то я могу взять к себе двух товарищей — Максимовича и Чернышова на Рождество. Указанные «товарищи», в хорошем смысле, были детьми капитанов стоящего в Воронеже пехотного полка. Семьи капитанов имели: один 6 сыновей, другой — 4 сына и 4 дочери, так что отец считал своим долгом таким помогать, и помогал.

Ночь перед выездом мы все ночевали у тётки. Утром нас отвезли на вокзал, потом посадили в вагон, и мы расстались.

На вокзале надо было отдавать честь офицерам, что мы охотно исполняли и получали ответ с милыми улыбками.

Третий звонок, свисток, гудок и мы покатили. Вечером приехали на свою станцию. Стало темнеть. Вместо тройки были три лошади, запряженные гуськом, т. е. одна лошадь за другой; кучер имел длинный кнут в четыре метра.

Кругом было завалено снегом. Через 40 минут мы были уже дома.

Особенную радость испытывала сестра, которой я рассказывал различные небылицы о городе, где ночью светло, как днем, и что кадет в форме, независимо от его возраста, есть взрослый человек. Разговоры эти велись у камина в кабинете отца.

Вспоминая первый самостоятельный приезд, я вспоминаю приезд в следуюцем году, когда поезд пришел в бушующую метель.

Кучер не решился ехать, но предложил переждать, пока метель успокоится, а к тому же стали пошаливать волки. Гонца отец не прислал, чтобы узнать, что делается у нас, так как он предполагал, что кучер сделает так, как он и сделал.

Поезд пришел около 8-ми часов, метель успокоилась часам к 12-ти, мороз 20 градусов. Небо чистое — полнолуние. Я настоял чтобы ехать, и мы поехали, поглядывая по сторонам. На всякий случай у нас было ружье шомпольное, двухстволка, топор и еще что-то для защиты, если нападут волки.

И вдруг, не доезжая 2-х верст до усадьбы — стая волков, 9 штук. Приближаются к нам, лошади храпят, волки останавливаются, поднимают вой. Опять подходят бли-

же. Кучер стреляет — попадает в одного волка; на него нападают другие, а тем временем кучер отстегивает первую лошадь; накладывает на передние ноги путы железные. Оставляет здесь. На лошадь набрасываются волки. Она становится на дыбы и, опускаясь, придавливает волка, на которого опять нападают оставшиеся волки.

Через несколько минут мы уже в имении; еле-еле смогли проехать через ворота из-за глубокого снега. Сразу же остановилось несколько человек и отправились с оружием и топорами выручать «Бойца», который стоял на прежнем месте, весь окровавленный, и трясся. Было два задавленных с поломанными ребрами волка; один волк, подстреленный кучером; в общем волки начали между собой грызню и не раненные отбежали.

«Бойца» (кличка лошади) привели в конюшню, вытерли его жгутами, накрыли попонами и он через 4-5 недель поправился, но стал бояться серых собак: Если такая собака попадется, то он бросался в стороны, выворачивая экипаж. Впоследствии, в Японскую войну при наборе лошадей для армии, он был куплен для кавалерии.

Утром сообщили отцу: ночью волки напали на Белый хутор в 5-ти верстах от имения, где зимой стояло 30-40 пар волов. Сарай был крыт соломой. Волки прокопали солому, влезли внутрь и зарезали 7 волов, которым были поранены горла и частично выедено мясо.

Отец должен был поехать в Курск, и при содействии знакомого губернатора на облаву волков было прислано 2 роты солдат 125-го Пехотного полка.

В результате было убито до 26 волков, стало спокойнее.

Упоминая зиму, хочется вспомнить её хорошие и плохие стороны. Зима, в общем, тяжелое время года: занесет всё снегом, занесет все дороги. Приходится для обозначения дорог ставить ветки или просто соломенные снопики; в церквах отзванивали часы или просто так звонили, чтобы подать весточку заблудившимся.

Бродили кругом волки; воры пользовались плохой погодой — совершали кражи в церквах и были нередки случаи, когда попадались замерзшие, сбившиеся с дороги пешеходы.

Был случай, когда волки напали на едущего крестьянина и растерзали его.

Это — одна сторона зимы; есть и другая, когда после осенней грязи подморозит, выпадает первый снег — всё покроет белой блестящей на солнце пеленой; появляются коньки, лыжи, салазки. В городе извозчики появляются с бубенцами; охотники по первотропу пойдут на охоту.

Интересная охота бывала на зайцев с сетками. Во время вьюги заяц садится около кустика, вьюга его заносит — получается бугорок посредине с дырочкой, образовавшейся от дыхания зайца. Бугорок накрывается сеткой; зайца вспугивают и он попадается в сетку.

Другой разговор — это охота по первотропу на лисицу, которую надо объезжать на санях кругом её, что дает возможность подъехать на близкое расстояние и застрелить её.

С зимой связан праздник Крещения — Иордань, который устраивается на реках: во льду вырубается крест и изо льда делаются Престол и Крест.

Крестьяне отдыхают от летних работ. Работа заключается в кормлении скота и приготовлении инвентаря к весне. Молодежь собирается на посиделки, поют песни; на Крещенские вечера гадают.

Много жизни было на Масляной неделе. Здесь, как я помню, бывали и кулачные бои, когда одно село сталкивалось с другим селом; дрались, мирились, но не слышал я об убийствах. Забыл ещё упомянуть об обычае — это хождение на Рождество Христово со Звездой.

В моей жизни в зимнюю пору произошел случай, из-за которого жизнь моя пошла другой дорогой: во время Рождественских каникул я катался на коньках; лед на реке был чистый — местами рыболовы сделали проруби, к которым подходила рыба и они сеточками её подбирали. Проруби после ночи затягивало льдом. В такую прорубь я попал; задержался на руках, ногами дна не мог достать; и вот, при морозе около 20° я висел. Положение безвыходное — одежда мокла и сразу замерзала. Спас проезжающий недалеко разъездный этого района, который увидел что что-то торчит надо льдом и шевелится. Сначала подумал, что сом, а подошел и увидел меня. Помог вылезть; куртка, которая была на мне, примерз-

ла. После её подобрали. Через час я был уже дома. Положение было опасное. Положили в кровать; температура подскочила. В результате — острый ревматизм: действовала одна левая рука; помогали горячие ванны с соленой водой, куда опускали и вынимали мой труп. Так продолжалось около четырех недель, и я начал постепенно владеть ногами и рукой; принимал как лекарство салициловый натр, который действовал на сердце, и я ненормально быстро рос, из-за чего были осложнения и с легкими.

Врачи пророчили мне недолгую жизнь — до 20 лет; сейчас мне 84. Возвращение в корпус не могло быть актуальным вопросом.

Эти события связаны с зимой, которые произошли впоследствии, а теперь я возвращаюсь к тому времени, когда я на первые каникулы приехал домой. Рождество — детский праздник, и он дал нам много-много радости, удовольствия и, главное в то время, игрушек.

Были мои родственники, но для меня они были штатские «с вокзала», и я старался везде и всюду выделяться и, главное, быть вежливым и дамам целовать ручки. Сестра мною гордилась и ни на шаг от меня не отходила.

Время быстро пролетело; пришло Крещение — Иордань на реке, куда нас папа взял с собой. Прощание с лошадьми и со всем, что было живое. На другой день отъезд — учеба.

Поезд шел утром и я в сопровождении провожатого, в 10 часов вечера был уже в корпусе и, казалось, что никаких каникул не было.

Зима проходила; прошли крещенские и сретенские морозы — приближалась весна. Подошла Масленица — на пару дней можно заглянуть домой, а если на первой неделе говели (наш класс), то из пары дней могло быть больше недели. Через 6-7 недель Пасха — весна вступает в исполнение своих обязанностей.

Солнышко стало припекать. Потекли капли с крыш, которые к вечеру образовали сосульки.

Связанное с весной, вспомнилось одно из первых стихотворений, нами выученных: «тает снежок — ожил лужок», что подходит к настоящему времени.

Снег стал пористый, серый, на дорогах потекли ручейки — из маленьких стали речушки — все стекало в реку.

Поднялся лед и зашумели разливающиеся на несколько километров воды, снося все на своем пути. Пошел лед; на плавучих льдинах можно было видеть куски зимних дорог, плыли части каких-то построек; плыли и собаки.

Через неделю-две воды входили в свое русло; стала пробиваться травка, появились подснежники, фиалки, потом появились и ландыши.

Казалось, что как будто бы пробудился весь мир.

Образовался какой-то шум от прилета различных птиц: первые появились грачи и взялись за создание гнезд на верхушках ольхи. Около мельницы галки стали вить гнезда в дымоходных трубах, причиняя много хлопот жителям. Появляются аисты, которые мостились наверху крыш.

В воздухе правильными треугольниками летели гуси и журавли. Много было других птиц — всех не перечтешь!

Нельзя не упомянуть соловья, нельзя забыть его трели, это что-то особенное, я уже не слышал их многие годы пребывания в Австралии. С соловьем появляется кукушка. А дальше можно увидеть и сороку, как говорили, — белобоку.

В поле к вечеру начнет свое перепелиное: «хава-хава, пить тиль-вит», ему отвечает самка «прру-прру». Охотники охотились на перепелов с сеткой, которой накрывали часть хлебов — рожь или пшеницу, — затем начинали из специальных трубочек издавать звуки, подражающие самкам, на эту приманку часто шло несколько самцов, затем криком вспугивается птица и, подымаясь в высь, попадает в сетку. За хороших перепелов платили большие деньги, и у нас на террасе в клетках было всегда 2-3 перепела, которых мы слушали с большим удовольствием.

Каждая птица делала себе гнездо по-своему. Особенно интересные были гнезда у ласточек, которые она склеивала из глины где-либо под стрехом.

Проще всего решался этот вопрос кукушкой, которая яйца клала в чужие гнезда.

Я вспомнил, что жизнь была и на земле; там можно было видеть жука с рогом или с оленьими рогами; появ-

лялись летучие мыши; выставлялись улья с пчелами, и пчелки после зимней спячки брались за свою работу со сбора перги, пока не начали цвести цветы, что было видно на их ножках — красные или желтые.

У крестьян были свои обычаи, придерживались они церкви, например, на Св. Георгия выгонялся в поле после зимы скот; служились молебны. Скот окроплялся святой водой. На св. Николая 8 мая запускалась трава по сено. До Николая Угодника на лугах можно было пасти скот, а после Николы — нельзя.

Весной же празднуется Великий Русский Праздник Св. Христова Воскресения — это было что-то особенное, чего не могут упразднить за 60 лет большевики.

Подходит Пасха; кончается Великий пост с его траурным церковным звоном; приходит Страстная неделя — работы прекращаются; все чистится, стирается; получше одеться; каждый старается приобрести лучшую еду и, главным образом — красное яичко.

Вот наступила Пасха, день Воскресения Христова, из праздников Праздник... Крестные ходы, трезвон; все кругом прибрано — праздничный вид. Церковь украшена различными лампочками-плошками; в ограде горели бочки из под смолы, что давало хорошее освещение. Казалось, что весь мир что-то особое переживал. Нас, детей, иногда брали с собой и до моего поступления в корпус. Кадетом посещал всегда службу, и стояли мы с отцом в Алтаре.

Крестьяне, пришедшие освящать пасхи и пр., иногда из далеких деревень в большинстве случаев пешком, с детьми, уставали и потом большинство, примостившись на паперти, засыпало. Просыпались при крестном ходе, когда освящались пасхи.

Служба кончалась — мы возвращались домой.

До появления мачехи мы разговлялись, из-за нас, детей, в 10 часов. А при мачехе — придя из церкви, так как это было удобней, так как к 10-ти часам являлся церковный хор, служащие, и если не совсем пьяный, то и священник.

Для хора и служащих накрывался большой стол в зале. Наш стол в столовой, который был накрыт всю неделю и съеденное сразу же пополнялось, и чего только не

было: здесь были высоченные куличи, несколько различных пасх; окорока — свиные, телячьи, гуси, индюшки и разная дичь. Что касается водок, наливок и вин, то об этом не приходится и говорить. Постоянных гостей, приезжавших на праздник, было до 8 человек. Мы — детвора получали со всех сторон много подарков, не таких, как были перед Рождеством, а других, соответствующих наступающему лету.

Крестьяне обыкновенно праздновали всю неделю, а потом земля более или менее подсохнет — отправлялись в поле.

Хозяевами в поле были лошаденка, соха и деревянная борона. Сеялось все вручную, т. е. руками. И какая была красота, когда все ушли в поле. В воздухе заливаются жаворонки.

Другое дело было, когда в поле выходило имение, со многими парами волов, с плугами, сеялками, жнеярками и паровыми молотилками.

Прошла Пасха, заканчиваются посевы; наступает Зеленая Троица. Кругом все украшено березами, травой посыпаны полы.

Раньше я упоминал о том, что, будучи в корпусе, у нас был учебный перерыв на Масленицу. Дальше Пасхальные каникулы, которые продолжались 2 недели. О том, как мы бывали в церкви, раньше я сказал. Не сказал того, как дети реагировали на праздник, а мы по-своему относились ко всему, и часам к 9 в новеньких костюмчиках (потом я в кадетской форме) бежали на двор, крича «Христос Воскресе!». Это касалось пчел в ульях (6 ульев стояли около дома), касалось это всего живого, что встречалось. Что касается людей, то с ними мы целовались и всем дарили яички. Яички были металлические или деревянные и в каждом яичке было 5 рублей золотых, что дало много радости. Относительно полученных нами подарков я упомянул раньше.

Прошла Пасха, а там уже близок конец учебного года.

Троица бывала в разное время, но мы были все дома и помню, как теперь: в воскресение утром садовник приносил нам с сестрой в красивой плетеной коробочке два букетика, с которыми мы шли в церковь.

Прошла весна, наступило лето, которое изменило существующую раньше жизнь. Отец решил жениться.

В один прекрасный день были поданы лошади и отец сказал, что поедем к будущей матери, он хочет нас представить. Для нас с сестрой было это ново, так как раньше мы ничего не слышали о новой маме, а жили воспоминаниями о старой матери.

Приехали к новой маме. Встретила нас статная, стройная, красивая женщина. Подошла к нам, как-то приласкала, что-то сказала и в один момент она нас очаровала и привязала к себе на всю жизнь. Сестра додумалась до того, что сказала, что, может быть лучше, что умерла та мама и мы имеем эту мамочку.

С появлением в доме мачехи произошли перемены. Главным образом, касались меня.

О возвращении в корпус не приходилось говорить, так как врачи считали, что мне нужна более свободная обстановка, в противоположность обстановке корпусной; к тому же мачеха была сторонницей не корпусного образования, а гимназического; исходила из того, что и после гимназии я смогу поступить в любое военное училище и, кроме того, буду иметь более хорошее образование. Как бы то ни было, но пришлось смириться — любимую форму с погонами и фуражку с кокардой заменить серой шинелью с синими петлицами, синей фуражкой с белым кантом и сменить мундир черный на синий с металлическими пуговицами без всяких знаков.

Не хотелось терять одного года, и был нанят для подготовки меня в 4-й класс студент, который смог меня расположить к науке и я неплохо сдал экзамен.

В гимназии я жил как пансионер, распорядок дня был более схож с корпусом, но здесь дисциплина была другой, другие были воспитатели. Здесь можно было уходить к знакомым в город без всяких формальностей, заявив воспитателю, что ты уходишь. Обыкновенно был ответ — не опаздывать к ужину. Еда в гимназии была лучше и более разнообразная. У знакомых я имел лошадь и мог совершать прогулки верхом и в шаробане. В старших классах я предпочитал ездить со спутницей — автомобилей в то время не было, было безопасно ездить.

Спорт как в корпусе, так и в гимназии был один и

тот же — лапта, городки; малыши играли в клепушки; зимой — коньки, снежки и взятие снежных крепостей. Играя в городки, проигрывались, главным образом третье — сладкие блюда или что-либо из второго блюда завтрака. Многие проигрывали за много недель вперед.

В гимназии была своя церковь, был хороший хор, которым управлял какой-то семинарист и мы — певчие имели постоянную ложу в театре на 12 человек в послеобеденное представление и на 12 — вечером.

Любили цирк и было несколько человек-силачей из 7-8 класса, которые любили борьбу, но нам запрещалось выступать на публичных площадках.

В Курске было 3 женские гимназиии и епархиальное училище, но он было более духовное, в противоположность светскому образованию в гимназиях или реальном училище. Были женские гимназии поделены: Мариинская (серые крысы) — наши; вторая гимназия — зеленые лягушки — реалистов и между нами бывали бои настоящие, когда мы нападали на лягушек, а реалисты — на крыс; разгонялось все дворниками, вооруженными метлами.

Была частная гимназия Каменевой, там не был ограниченным возраст и были «тети» (им 20-22 года, они в 4-ом классе), которые нас просвещали.

На этом я заканчиваю нашу жизнь до оставления нами Колпаково и переезда в Воронежскую губернию где, по предложению Поземельного Банка, отец приступил к парцелляции довольно большого имения.

Я описывал жизнь. Теперь вспоминаю события, связанные с Японской войной, окончившейся позорным миром.

Надо сразу же сказать, что все левые группировки для своих интернациональных целей хотели поражения России и тут играло большую роль еврейство. Они возглавляли и большевиков и меньшевиков и пр. Еврейство Америки охотно поддерживало все организации антирусские. С ними наша прогрессивная молодежь, студенчество. Были у нас и национальные организации: как Союз Арханг. Михаила, но было наложено клеймо «Черносотенники»; казаки, охраняющие честь и достоинство были «опричниками»: власть была пассивной и психология

народа была ей чужда. Можно сказать, что не было волевых людей, а пришел Столыпин, то его убрали, а кто — еврей.

Перед началом войны была произведена частичная мобилизация; забрали у нас 5 лошадей. Мы с сестрой имели особенные переживания. Нам было жалко Бойца, Волну, Мальчика, Синичку. Викторовскую не было жалко, так как был случай, когда не было отца, я приказал оседлать английским седлом Викторовскую и поехал через село, чтобы показать себя, но из-под каких-то ворот выскочила собака. Викторовская бросилась в сторону, седло на круглой спине соскочило. Я не помню, как ноги из стремян вынул и каким-то образом очутился дома без памяти. С отцом крупных разговоров не было, но мне было запрещено без его разрешения брать лошадь. Сестра этот случай помнила и потому Викторовскую не жалела. Что касается остальных лошадей, то мы почему-то думали, что они дадут возможность разбить япошек и потом они вернутся.

Начались разговоры, что «что значит Япония, мы её забросаем шапками». В действительности получилось совсем другое. К войне мы не были готовы. В атаки же шли против японцев, имеющих уже пулеметы, в белых мундирах, сомкнутым строем, впереди со священником, держащим в руках крест. Служились молебны. Поля боев покрывались трупами в белых мундирах, погиб местный флот, которым командовал адмирал Рождественский; спасовал Стессель, отдал Порт Артур; из полководцев-конников были две доблестные фамилии — ген. Мищенко и ген. Кондратенко. Были и другие, но, видимо, злой рок преследовал Россию. Пошли разные слухи, во многих случаях неправдоподобные. Появились песни: «Варяг», вальс, «На сопках Маньчжуриии» и др.

Русь была как будто бы заколдована и были только одни неудачи. Левые подняли головы — начались волнения рабочих; железнодорожные рабочие не пропускали военных поездов. Потом все перекинулось в провинции загорелись имения, во многих случаях сжигались и помещики, и скот, так как он принадлежал барам. Народ оголтел и не знал, что ему делать, кроме беспорядка, убийств и грабежей.

В то время я был кадетом, жил с отцом дома, сестру отправляли на ночь к священнику. Днем я ходил по двору с воздушным ружьем и кинжалом, представляя из себя часового. Приходили группы крестьян оберегать имение от погрома и поджогов, которые совершали группы «революционеров», живущие в других местах. Они совершали поджоги, грабили, что можно, совершенно начисто и шли дальше.

Пыл у крестьян охранять имение стал проходить и вместо их пришла сотня Кубанского полка, которая тут же расположилась на продолжительное время, 4-6 недель. В результате среди сгоревших кругом 23-х имений Колпаково уцелело. Уцелели и другие большие имения, которые смогли обеспечить военную охрану.

Кругом большинство усадьб было сожжено, ограблено и почти что не было, что охранять.

Сотня ушла. Казалось, что жизнь стала входить в свою норму.

После ухода сотни прошло 2-3 недели и начали шалить крестьяне деревни Новоселовка, находящейся от имения в 5 километрах, где были сосланные на поселение различные воры, убийцы, разбойники из других губерний.

Положение их было, как и в других деревнях, и даже лучше, так как получали они наделы на всех членов семьи, а не только на мужчин. Раньше говорили: «тот» имеет паршивую жену, но рожает мальчиков, а жена «того» и красивая, и нарядная, а рождает девочек; и первые имеют наделы на каждого мальчика, а родившиеся девочки наделов не имеют.

Шалости указанных поселенцев заключались в том, что они, пользуясь лунными ночами, стали рубить лес «Ольховка». Отцу все надоело, а когда ему сказали, что началась рубка леса, он сказал подать двух оседланных лошадей, взял меня с собой и мы поскакали на место рубки, но там уже никого не было. Были свалены деревья; стояло несколько лошадей, запряженных в сани. На одних санях 3 человека стали уходить в деревню и там где-то свернули в сторону.

Мы повернули обратно, шли на рысях и наткнулись на протянутые через улицу толстые веревки. Но, Слава Богу, лошади перескочили эти веревки. Мы благополучно

вернулись. Оставлять эту порубку леса без принятия каких-либо мер нельзя было, и к нам пришла сотня 17-го Донского имени ген. Бокланова полка.

Командир сотни, однокашник отца по Николаевскому Кавалерийскому Училищу, знал деда, в общем, была милая встреча. Были взяты заправилы рубок и помещены в Волостное правление, среди которых взято было 2 человека, которые совершили несколько нападений с убийствами. Охрану волости несли 12 человек казаков, до отправления арестованных, главным образом двух, в Курскую тюрьму.

День прошел спокойно, но было заметно движение там, в Новоселовке.

Вечером после ужина, как всегда, преферанс; вдруг вбегает прислуга и заявляет, что явился казак с окровавленным лицом и хочет видеть командира.

Казак докладывает, что к волости подошла группа крестьян человек 200, выломали деревянную стену, освободили арестованных и набросились на казаков, которые, отстреливаясь, должны были отойти. Лошадей забрали нападающие, и приехавший казак остался с лошадью, так как ездил в лавочку за табаком. Остальная сотня сразу же отправилась на место происшествия, но никого там уже не было, кроме 11 казаков. Лошадей нападающие забрали с собой, седла были сброшены, лошади уведены и только 3 из них были найдены на ярмарке через несколько недель.

Прошло некоторое время, казаки получили лошадей казенных, хотя казак имел свою собственную лошадь. Арестованных разыскали, включая двух криминалистов, отправили в тюрьму, дали минимальное наказание, исключая двух, присужденных на каторгу.

Позорно проигранная война окончена. Почти везде подавлены при помощи казаков бунты и мятежи.

Россия удержалась на своих ногах.

Я думаю, что прошел год, стали залечиваться раны; стали появляться новые постройки, ввелись новые реформы: стали строиться школы, появилось Земство, давшее много крестьянам.

Вообще ввелись новые законы, благодаря которым Русь шагнула вперед.

Земельный вопрос разрешил Столыпин.

Армия вместо белых мундиров оделась в хаки, и тоже должны были быть новые реформы и в армии.

Несмотря ни на что темным силам не хотелось, чтобы Россия встала во весь свой богатырский рост.

Другой у нас не было и не будет, так как мы — великая сила. Нас нельзя поделить на Украину, Великоруссию и Белоруссию, так как все мы едины-неделимы. Был Царь. Он и будет опять...

Заканчивая воспоминания войны бунтами, хочу припомнить случай, когда мы с отцом ехали вечером верхами через урочище Цигельня и, проезжая через мостик, лошадь отца шарахнулась в сторону, и из-под моста вылез обросший какой-то человек с большим ножом; поймал лошадь за уздечки, хотел размахнуться ножом, но отец поймал за воротник, поднял кверху и бросил.

Мое положение было ужасное, так как у меня не было ничего в руках и надо было держать лошадь, чтобы не оставить одного отца. Когда же отец его поднял и бросил, он попал в болото, нож куда-то отлетел и он заявил, что должен убить отца.

Теперь отец уцелел только из-за меня.

Мы стояли. Он вышел, попросил у отца закурить, рассказал, что он один из тех двух, которых арестовали в Новоселовке и что перед тем как идти освобождать арестованных в волости, они взяли одну бочку из спиртного завода и все делали спьяна.

Он бежал по дороге в Сибирь, жил одними разбоями — все ему надоело.

Теперь просит отца отдать его в руки полиции, которая была уже при волостях, 5-6 конных.

Мать ужасно все переживала, и мы решили уехать из Колпаково, как раньше сказано, на парцеллирование одного имения в Воронежской губернии.

Следующее воспоминание начинается с Воронежской губернии, имение «Красная долина».

Дальше — окончание среднего учебного заведения, военного училища и война.

Упомянутый беглец с каторги при большевиках был в селе Колпаково начальником милиции.

Уезжая из Колпаково, я почему-то часто вспоминал утреннее чаепитие с отцом на балконе в праздничные дни, когда церковный звон из соседних сел заполнял, казалось, всю вселенную. Господи, сколько было во всем великого и, я бы сказал, — Божественного!

Перед нашим переездом из имения Колпаково следует упомянуть о военных маневрах в районе имения, на которых присутствовал Государь.

На большом выгоне, прилегающем к имению, был смотр войскам. Здесь были все роды оружия: пехота шла с ощетинившимися штыками, со старыми бодрящими, еще времен Екатерины и времен Отечественной войны, песнями; шла лучшая в мире артиллерия на великолепных лошадях, маячили казаки, проявляя свою ловкость и удаль; шла регулярная кавалерия с различными формами полков, лошади подобраны по мастям.

Одни части шли с удалыми песнями, другие с оркестрами, Каждый полк имел свой марш, написанный в память каких-то в прошлом побед. В кавалерии, кроме маршев, применяли и вальсы.

Государь появился в автомобиле. Штаб, окружавший Государя, выглядел как-то особенно.

Тысячи крестьян из окрестных сел, пришедших поклониться своему Царю-Батюшке, — все это произвело незабываемое впечатление. Здесь можно было видеть лицо Великой, Могучей России.

К сожалению, это Русское величие, созданное Русскими царями, разрушалось интернациональным кагалом, нашей интеллигенцией и масонами.

Время шло... Семья наша прибавлялась: появился брат Алексей и сестра Наденька. Сестра училась дома, я — в гимназии. Казалось, что все улеглось, успокоилось, но в самом деле все ушло в подполье и после того случая, когда каторжанин (упомянутый раньше) бросился с ножом на отца, вспомнилось все, что здесь было: поджоги, разбой, убийства и пр. Мы решили переменить место жительства и остановились на имении Красная Долина в Воронежской губернии. Имея как компаньона двух немцев с большим капиталом, благодаря чему покупались имения, в большинстве случаев заложенные во многих

местах и передававшихся в Земельный Банк, и там, по Столыпинскому проекту, делились на отруба, переходя в собственность крестьян.

Имение, куда мы переехали, находилось в 16-ти верстах от станции железной дороги, имело 700 десятин пахотной земли; площадь, занятая под имение, была более 100 десятин. Все было разбито на кварталы; кварталы были обсажены деревьями, выглядели как аллеи. Кроме деревьев, кварталы были обнесены низкими, белого цвета заборчиками; был огромный фруктовый сад со множеством клумб с цветами.

На некоторых кварталах помещались: барский дом с колоннами и домом для прислуги; кварталы, где были конюшни, скотные дворы. Квартал с 9-ю домами по 2 квартиры, с крепостных времен для Администрации и рабочих. Около барского дома в 500 метрах стояла церковь. В восточной части имения был громадный пруд и в центре была вальцевая с газо-генератором мельница., дающая в сутки до 5-ти вагонов перемола муки. В конце усадьбы проходила железная дорога, в 3-х верстах станция Суховкино, от которой шла ветка к мельнице.

В 2-х верстах от станции Суховкино юго-восточной железной дороги находилось имение Королевых, родственников по материнской линии, с известным конным заводов рысаков.

Бегами я увлекался больше, чем скачками; неоднократно принимал участие в бегах и имел несколько первых призов на лошади «Славный голубь» завода Доспеха. Отец всегда охотно поддерживал мое увлечение конным спортом, но сам в нем не участвовал, кроме верховой езды. Любил езду в двуколке, парную езду с одной пристяжной и тройки.

В общем, все в Красной Долине кончилось тем, что мельница была оставлена, а остальные все через Земельный Банк было парциллировано и по программе Столыпина пошло на отруба крестьянам и мы перекочевали в большое имени кн. Брятенских с посевной площадью более 4.000 десятин в Тамбовской губернии Кирсановского уезда.

Жизнь в Красной Долине протекала нормально —

тихо, покойно; на летние каникулы всегда кто-то приезжал из бывших товарищей по корпусу. Летние каникулы проходили в конном спорте, охоте на диких уток, которых было множество, и рыбной ловле удочками. Зимой главным образом охота на зайцев на лыжах. Когда ставилось что-либо интересное в театрах Воронежа, то мы ничего не пропускали.

В 1912 году я окончил классическую гимназию, получил аттестат зрелости и должен был начинать самостоятельную жизнь. Предки мои начинали свою жизнь с военной службы — этой дорогой пошел и я. Началом было Николаевское Кавалерийское Училище — казачья сотня, но не прошел по медицинскому осмотру, что было отложено до следующего года. Этим обстоятельством я был огорчен. Терять год не хотелось. Я поступил в Воронежский Сельскохозяйственный институт. Сельское хозяйство, проводимое рационально, меня интересовало. Год студентом быстро пролетел, оставив хорошее воспоминание. В Николаевское Училище я не поехал, а предпочел остановиться на Киевском Константиновском пехотном Училище, так как мне подходил южный климат; здесь был более легкий режим, так как я был один без лошади, и, кроме всего, я, как казак, имел возможность поступить в конный казачий полк, что и произошло по окончании училища. Режим училища, отношение командного и учительского состава были безупречными. Училище со своими сводами было каким-то особенно уютным. Училище находилось на Печерске, впереди большая площадь и дальше недалеко находилась Киево-Печерская Лавра.

Отношения между старшими и младшими скоро установились самые лучшие без цука, который особенно был принят в кавалерийских школах. Занятия для нас не были тяжелым бременем. Особенно приятны были строевые занятия. Пройти с лихой песней, печатая шаг по Крещатику, было одно удовольствие. Что касается топографических съемок там, где были дачи и дачницы, не приходится и говорить. «Съемки верные, съемки глазомерные, вы научили нас женщин любить». Все это было.

За Днепр мы ходили по шоссе на Чернигов, проходя по цепному мосту, давалась команда: идти не в ногу. Око-

ло Лавры надо было спуститься вниз по 230 ступенькам. Одно дело было спуститься, другое дело было, идя обратно по этим ступенькам подняться. Когда с нами был командир 1-ой роты полк. Дойгман, или 2-ой роты полк. Галушкевич, тогда было объяснение, что гора якобы разбита артиллерией и мы должны её атаковать. Кто чувствует себя слабо — выйдите из строя, но никто не выходил, хотя человек 10-15 очень отставали и еле карабкались. Кто «взял» гору, имели 30-минутный привал и лакомились вкусными пирожками и вкусным квасом Лавры. Отставшие этого удовольствия не имели, так-как опоздали и должны были сразу же, став в строй, продолжать общий марш.

В Киеве было очень много исторических памятников, взять хотя бы пещеры, которые для каждого верующего человека были святостью. При большевиках там были музеи. В стоящих здесь нескольких маленьких церквушках совершались ежедневно службы. Были церкви, стоящие чуть ли не от времен Крещения Руси. Были монастыри. Выделялся памятник Богдану Хмельницкому, в свое время соединившемуся с Московской Русью.

Теперь при власти большевиков многое исчезло, чего нельзя восстановить. Взять хотя бы Киево-Печерскую Лавру; причем все, что они уничтожили, было уничтожено после занятия Киева немцами. Для варваров нерусского происхождения все было чуждо. Ленин сказал, что на Россию ему наплевать.

В праздничные дни, в большинстве случаев мы на богослужениях были в Училище и только кое-когда навещали знаменитый Софийский собор и новый Собор Св. Владимира, где был знаменитый хор в 150 человек. Женские голоса заменялись мальчиками. Настолько хорошо пел хор, что человек не знал, где он и что он слышит.

Театры, цирк были великолепные, было что посмотреть. Но не всюду нам, юнкерам, можно было бывать и в большинстве случаев мы посещали Царский сад со множеством цветов и уютных уголков. Около Царского сада был Купеческий сад, где постоянно играл симфонический оркестр, выступали артисты, был там великолепный буфет. Но мы там не бывали, а уже после производства посетили все места, ранее запретные для нас.

По воскресеньям устраивались пикники, прогулка пароходом, например, до Межигория. Вечером возвращались обратно. На обратном пути можно было видеть на голубом фоне южного неба светящий Крест на Владимирской горке, — памятник Крещения Руси.

Памятник при большевиках уцелел, но не был освещен электрическим лампочками.

Киев был особенно богат скверами, садами, было много цветов, всего не перечтешь, и можно сказать, что Киевмать, столица Российских городов, и другого Киева нет, и он дорог каждому россиянину — здесь я подразумеваю всех «Россов» с добавлением Велико, Мало и Бело.

Время, проведенное в милом Киевском Константиновском Училище, остается дорогой для меня памятью. Училище дало немало выдающихся полководцев.

До 1914-го года в Киеве было одно пехотное военное училище и инженерное, кажется, Алексеевское. Во время войны были открыты два Николаевских училища — одно пехотное, другое — артиллерийское. Из военных учебных зеведений был Владимирский кадетский корпус.

Вспоминая училище, вспомнил я случай, когда я узнал об Украине. До сего случая я знал Малороссию, а тут услышал о создании самостоятельной, отдельной от России Украины. Разговор этот произошел во время дежурства по кухне с юнкером с Волыни. Начался он о том, что Украина находится под игом русских царей, что всюду создаются группы, мечтающие об отделении Украины. В Москве его брат, будучи юнкером Михайловского артиллерийского учил., возглавлял такую группу. Кто-то куда-то донес, и он был исключен из училища накануне выпуска, но потом был принят и служил Царю и Отечеству. Он же, мой собеседник, человек с более сильным характером, служить Царю не будет. Сначала я думал, что это бред, но когда он вошел в азарт, я по-товарищески сказал, что я доносить никому не буду и прошу прекратить разговор на эту тему.

Мне кажется, что ему хотелось, чтобы я об этом разговоре донес бы начальству, и он не был бы офицером и не пришлось ему быть слугой Царя! Такой разговор слышать от своего однокашника было неприятным явлением и — новым.

Что касается Украины, то Киев я считаю матерью русских городов, и Украина является неотделимой частью России. На этом разговор кончился, перешли мы на другие темы и, несмотря на то, что он не хотел служить Царю, решал вопрос в какой он выйдет полк. Остановился на Апшеронском, где служил его отец, командуя полком. Впоследствии мне пришлось с ним встретиться в 1917 году на Барачной улице в Новочеркасске, где началось формирование Добровольческой Армии, и он пришел на призыв ген. Алексеева. Был он в чине капитана, и на груди выделялся орден Св. Георгия 4-й степени. Встретились по-приятельски, и он поступил в Корниловский ударный полк, где пробыл всю белую компанию до эвакуации из Крыма...

Среди юнкеров, как говорят, не было однолитной массы и таких, которые кричали бы о своем ура-патриотизме, было немного. Все учились, маршировали, жизнь была в стенах училища — остальное мало интересовало. Очень интересовали лекции по тактике, разборы прежних войн: всесторонне разбирались и победы, и поражения.

Так все текло до лета 1914 года, июля месяца. Лето 14-го года было особенно жаркое. Стали ползти слухи о возможности войны с Австро-Венгрией и Германией. Слухи исходили от нашей красной интеллигенции, желающей поражения нашей армии. Большую роль в этом играла левая печать. Надо сказать, что при начале военных действий был такой порыв, что пошли все — и красные, и белые, но при первых поражениях стало много меняться. На место твердого кадрового офицерства появилась молодежь с 4-месячным образованием.

Наконец, действительно началась война. Все переговоры с немцами и австрийцами ничего не дали. Наш Государь войны не хотел, большое доверие он оказывал Вильгельму, который искал случая для начала войны. Россия была лакомым кусочком. Казалось, что после Японской войны будет возможно охватить Украину и создать католическую Украину, включая Галицию, Прикарпатье во главе с Францем-Иосифом. У немцев были уже намеченные кусочки; конечно, не спали англичане, ведь они все время копали могилы для России, мечтали о Мур-

манских лесах, о южной части России с нефтяными промыслами в Баку.

Появились воззвания с обращением Государя к народу и об объявлении нам навязанной войны. Приказы о призыве резерва. Через несколько часов были заполнены все улицы около призывных пунктов. Были комиссии, принимающие лошадей для кавалерии, артиллерии и обозов. Пехоту забирали в свои части унтер-офицеры. Все из серого цвета оделось в защитный цвет, и масса серая людская стала принимать солдатский вид.

Появились различных возрастов офицеры резерва, преимущественно прапорщики запаса. Через пару дней появились офицеры после сокращенного курса из военных училищ.

Среди мобилизованных немало было жен и детей, пришедших проводить уходящих на фронт. Здесь были слезы, здесь были бодрящие выступления.

Большинство верило в скорую победу. Несмотря на поражение в войне с Японией, верили в непобедимость Русской Армии. Очень хорошее впечатление производили части регулярной Армии — пехота и артиллерия, которые под звуки маршей шли на погрузку; и покатили поезд за поездом при двух паровозах на юго-запад.

Я невольно обратил внимание, что большинство офицеров, командиров рот, были не молодые; были они сразу же брошены на поле брани. Там большинство их погибло — армия лишилась кадрового состава, и заменили их штатскими людьми, прошедшими 4-месячный курс военных училищ и школ прапорщиков. Честно разбираясь, надо молодежи отдать должное, что им пришлось перенести все тягости войны и Европейской, и Белой. В таком же положении был хорошо подготовленный полуофицерский состав, прошедший учебные команды в мирное время.

Немецкое командование в первую очередь выставило против вторгнувшейся русской армии в Пруссии свои резервные части. Наше командование рассчитывало на быструю победу, в чем очень ошиблось; из-за этого через несколько месяцев уже оказались недостатки и в вооружении, и в снаряжении. Резевы шли без оружия, и солдат ожидал, когда убьют его товарища солдата, и он полу-

чит его винтовку. Этого вопроса я не стану затрагивать, так как он для нас, воинов войны 1914-1917 гг., является больным.

Война началась, началось победоносное наступление в Пруссии и Галиции. Как говорят, «не зная броду — не суйся в воду» — так было у нас. Не будучи вполне подготовленными, мы спасали неблагодарных союзников. Спасли Париж и потом здорово поплатились потерей Самсоновской армии и гибелью Самсонова.

Теперь с уверенностью можно сказать, что описанная обстановка привела к крушению прежнего строя, в чем оказывалась поддержка еврейского инцернационала. Коронованная православная Россия не была ни для кого желанной, хотя кроме добра она никому не приносила и захватнических целей она не имела, как Англия с колониями.

Через несколько дней старшие юнкера по Высочайшему повелению были произведены в подпоручики. У нас появилась зависть и боязнь, что опоздаем на войну. У некоторых было желание сразу же отправиться на фронт и там уже получить производство. Это были разговоры, остались все на местах и через 4 месяца мы, также по Императорскому повелению, были произведены в подпоручики.

Это был последний выпуск с 2 звезд.

Производство по Высочайшему повелению осталось в памяти, как особое происшествие в жизни. Офицер — это слово особенного, великого значения, связанного с созданием нашей Матери-России.

Нашим прапрадедам от кого только ни приходилось защищаться: здесь были шведы, Полтава, Наполеон, католическая Польша, местные бунты Пугачева, Разин и другие.

У нас были Александр Невский, Димитрий Донской, был непобедимый генералиссимус Суворов, не проигравший ни одного сражения; был Кутузов, были Синяевы — моряки и много-много других, имена которых не перечесть.

Были у нас и святые отцы, благословляющие на ратное поле.

Нельзя не упомянуть о Минине и Пожарском, Донском атамане Платове, Донском казачьем генерале Каледине и вышедших из простонародия в войну 1940-47 гг. генерале Жукове и др., изгнавших немцев с Русской территории, и о всех офицерах, ставших в ряды Белых воинов.

Наша дорога служения Единой и Неделимой России должна быть продолжением, начатой нашими предками.

Русское молодое офицерство доказало свою верность и преданность России тем, что создало Белую Армию с лозунгом Единой и Неделимой. и не принесло присяги большевистскому кагалу: Троцкому, Гамарнику и др.

После производства — подъемные деньги, обмундирование, снаряжение, положенное офицеру и, имея отпуск, разъехались по домам, после чего должны были явиться в свои выборные по баллотировке части.

Я был назначен в распоряжение Донского Атамана генер. наказн. Атамана генерала Покатило, который формировал 2 полка для отправления во Францию. Впоследствии полки остались в России, а была сформирована ат. Бригада, которая была брошена во Францию и спасла Париж от захвата его немцами.

Все это, конечно, давно забыто, а забывать мы не должны. Благодаря русским был спасен не только Париж, но и Верден и вся Франция.

В последний раз с какой жалостью мы вышли из училища не юнкерами, а офицерами Русской Армии.

Через двое суток я был уже дома. Для окружающей публики я стал взрослый «молодой барин», для стариков, служивших в армии, стал «Ваше благородие».

Поздоровавшись с родителями, я сразу же смылся в конюшню смотреть отцовский подарок — лошадь сыну, уходящему на фронт. Лошадь превзошла все ожидания по красоте; породы она была Кабардинской (Кавказ), высотой 4 вершка, светло-гнедой масти, хвост и грива с белой проседью, кличка её была — «Мечта» и в действительности, было мечтой иметь такую красавицу. Шла как балерина, храпела, и чувствовалась какая-то особенная строгость. В станок к ней мне не посоветовали заходить, т. к. она кусалась, била ногами; любила она вошедшего в станок чужого человека прижат ь к стенке и кусать его.

Вопрос этот был отложен до следующего дня.

На следующий день чуть свет — дождь, слякоть, а я решил все же сесть на нее, но не тут-то было, так как она была покойна, пока была в руках конюха (конюх был казак, который жил у деда, он хорошо её выездил, она брала различные барьеры-препятствия; очень чутка была на повод, при поворотах легко её можно было положить). Как только я взял чембур, она меня здорово укусила за плечо, но я в это время вскочил в седло. Она встала на дыбы, я ударил её нагайкой. Она упала, вскочила, обернувшись ко мне задом, стала бить «задом», так, что пришлось призвать на помощь казака, у которого она успокоилась, но мне не советовали её трогать, и все снова отложилось до следующего дня.

Следующий день был ясный, светило солнышко и я решил начать все с совета того же казака, что следует разбить яйцо между ушей лошади, ставшей на дыбы. Этот способ оказался реальным, но она стала ложиться и бросаться, стараясь меня укусить. Положение было не из приятных.

Подошел отец, Мечта сразу же успокоилась, протянула голову к карману отцовской одежды. Отец дал кусочек сахару, погладил её по шее и, не беря в руку повода, сел на нее. Она стояла. Отец взял повод, повернул её в другую сторону, и она спокойно пошла. Шла она крупным шагом, шла проездом, шла рысью; и как только отец встал на ноги в стременах, она пошла вскачь.

Отец вернулся, дал мне сахару и сказал, чтобы я подошел к ней, погладил бы по шее, и когда я буду садиться, не подобрать повод. Я сделал, как советовал отец, и с этого момента я стал её другом.

Несколько месяцев она служила мне. Но при взятии Черновиц, в атаке, состоя в конной группе генерала Келлера, — была убита.

Было это в мае 1915-го года. Большой осколок гранаты пробил ей бок, внутренности вышли наружу. Этим же осколком я был ранен в ступню левой ноги. Не помню, каким образом вынул ноги из стремян. Подняться не мог, т. к. правая нога была придавлена. Появились мухи; почувствовалась боль и в раненной ноге, и в придавленной — в общем, дальше я ничего не помню и пришел в

себя уже на станции Садогуры, где раненых грузили в санитарные поезда и отправляли в Россию.

Здесь все уже было, как в сказке: отличные поезда, отличный уход милых сестер различных Общин при участии в них особ Императорской фамилии. На проезжаемых станциях встречи с музыкой, цветами. Появились различные патриотические организации приветствовать своих раненых воинов. Я сказал бы, что доброе и милое отношение как-то делало боль такой чувствительной. Первое при ранении — это йод и успокаивающий морфий.

В глазах у меня маячила уже раздувшаяся как бочка Мечта.

Через несколько дней была выгрузка в Воронеже, что меня устраивало, и я попал в госпиталь, содержащийся за счет дворянства.

Госпиталь этот я буду вспоминать в будущем, а теперь возвращаюсь к моему отбытию на фронт после выпуска из училища. К концу приходит отпуск. В дальнейшем война со всякими последствиями и, как говорят, может быть, прийдется голову сложить на поле брани.

Домашняя обстановка была довольно грустная. Отец подбадривал и считал, что долг каждого встать на защиту Отечества и судьбы своей не обойдешь. Подбадривал меня и мой любимый дед своими письмами, предсказывая мне в будущем быть хорошим полководцем. Грустила сестра, заявив, что она тоже уйдет на фронт, когда узнает о месте моего пребывания. Мать пророчила, что я пройду «огни, воды и медные трубы», как говорят, выйду из войны целым и доживу до глубокой старости, что и сбылось (84).

«Мечта» с казаком была отправлена в Новочеркасск, а через два дня состоялся и мой отъезд. Поданы лошади, по старинке — присели, помолились, получил я несколько благословений, включая ладонку с Живыми мощами. Попрощались — и тройка серых в яблоках лошадей привезла меня на станцию железной дороги. Подошел скорый поезд Саратов — Козлов, и я уехал, оставив то, что было связано с милым, дорогим детством.

Среди пассажиров было много офицеров различных возрастов. Шли разговоры о наших начальных победах,

и была полная уверенность в скорую победу. В общем настроение было уверенное, верили в непобедимость нашей Армии...

У окна сидел немолодой капитан с орденом Св. Георгия 4-й степени. Как выяснилось потом, Св. Георгия капитан получил в Японскую войну. Теперь ушли на фронт три его сына: подпоручик, юнкер и кадет 5-го класса кадетского корпуса, он сразу же был убит случайной пулей при чистке винтовки.

Отец очень грустил, но потом как-то отошел и вступил в разговоры с нами, молодыми офицерами; многое рассказал о Японской войне. Отзывы о нашем командном составе были нелестные и теперь он «не верит в конечную победу. Государь не имет верного оплота и нет прочного фундамента, который все время разваливается мировым интернационалом, в чем ему помогает наша левая интеллигенция».

Приехали в Воронеж и покатились на юг; проехали большую узловую станцию Лиски, а там Миллерово, станица Каменская — мы едем по земле Великого Войска Донского, появились красные лампасы. Около станции стояли оседланные лошади. В общем, обстановка изменилась: в сравнении с Центральной Россией, здесь уже чувствовался как бы военный край; край, который жил своей жизнью — со своими традициями, своим укладом жизни. Из всех народностей, создавших Великую Российскую Державу, казачество приняло большое участие в этой борьбе, об этом нельзя умолчать так же, как нельзя не упомянуть о героизме и покрывшими свои знамена немеркнущей славой.

В большей или меньшей степени я бы назвал казачьи края военным лагерем, благодаря чему в этих краях зародилась и создалась Белая Армия. Армия, восставшая против большевиков при участии генералов Каледина и Корнилова, и казачество с оружием в руках вступило в неравный бой с многочисленными бандами под руководством главным образом латышей.

Пришлось принести на алтарь России море пролитой крови.

После окружной станции Каменской, Алекс. Гру-

шевск с большими угольными шахтами, Перепановка с военным лагерем и с хозяйственным училищем — дальше уже во всем своем величии показался златоглавый Собор и город Новочеркасск, стоящий на горе.

Там уже недалеко Атаманский дворец, памятник Ермаку, Платову и др., военное училище, кадетский корпус, институт благородных девиц.

В Новочеркасске в первую очередь представился я Наказному Атаману, который принял меня очень радушно, предварительно поинтересовался моим происхождением; записал у себя на бумажке, что отец кончил Николаевское Кавалерийское Военное Училище и дед — генерал, участник Балканской войны.

Появился адъютант, который все устроил и с временной квартирой, и с ординарцем, так как своего казака я отправил обратно, и новый ординарец, казак Лейб-Гвардии Атамановского полка, окончивший действительную службу в 1912 году, произвел очень хорошее впечатление и, главное, сразу же он сумел подойти к «Мечте».

Адъютант сообщил, что мой полк находится на юго-западном фронте в районе Перемышля, и сборная команда будет отправлена через 5-6 дней, а пока посоветовал мне посмотреть Донскую область и станицы по Дону.

Донская область, имея 40.000.000 народонаселения, состояла не только из казаков, а сюда входили крестьяне и калмыки. И были еще в малом проценте старообрядцы, имеющие свой уклад жизни, как, например, хутор Камышеваха.

Уже в первые дни пребывания я со многими познакомился и многое полюбил.

Едучи в Новочеркасск, я почувствовал, что у меня нет никакой опоры душевной. Была семья, была школа, было военное училище — все это ушло, я один. Прибыв на Дон, я почувствовал опору. За эти дни я приобрел много хороших знакомых; особенно приятное впечатление произвели офицеры старшего поколения, от которых можно было узнать, начиная от Димитрия Донского, всю историю Дона и России.

Во всех разговорах сказывалась гордость за Великую Российскую Державу, где немалое участие приняли казаки. И, главное то, что казаки сыграли большую

роль в смутное время, при выборе на царствование Романова.

На третий день, в зимнюю пору, когда все было покрыто снежной пеленой, при легком морозе, я со своим будущим однополчанином хорунжим Поляковым отправились в путь. Посетили мы в первую очередь мою станицу Константиновскую: моей называю потому, что там были рождены и дед, и отец. Дальше — знаменитую вином станицу Цимлянскую. Везде были оказаны милые и сердечные приемы. Пришлось услышать много былин, много говорилось о подвигах. Особенно остался в памяти сказ старого казака Пантелеича в станице Роздорской.

Сказ он начал с того, что кто-то когда-то ему сказал из родичей, что они служили Матушке-Царице Екатерине и были в личном конвое генерала Суворова. В общем, вступление с хвалебными гимнами родичам продолжалось более часа. Собралось несколько стариков казаков. Пантелеич перед главным рассказом предложил выпить роздорского винца и затем, откашлявшись, начал с того, что ему было сказано в походе: что Россия представляет собой море; когда жизнь страны идет нормально — море покойно. Таких случаев, когда море было без волнений, было 3: при победе Александра Невского, Димитрия Донского и при выборе на престол во время смутного времени — боярина Романова. Остальное время море волнуется в большей или меньшей степени. Волновалось оно, не выходя из своих берегов, при нашествии Наполеона; волновалось оно в Японскую войну; волновалось и русскую смуту 1905-го года — оно всколыхнулось и успокоилось. Были малые волнения — Стенька Разин, Емелька Пугачев. Потом был период более покойный. В 1914 году оно всколыхнулось и успокоилось (наши начальные победы). Потом водяные валы приняли цвет крови, вышли из своих берегов, стали смывать на своем пути все, начиная с государств, монархов. Стали эти валы смывать все, что дорого было русскому народу: памятники старины, храмы и весь русский веками созданный уклад жизни.

Много старик говорил, и если во все вникнуть, то сказ был действительностью. Когда старик сказал о гибели Царя Государя, он расплакался, прочитал какую-то молитву и дальше начал говорить о гибели верного опло-

та Российской Державы — казачества, которое больше, чем наполовину погибнет в гражданской войне; часть казаков, бросив свои насиженные гнезда, найдут места в изгнании.

Некоторые из присутствующих говорили, что старик выжил из ума.

Но это все сбылось, сбылось и то, что белое казачество, с белыми воинами являются как бы проповедниками и создателями во всех углах мира православных церквей.

Сказ и обед затянулись до глубокой ночи. Меня интересовало то, что говорил Пантелеич, остальных интересовала война.

Среди присутствующих было до 30 человек, и каждому хотелось поговорить и рассказать о себе молодому офицеру. Когда гости разошлись, старик чуть ли не шепотом сказал мне, что война будет проиграна из-за какой-то антигосударственной третьей силы. Орла, под сенью которого существовала Россия, не будет, а будет красная звезда, придет жестокое правительство, руководимое не русскими, и во главе Христолюбивого воинства — станут уже не русские полководцы. Те, кто создал Россию как тюрьму, со временем, как крысы с горящего корабля, из России побегут.

Дальше будет пробуждение русского народа. Церковь не будет уничтожена. Народ вместо разрушенных храмов создаст новые на прочном фундаменте. Петербург — Петра творение — станет снова Петроградом, и все города примут свои исторические названия.

Все, что пришлось услышать от старика, как говорят, запало глубоко в душу. Но в то время в уме была только война.

Мне старик напророчил долгую жизнь, предсказал ранение, плен и благополучное доживание с семьей в далекой заморской стране.

Полякову после гражданской войны — уход в изгнание, где будет благополучно доживать свою жизнь.

Последнее наше посещение было Старочеркасска. Собор был памятником глубокой старины и вообще там было что посмотреть: взять хотя бы дорогое Евангелие — весом в 5 пудов.

Из Старочеркасска мы вернулись в Новочеркасск, еще посетили Ростов.

Через несколько дней мы погрузились в эшелон, состоящий из одного вагона 2-го класса и 11 вагонов-теплушек для рядовых.

На вокзал нас отправили очень торжественно, служили молебен и сопровождал военный оркестр. Собралось много публики.

Наконец, трубач протрубил сбор, и поезд покатил на юго-запад.

Ехали довольно долго, так как навстречу шли санитарные поезда, обгоняли нас военные эшалоны, к нашему эшелону постоянно добавлялись еще вагоны и скоро вместо 11 вагонов был состав в 36 вагонов, в классном вагоне собралось до 18 офицеров. Казаков интересовали поезда с ранеными — начались расспросы: что и как?

Во всех рассказах о фронте была часть правды, остальное — фантазия, любопытству не было границ. Среди раненых большинство были кавалеристы, пограничники и солдаты стрелковых бригад, стоящих на границах. Им-то первым пришлось перейти границу Австро-Венгрии, помешать провести мобилизацию противнику и дать возможность провести мобилизацию Русской Армии.

Наконец, проехали Волынь, большую станцию Ровно — мы уже недалеко от государственной границы.

Волынь произвела хорошее впечатление своими селами, церквами.

Везде в деревнях стояли жерди, связанные между собой проволокой: это специально сделано для хмеля, что для нас было ново.

Наконец, граница. Пограничная станция Гусятин. Граничный столб Австрии лежит сваленным, наш Орел стоит.

В культурном отношении была большая разница между австрийским и русским. В Галиции были водопроводы, канализация, освещение, между поселениями были царские шоссейные дороги; были хорошие школьные здания, церкви были почти в каждом поселке, своего старого стиля; обряды исполнялись униатские, так как почти православные, но они подчинялись Папе Римскому. Искусственно создавалась ненависть к России, стремле-

ние к тому, чтобы отделить Малороссию от центральной России, во главе всего должен стать, как монарх, Австрийский император Франц-Иосиф, который создал бы католическую Украину, из-за чего было много недоразумений между украинцами-галичанами, у которых было стремление слиться с Россией.

В начале войны было много арестовано и казнено галичан за высказывание желания соединиться с Матерью-Россией. Самый большой процесс с казнью нескольких сот русофилов был в Телергофе.

Галичане, состоящие в Австрийской армии, воевать не хотели и тысячами шли в плен. Обыкновенно при атаке они бросали оружие, с поднятыми руками кричали «на ще плен». В России им не было плохо, лагерей для пленных не было, работали они преимущественно в имениях и по специальности. Хорошее положение было офицеров, которые имели даже денщиков. Немцы отправлялись за Урал.

Гусятин был уже близким тылом фронта. Проходили различные части, обозы, тарки, интендантские склады, различные санитарные части. Поезда проходили беспрерывно.

После разгрузки мы получили еду, лошади — фураж, и через 3 часа походным порядком отправились в полк, который находился в 30-35 километрах от границы в большой деревне с двумя церквями. Деревня располагалась на господствующей в этом районе высоте. Австрийцы были внизу и обстреливали дорогу, по которой приходилось полку продвигаться. Наша артиллерия на каждый выстрел отвечала.

Явившись в полк, мы, офицеры, представились по начальству, получили назначения. Я был назначен в пулеметную команду. Казаки разошлись по сотням. Прошла ночь первая на фронте.

Все было интересно. Но интерес терялся, когда рвался снаряд. Так снарядом были убиты стоящие вместе 3 казака. Тогда уже все изменилось, и многие «кланялись» летящему снаряду (пригибали головы).

Деятельность полка заключалась в разведке и связи при штабе корпуса. В разведку, в большинстве случаев, шли охотниками и при первой возможности, я с 24-мя

казаками отправился в глубокий тыл противника, где надо было взорвать железнодорожный мост. С местностью мы основательно познакомились по картам, и эта местность днем была видна из нашей деревни.

Выступили мы, когда стало темнеть, и, пройдя 5-6 километров, увидели что через мостик переправляется какая-то конная группа. Как видно, группа нас не замечала и не ждали. Пройдя мостик, они сделали привал, закурили. Вот тогда мы решили их атаковать и атаковали довольно удачно: при потере пяти казаков и семи лошадей, взяли в плен 14 венгров и 8 лошадей. Убитых было 7, остальные бежали. Разоружив, пленных отправили в тыл, а я с шестью казаками нашел нужный мост, взорвал его и вернулся в полк.

Это было мое первое боевое крещение и Анинский темляк. Есаул Дударев, начальник отряда был представлен к ордену Св. Владимира 4-й степени, но он через три дня был убит.

Так шли день за днем: разведки, разъезды и были каждый день и раненые, и убитые.

Ночью то тут, то там громыхала артиллерия, взлетали ракеты, освещая местности, занятые противником.

В дальнейшем наш полк вошел в конную группу ген. Келлера и в первой конной атаке я был ранен, о чем я уже раньше упоминал — упоминал о своем ранении и смерти «Мечты».

В дальнейшем: вторичное прибытие на фронт, газы, тяжелое ранение и опять госпиталь в Воронеже. 3-е прибытие на фронт, уже при революции. Поступление в Ударный Корниловский отряд; полк, снова ранение — снова Воронеж и дальше — Белая борьба.

Прошло несколько месяцев после моего первого ранения, разбитая ступня срослась.

Положение на фронтах изменилось в худшую сторону для нас, изменилось и настроение, но вера в конечную победу оставалась неизменной.

Еще через пару недель избавился я от костыля, прошел медицинскую комиссию и попросился на фронт. Просьба моя была удовлетворена, но с оговоркой, что в

строй я могу идти не раньше, чем через 3-4 недели и за это время я получил возможность побывать дома.

Дома все переживали наши поражения; в Пруссии и гибель Самсоновской армии. О причинах поражения много-много писали и разбирали, так что этого вопроса я не буду затрагивать. Это дело историков.

После отпуска вернулся я обратно в Воронеж, прошел еще одну комиссию, получил все нужные бумаги с заметкой, что нога еще совсем не поправилась и по старой дороге, по которой я ехал в первый раз, поехал в путь. Только вместо «Мечты» была другая лошадь, не хуже, Провальского завода, по кличке «Вьюга». Не менее строгая.

Настроение, в противоположность настроению в первую поездку на фронт, было другое: слышались уже разговоры среди солдат, что немцы непобедимы, хорошо вооружены, имеют много тяжелой артиллерии, и как бы хороша ни была наша 3-дюймовая артиллерия, но ей было трудно бороться против «чемоданов» 42 мм., снарядов и против «Берт», которые имели австрийцы; и несколько таких снарядов, пущенных в районе Горлицы, причинили нам много неприятностей; а кроме всего, у нас был колоссальный недостаток всего вооружения и снаряжения, а в районе Кракова солдат не было чем кормить.

Положение на фронте было очень тяжелое, но все же после позорной катастрофы армии северных Самсонова фронт везде стал.

Местами наши части стали переходить в контратаки, а перед этим надолго кавалерии пришлось на своих плечах вынести всю тяжесть отступления, имея постоянные арьергардные бои.

В армии произошли различные переформирования: вместо 4-х батальонов в полку стало 3 и т. д., что дало возможность легче руководить тактическими маневрами. Стало прибывать вооружение и тяжелая артиллерия. Полки вкопались в землю и кавалерия спешилась, вместо отступления перешли в большое наступление Брусиловское — в районе Луцка, руководимое командующим юго-западного фронта ген. Брусиловым и ген. Калединым, который нанес славный удар своей 8-й армией. Было взя-

то в плен много живой силы и амуниции.

Но «Вперед» скоро выдохлось, так как не было поддержки из-за наступающей «свободы».

В первое мое пребывание мы доезжали до Гусянина — пограничная станция; теперь мы ехали в глубь Галиции. Железная дорога шла по гористой местности, много было туннелей и были такие утесы, что было неприятно смотреть.

Полк я нашел в районе м. Мосторжиска. В полку был другой командир полка, часть офицеров было убито, часть ранено, в общем, потери были до 30% и офицеров, и казаков. Пополнение все время прибывало. Я, как старый офицер, получил в командование 3-ю сотню с казаками, с которыми уже был в боях, и казакам было приятно иметь командира, принявшего боевое крещение в конной атаке.

В полку мне пришлось пробыть несколько дней — немцы в этом участке применили удушливые газы, от которых не помогали противогазовые маски.

Однажды утром, едва стало светать, а кругом был туман, что способствовало газовой атаке, немцы на участке до полутора километров применили газы. Занимающий этот участок полк Забайкальских казаков (кажется 2-й Читинский полк) был до 80% отравлен, лица казаков имели земляной цвет — картина была ужасная. Мы к этому участку подошли на лошадях: газ стелился по земле и до голов всадников не всегда доходил. Я не знаю, что было бы дальше, если бы утренний ветер не повернул газ обратно в сторону австрийцев и немцев.

Обстановка изменилась — мы заняли немецкие окопы. Я, как говорят, хлебнул немного газов: появился особый насморк, глаза стали слезиться и что-то еще; но, кроме того, вели редкую стрельбу, и я получил пулевую рану в грудь, пуля прошла навылет; так что опять — эвакуация в тыл и опять по старой дороге в Воронежский Госпиталь.

Первое время я себя очень плохо чувствовал и меня отправили к знаменитому в те времена профессору Харьковского университета (кажется Шаповалову). Рентгена в то время еще не было, а все замеченное в легких отмечалось карандашем красного и синего цвета. В резуль-

тате я был весь исписан; ничего точного не было сказано.

В общем, надежда была на мой сильный организм; получил я продолжительный отпуск домой.

Лечение состояло в питании молоком и козьим смальцем, из лекарств — кальция и железа, которые разрушали зубы.

Из Харькова вернулся в Воронеж, а дальше уезжал из Воронежского госпиталя: сначала каждые 2 недели, а в дальнейшем, через 4 недели на осмотр.

Слава Богу, через несколько недель я поправился и попросил комиссию направить меня в какой-либо запасной кавалерийский полк. Как казак, я должен был быть направлен в Новочеркасск, но так как я был под наблюдением госпиталя, я был удовлетворен направлением меня в 7-й запасной кавалерийский полк в Тамбов.

К тому же меня интересовал уклад жизни в регулярной кавалерии.

Дальше: 7-й Зап. Кавалерийский Полк, революция — снова фронт и Белая борьба.

Стоянка 7-го запасного кавалерийского полка была в г. Тамбове, куда я и был направлен из Воронежского госпиталя. Между Воронежем и Тамбовом была большая узловая станция Козлов, где была пересадка на поезд, идущий из Москвы в Саратов через Тамбов. Среди публики, ожидающей Московский поезд, было несколько офицеров, направляющихся в 7-й запасный кавалерийский полк, после излечения от ранений. К этой группе присоединился и я. Сразу же начались рассказы о боях, где каждому из нас пришлось принять участие. Дальше каждому хотелось рассказать историю своего полка, а истории эти уходят в далекое прошлое — к временам Александра Невского, Димитрия Донского, Петра Великого, Екатерины Великой и множество других полководцев: как Суворов, генералы Кутузов, Платов и множество других, создавших наши покрытые немеркнущей славой, кавалерийские полки, благодаря которым была создана Великая могучая, неделимая Российская Империя, занимающая 1/6 часть света.

7-й запасной кавалерийский полк пополнял 1-ю кавалерийскую дивизию, куда входили полки: 1-й Сумской

гусарский полк; была и песенка (Журавль): «кто купчика бросает в жар — Голубой Сумский гусар». Я думаю, что этого «Журавля» знала вся Москва. В первую бригаду, кроме гусар, входил 1-й Донской казачий полк, где начинал военную службу мой отец после Николаевского Кавалерийского Училища, о чем я упоминал раньше.

Кроме пополнения в 1-й кавалерийскую дивизию, 7-й запасный полк пополнял 13 дивизию, куда входил 13-й Нарвский гусарский полк и в свое время отличившийся особой доблестью 13-й драгунский полк ордена Св. Георгия, имея Георгиевский приклад.

Среди едущих в Тамбов офицеров на меня произвел очень милое впечатление корнет 14-го Мит. гусарского полка, который предложил мне остановиться на квартире в доме, где жил он, так как освободилась одна комната, после уехавшего на фронт одного ротмистра. Я был очень признателен корнету за его предложение.

Время в ожидании поезда быстро прошло в разговорах о том, что прошли временные неудачи на фронтах — теперь уже начались победы, прорыв фронта противника в районе Луцка и после местных побед будет общая победа, и никому не приходило в голову, что над Россией надвигались черно-кровавые тучи.

Судьба России зависела от интернационального кагащего поражения Российской Империи.

Пришел поезд и часа через два мы были уже в Тамбове, на улице Частной № 57. Дом произвел хорошее впечатление: большие комнаты, большая гостиная с хорошей обстановкой; в углу стоял рояль, на котором жена корнета играла, ублажая воинов вальсами Шопена. Гостиной пользовались как столовой, так как было принято завтракать, обедать и ужинать всем вместе.

В данном случае все собрались вместе и я вошел сюда, как старый знакомый. Очень и очень милое впечатление произвела жена корнета Елена Александровна, полька, очутившаяся здесь при отступлении русской армии из Польши. Ко мне она отнеслась с какой-то опекой, предупредив, что здесь живут исходя из того, что «хоть день — да мой». В общем, завтрак окончен — все ушли на свои службы, а я, приведя себя в порядок, отправился в штаб 7-го запасного полка.

Выйдя из дома, я встретил трех офицеров около следующего дома, из местных запасных полков; как полагается, отдали мы друг другу честь; встреча этим не окончилась. Один из трех офицеров, прапорщик, по моему адресу заявил, что этот из тех, кто будет защищать трон и Царя. Такое заявление на меня произвело неприятное впечатление и могло бы окончиться применением оружия, но в это вмешался из тройки поручик, как видно из офицеров, бывший на фронте и имеющий Анну 4-й степени. Поручик заявил, что мы принимали присягу и должны верой и правдой служить Царю и Отечеству. Красный прапорщик (из С.П.Б.) ответил, что присяга ни к чему не обязывает. Тогда поручик и подпоручик предложили присоединиться к ним и мне, и мы доставили указанного прапорщика в комендантское управление. Причем, оружия он не имел, так как объяснял это тем, что оружие нужно на фронте, но нужно знать, против кого ему нужно применять, но не в защиту трона.

Это была моя первая встреча с красным офицером. До сих пор я и не допускал даже мысли, что офицер может быть красным, может быть каким-либо самостийником. В жизни я убедился, что мои суждения о том, что офицер есть что-то, чуть ли не самое главное в государстве, так как он является защитником его, ошибочны.

Наглядный пример — Добровольческая Армия, Корниловский ледяной поход — около 4.000 человек, а где тысячи(?) офицеров, где Генеральный Штаб? Где Брусилов, Верховский, Тарский, где Гуттер, Егоров, Шапошников, призывающие нас, молодых офицеров, очутившихся в Рязанском лагере Женского монастыря, после пленения в Новороссийском порту, — идти защищать Россию от поляков.

В Комендантском Управлении адьютант поговорил с прапорщиком и сразу же его отпустил, заявив нам, что мы свободны и нет смысла из всего раздувать огонь — почему — он не сказал. Видимо, был информирован в том, что события назревают. Прапорщик козырнул с насмешкой нам и ушел. Мы вышли в каком-то недоумении. Зашли в кондитерскую, выпили кофе и никак не могли переварить происшедшего случая. Мы сошли с нашей твердой офицерской дороги. Этот момент оставил свой след

на всю мою долгую жизнь. С тех пор для меня не каждый офицер был настоящим офицером.

Поручик и подпоручик проводили меня до Штаба 7-го запасного полка, и мы разошлись. В будущем наше знакомство продолжалось до отъезда их в действующую армию.

В Штабе я представился по начальству, получил назначение в маршевый эскадрон, который должен был пополнить 14 Дивизию. Тут же был ротмистр, мой будущий командир, 14 Мит. Гусарского полка, который в 4-й раз после ранений, по собственному желанию отправляется на фронт; имел он все ордена, включая Георгиевское оружие и орден Св. Георгия. Мне было очень приятно попасть к такому командиру, да и ему было приятно получить офицера-казака. В общем, мы сразу же сошлись и стали мы большими друзьями.

После всех канцелярских формальностей, представился командиру полка, который произвел самое лучшее впечатление, я бы сказал, отнесся отцовски, в его разговоре чувствовалась какая-то опека над сыном. Около 40 минут пришлось с большим интересом выслушать его рассказы о Японской войне, куда он добровольно пошел, был в каком-то сибирском казачьем полку, где также добровольцем служил Барон Врангель. Вспоминал он с какой-то душевной болью о том, что мы очень отставали от японцев — у нас, главным образом, были атаки сомкнутым строем, в белых рубашках; совершались атаки, во главе которых шли с крестами священники и эти строи уничтожались пулеметами, которые уже имели японцы. Вспоминал он генералов Мищенко и Кондратенко, которые, имея казаков, совершали чудеса храбрости. Потом решил поинтересоваться о моем участии в боях, где, когда, кто командовал, поинтересовался моей родословной и, как-будто у него вырвался вопрос, почему я не пошел в регулярную кавалерию и поступил в казачий полк 2-й очереди; на это я ответил, что казачий полк я считаю своим, сейчас война и не время выбирать полк, а надо идти туда, где нужно. После войны я постараюсь перейти в Лейб-Гвардейский Атамановский полк — полк, где служили мои деды. Настоящий мой полк, как вы подчеркну-

ли, был сформирован для отправления бригады казачьей во Францию, но положение там во Франции сложилось такое, что пришлось для спасения ее посылать пехотную дивизию (которая действительно спасла Францию).

Полки казачьи для посылки во Францию были лучшие из лучших.

Разговор мог бы продолжаться еще долго, но вошел ротмистр и мы пошли осматривать людей и лошадей Маршевого эскадрона. Трубач проиграл обеденный сигнал. Ротмистр знал, что я обедаю на квартире и пошел провожать меня, имея в виду встретить милую Елену Александровну, и кончилось так, что остался у нас обедать (был он холостяком). И мило провели время с пением и игрой вальсов Шопена. Прошло до 2-х часов ночи. Это была встреча казаков.

На другой день и в дальнейшем я постоянно присутствовал на манежной езде, очень увлекался выездкой лошадей, лошадей лучших в мире; разве только можно сравнить их с венгерскими. Лошади в запасные полки попадали полудикими со степей Дона. Из заводов были Корольковы, Стрепезски, Провальски и др. С такими дикарями я любил возиться и в результате в скором времени получились хорошие строевые лошади, но их дикость время от времени проявлялась. Особенно сказывалась привычка лошади к своему ездоку. Об этом можно много, много написать, что я упоминал раньше о моей лошади «Мечте», убитой в районе Черновиц.

С большим удовольствием я нес дежурства по гарнизону; в театрах, кино были отдельные места для дежурного офицера. Особенно надо было уделять внимание тем районам, где располагались пехотные запасные полки — здесь все можно было найти, так как среди призываемых на военную службу было много, как оказалось потом, разных агитаторов и прочей дряни.

Перед вступлением и сдачей дежурства надо было с рапортом являться к начальству Гарнизона генералу Рындину. Старик был очень милый человек. После рапорта генеральша с двумя дочерьми предлагали чашку кофе; все они были очень милы; мама начинала играть на рояле, дочери пели, имели очень хорошие голоса, окончили консерваторию, ни о каких пениях в театрах или на дру-

гих сценах не хотели слушать, а пели для милых знакомых и милого казака.

Была молодость, были и увлечения, и увлекался я старшей дочерью, имея взаимность. И вот при разговоре с ней она сказала, что ей хотелось бы, чтобы я был гусаром.

Против ничего ни папа, ни мама не имели. В действительности надвигались красные тучи и все увлеченья помещались в ограниченных рамках. Но как бы ни было, я решил поговорить с генералом, что как обстоит вопрос о переводе в 14-й Мит. кавалерийский полк. Теперь смешно, а в то время синий со шнурами доломан, красные брюки молодежи импонировали, импонировали и девицам.

Разговор с генералом начался о том, что могу ли я одеть форму гусарского полка, на что последовал ответ положительный, но раньше должны пройти все формальности, связанные с переводом. Упомянул о красных брюках (гагар) и что красные лампасы ничуть не хуже, так как красные лампасы многих вводят в заблуждение и в действительности меня смущало то, что почти большинство военных отдавали честь, а солдаты становились во фронт. Такая обстановка порой приводила меня в смущение. Кроме всего, генерал спел мне хвалебные гимны в адрес казаков, особенно генерала Каледина, и добавил, что для настоящего офицера форма не должна иметь решающего положения, с чем я не совсем был согласен, так как мои предки были все военные и держались своих старых форм и полковых обычаев.

В результате вместо перехода в гусарский полк судьба определила меня в Корниловский ударный полк; в рядах первого из первых я начал борьбу с коммунизмом.

Жизнь текла нормально: навещали Тамбов столичные артисты: известная певица Нежданова, Папина, Плевицкая, Собинов, Серебряков и др. Неплохие были оперы и драматические постановки.

На Рождество я имел возможность заглянуть домой. На станции меня ожидал кучер Иосиф и пара серых с бубенцами. Было это в 3 часа ночи, гостей было со всего округа, до 30-ти человек, и это было последнее Рождество в домашней обстановке.

После возвращения в Тамбов, я часто посещал ресторан при гостиннице Никольской, и вот однажды прийдя в ресторан, я заказал себе меню. Публики было не особенно много и двумя-тремя столиками от меня сидела интересная дама с мальчиком 6-7 лет. Смотрели они в мою сторону, переговаривались и посмеивались. Наконец мальчик со смущенным видом подошел ко мне, заявив, что мама его интересуется, почему у офицера лампасы генерала, а погоны — штаб-офицера. Лампасы мои были обыкновенные казачьи — ответы мои удовлетворили и на мое предложение маме пересесть за мой столик, мама охотно это сделала и разделила мое одиночество. Особенно был доволен сын её Миша, который заявил, что ему, кроме меня, не нужно иметь другого папы.

Мама, мадам Тарновская, жила в гостинице; часов в 9 уложила спать своего Мишеньку и изложила свои тяжелые переживания; ей пришлось некоторое время быть в тюрьме, иметь суд, который присудил её на несколько лет каторги. Сейчас она оправдана и находится на свободе. Происходит она из средней помещичьей семьи. Судили её якобы за то, что она впустила змею в комнату мужа (муж был старше жены на 19 лет). Змея ужалила мужа, и утром его нашли мертвым. Змеи этой не нашли и среди экспертов не все были уверены в смерти от укуса змеи, так как у умершего было не в порядке сердце. Были похороны, но на них жена не присутствовала, так как была в Тамбове со своим Мишенькой, который был болен дифтеритом и он лежал в госпитале.

Суд был жестоким: её присудили на 8 лет каторжных работ, сына взял кто-то из её родственников.

Была подана аппеляция; на вторичный разбор явился известный в те времена Московский адвокат Плевако. Было много расследований, но не было доказано, что г-жа Тарновская впустила в комнату змею: где она её достала, каким образом она её брала, куда змея делась; были ли случаи, когда в дом заползали змеи. Чтобы убедиться, что змеи появлялись в доме, были впущены ужи, которые находили где-то лазейки, и их не находили. Старики утверждали, что были случаи, когда змеи заползали в дом, несколько змей было убито и за несколько дней до суда была убита змея в комнате умершего, что дало

возможность ускорить суд, который вынес оправдание, так как все было недостаточно доказанным.

Как возмездие г-жа Тарновская получила от матери умершего завещание на имение, около станции Иноковка, для Мишеньки и как опекун была его мать. Полученным Мишенькой имением правил управляющий, явно настроенный против новой хозяйки. Мне пришлось, по просьбе хозяйки, принять участие в удалении старого управляющего, заменив его старым сверхсрочным подпрапорщиком из 7-го запасного кавалерийского полка.

Оставаться г-же Тарновской в Тамбове не было смысла, т. к. городская жизнь стоила довольно дорого, кроме всего, нужен был хозяйский глаз, а кроме всего, появился один родственник, бывший офицер, потерявший одну руку выше кисти, который остался в качестве репетитора Мишеньки. С Мишенькой у меня создались очень хорошие, я бы сказал, сыновьи отношения. И раньше, и теперь он говорил, что другого папы ему не нужно.

При каждой возможности я милую знакомую навещал. Мое пребывание было как праздник: увлекались верховой ездой, устраивались охоты и не раз мы возвращались с несколькими убитыми волками. В общем, мы как-то сроднились — все наши помыслы были о том, чтобы повенчаться, но обстановка становилась угрожающая и все пришлось оставить «на потом», а потом революция все разрушила.

Русский солдат Богоносец стал Человекообразным убийцей и зверем. Как я потом узнал, г-жа Тарновская, сын Мишенька и вахмистр были сожжены в горящем доме, где были подперты двери — так кончилось существование Тарновских, служивших со времен Екатерины II верой и правдой России. Умерший Тарновский был кадровым офицером Лейб-Гусарского Павлоградского полка.

В одно утро вестовой принес газету, где было сказано о падении Трона — настроение испортилось. Я решил скорей вернуться на фронт, что скоро осуществилось.

Но там уже не было того, что было раньше, так как фронт стал, благодаря пропаганде, где принимало большое участие еврейство во главе с Троцким и его приспешниками.

В дальнейшем — Воспоминания Корниловца.

О службе в эскадроне 14-го Митавского гусарского полка остались только песенки, где гусары прежних лет, когда под звук, под стон гитары нестройным голосом поют про дедов и отцов: «Люблю тебя, гусар беспутный, когда все ночи напролет ты пьешь вино, играешь в карты, покуда солнце не взойдет».

«Гусар, вся жизнь твоя ошибка, и сам ошибкой создан ты.
Гусар, скажи кого ты любишь, и веришь ли во что?

Люблю я старые сказанья,
Люблю старинный сон,
Люблю я женщин и лобзанья
И верю в храбрый эскадрон».

В 14-м Митавском гусарском полку закончилась моя служба в Императорской Армии за Веру, Царя и Отечество.

Великая Русская Армия, овеянная вековой славой, пошатнулась и развалилась прахом. Произошло это из-за продолжительной и изнурительной войны и, главным образом, от происшедшей но вовремя и ненужной революции и большевистской пропаганды, стремящейся развалить Российскую Империю, имея главным образом поддержку от американского кагала, немцев и других наших союзников, включая сюда и наших народников — красную интеллигенцию, которая еще в Японскую войну посылала телеграммы Микадо, в которых выражалось пожелание победы японскому оружию.

На фронте началась анархия — нужно было что-то создавать, чтобы ввести дисциплину.

Надо принять во внимание, что от кадрового офицерского корпуса остался очень малый процент, так как в первую очередь на фронт 1914 года была брошена регулярная армия. Немцы поступили иначе. Они в первую очередь бросили на фронт дивизии второй очереди. Правда, что положение немецкой пехоты было лучше русской из-за превосходства могучей немецкой артиллерии различного калибра.

Офицерский корпус пополнялся исключительно молодежью — прапорщиками, которые проходили 4-месячный

ускоренный курс военных училищ или школ прапорщиков. Несмотря на молодость и очень ограниченные знания, полученные за 4 месяца, там было немало доблестных командиров. Были прапорщики из сверхсрочных, которые, пройдя еще курс школ прапорщиков (сюда можно отнести и Георгиевских кавалеров (4 Георгиевских креста и 4 Георгиевских медали) давали право получить офицерский чин). Указанные две категории действительно были на своем месте. Из числа последних многие впоследствии были мобилизованы в красную армию и показали себя хорошими полководцами.

В 1917 г. полками еще командовали кадровые офицеры, а ниже командиров полков была одна молодежь, из которой создавались кадры для ударных батальонов. Эта молодежь и теперь и дальше показала, на какую жертвенность она готова идти для достижения победы. Немцы предвидели, что мы были накануне победы, но армия с каждым днем разваливалась больше и больше. Нужно было создавать что-то, что дало бы возможность установить дисциплину, и стали формироваться ударные батальоны смерти.

Первое выступление этих батальонов было в районе Тернополя, 17-18 июня 1917 г., но это наступление не дало хороших результатов, так как не была им оказана поддержка резервными частями. Приблизительно в то же время (май-июнь месяц) молодой офицер Генерального Штаба Митрофан Иосифович Неженцев приступил к формированию в районе Черновиц (село Стрелецкие Куты), Корниловского ударного отряда — район 8-й Армии. Ударный отряд впоследствии стал Корниловским ударным полком. Форма предполагалась следующая: мундир и брюки черного цвета с белым кантом, фуражка — околыш черно-красный, с белым кантом; погоны офицерские серебряные, просвет черно-красный с белой выпушкой; солдатский погон черно-красный с белой выпушкой, так же и петлицы. На левом рукаве выше локтя — синий щит и на нем Адамова голова, скрещенные мечи и внизу граната; на верхней части щита была надпись «Корниловцы». Под этим щитом был черно-красный угольник, что значило: Лучше смерть, чем быть в рабстве.

Отряд формировался исключительно из доброволь-

цев — и офицеров, и солдат. Здесь были воины из разных частей, разных родов оружия. Кроме поступающих единицами, поступали и целые соединения: как, например, Сотня 53 Казачьего полка во главе с двумя штаб-офицерами полковниками Дударевым и Кросненским, и в целом составе пришел 3-й Сибирский Дивизион, (горный) во главе с поручиком Барановым, который принял участие в прорыве фронта в пешем строю. О дальнейшей судьбе дивизиона я не знаю, так как я был ранен и эвакуирован в Россию.

Добровольцев был большой наплыв — было из чего выбирать. В короткий срок было сформировано 3 батальона пулеметных команд, команда конных разведчиков — казаки 53-го полка. Сформированная часть приняла вид образцовой дисциплинированной части. Большинство чинов отряда имели знаки отличия.

Против отряда шла ужасная травля и особенно после того, когда приходилось митингующие части разгонять, как было с 48-й пехотной дивизией, которая имела славное прошлое и всевозможные награды, начиная с Георгиевского Знамени.

Со временем многое забылось, но хочу еще кой-кого вспомнить в то время: капитан Неженцев, адъютант поручик князь Ухтомский из Дикой Дивизии. Командир 1-го батальона капитан Савков; офицер бронированных частей, капитаны Карпенко, Скоблин, Морозов, Заремба — все были Георгиевскими кавалерами, имея, кроме орденов Св. Георгия, и георгиевское оружие.

В окрестностях нашей стоянки было совершено несколько убийств местных русофилов агентами Австрийской разведки, и в одно время я получил приказ обследовать местное село и прилегающий к селу лес. Указанная операция должна быть совершена ночью. Около 12 часов с двумя взводами казаков мы прибыли в село; сразу же узнали, что здесь на днях были убиты: священник, доктор, молодой адвокат и брат адвоката.

В начале войны отец священника и многие русофилы были расстреляны в Телергофе.

Лошади наши остались с коневодами у околицы села; остальные казаки тремя группами отправились осматривать село. 10 казаков остались при мне. Войдя в центр

села, где была церковь, школа и дом священника, в первую очередь я решил зайти в дом священника. Дом был открыт, не было никакого освещения — нашли лампу, осмотрелись, как будто бы все в порядке.

И только с лампой мы пошли во двор; после моего заявления, что я русский офицер, послышался женский голос, смело подошла родственница убитого священника, и мы вернулись в дом. Там узнали, что австрийские агенты терроризируют местных жителей, из-за чего многие жители на ночь уходят из своих жилищ. Узнали мы и о том, что в 7 километрах есть в лесу «лесничувка» — дом лесника и там находится штаб разведки.

Не теряя времени, отправились к коноводам для следования к лесничувке.

По дороге около одного домика слышу крики: здесь орудует М. Спрашиваю, в чем дело. Вахмистр сразу же притих и заявил, что ему не открывают двери и тут что-то неладное. Я заявил, что я русский офицер, пришли мы сюда для того, чтобы вас защитить от всяких нападений, различных бандитов, работающих для австрийцев во вред России.

Дверь открылась. Передо мною стояла женщина лет 22-24 сказочной красоты, она обливалась слезами; сзади стояла старуха-мать, которая бросилась ко мне целовать руки, по галицийскому обычаю, чего я не допустил.

Через пару минут все успокоилось. Я узнал, что красавица была русинкой, по имени Мария. Отец её был расстрелен еще в 1914 г. в Телергофе. Два брата, будучи в Австро-Венгерской армии, перешли в русскую армию; один сейчас где-то на Волге, другой ушел добровольцем в какой-то полк русской армии. Мой вахмистр — крутых нравов, и то прослезился. Предстоял вопрос, что делать дальше, и Мария попросила её и мать эвакуировать в Россию. Я предложил им убежище у моей семьи, где был большой дом, и жизнь им не стоила бы ничего.

К утру милые галичанки кой-что собрали, за остальным поручили смотреть родственникам и они были отправлены в Черновицы, дальше — во Львов, Курскую губернию, где жил отец.

В последних боях я был ранен, имел возможность заглянуть в отчий дом и там встретил милых галичанок;

о встрече не приходится говорить, так как это было что-то неописуемое.

Дальше — Белая Армия и ни своих, ни галичанок не удалось встретить, а многие годы, будучи в изгнании, хотелось верить, что это была не последняя встреча.

Из села быстрым аллюром мы отправились к лесничувке и нам повезло, так как находившийся там штаб шпионажа спал, не выставив охраны, и мы их взяли после нескольких выстрелов (17 человек), разорвалась граната, ранив осколками одного австрийца. На месте, под полом были найдены ценные документы, где были планы диверсии.

Наш проводник одного из диверсантов узнал; выяснилось, что эта группа занималась собиранием сведений о расположении наших войск, порчей железных дорог, порчей мостов и проч. С активными, 11 человек, расправился проводник, у которого за несколько дней перед этим был убит дед. Из 17 человек 5 были отправлены в Черновицы для сообщения о их деятельности. Надо сказать, что в Императорской Армии расстрелы таким образом без военно-полевого суда были вещью недопустимой. Здесь произошел, как говорят, самосуд нашего проводника.

Формирование нашего Корниловского ударного отряда закончено, и нас по железной дороге перебросили в район гор. Станислава. Вот мы уже на фронте.

Лозунг стоящих и распропагандированных пехотных частей: «бей офицеров, бросай оружие, мир — хижинам, война — дворцам, довольно воевать» имело свое действие, и отношение к нам, корниловцам, уже показавшим себя как дисциплинированная часть, сумевшая навести в своем районе порядки, было нежелательным явлением для разлагателей Русской Армии. На реке Быстрице шло братание. Русские и немецкие солдаты мирно купались, но когда купающиеся были обстреляны картечью, то пришла делегация и заявила, что стреляют по своим. Делегация, ничего не добившись, ушла, и купание окончилось. В наш адрес посыпались проклятия с желанием выкопать яму и похоронить корниловцев. Были случаи, когда пролетали пули в нашем расположении.

Положение офицерского состава было отчаянное, с

ними солдатня не считалась и из-за мелочей были убийства командиров. Такие случаи были не единичные. Упокой Господи души всех убиенных в те времена, имена их, Господи, Ты веси.

Недалеко от нашего расположения стояла в прошлом очень боевая, имея Георгиевское Знамя и трубы и прочее, 12-я пехотная дивизия, не желающая воевать. Приезжал Керенский «главно-верх.», уговаривал их закончить победой войну, ручкался с каждым солдатом, но из этого ничего не вышло.

В одну из ночей мы переправились через реку Быстрицу и заняли окопы 3-й Амурской Дивизии. Утром поднялся туман и мы увидели местечко Ямница, где намечался прорыв фронта. Участок фронта и с нашей, и в австрийской стороны был укреплен многими рядами колючей проволоки. Окопы в некоторых местах сходились на 100 метров. Артиллерия противника обстреливала наше расположение кряквами с розовым дымком. Снаряд в воздухе рвался картечью и при падении был взрыв. Участок был очень, очень укреплен, но была полная уверенность в удачу. На любые жертвы мы были готовы. Большие потери приносили снайперы, это касалось обеих сторон.

Часов в 10 обошел окопы капитан М. Г. Неженцев, познакомил нас с обстановкой. После ухода его около офицерской землянки собралось 5 офицеров-корниловцев и 4 офицера-артиллериста, присутствующие здесь как связные, корректирующие стрельбу, среди которых был молодой (19 лет) подпоручик, только что прибывший на фронт, и что же? — Над нами разорвался австрийский снаряд, подпоручик и два офицера-корниловца были убиты. Впечатление не приятное; но все мы были обстреляны.

Прошло несколько дней пребывания в окопах. Днем наши снайперы следили за австрийцами, ночью окопы освещались ракетами, временами открывалась перестрелка и ожидалось применение газов со стороны противника, но Господь миловал и газов не было.

На 3-й или 4-й день с утра началась артиллерийская подготовка. Ночью нас отвели в тыл, так как противник начал обстрел наших окопов, очутились мы в какой-то

котловине, где было много ядовитых змей. 7 человек были ужалены, но смертных случаев не было, да и змеи, видимо, были перепуганы артиллерийским огнем.

Причина отвода нас из окопов в тыл та, что местами окопы близко сходились и подвергались обстрелу и нашей, и австрийской артиллерией. Весь день мы имели возможность любоваться, как ведется артиллерийская подготовка; она была ужасной, все уничтожающей; казалось, что снаряды попадали один в другой. Это была последняя подготовка Русской Императорской Армии. На небольшом участке было сосредоточено более 1.000 орудий, различных калибров; грохот был такой, что в двух шагах нельзя было слышать, что говорит сосед. Особенно выделялась какая-то донская батарея с каким-то особенным присвистом. Я помню 15-й и другие годы, когда был недостаток в снарядах и амуниции, теперь было все иначе, было всего в изобилии. На снарядных ящиках было написано «Бей — снарядов не жалей». Да, уж был денек! День был жаркий, артиллерийская прислуга, сняв рубашки, покрытая пылью, выглядела как-то особенно. Перерывы в стрельбе были только тогда, когда очень нагревалось тело орудия. В среднем расчет был такой: 3-дюймовым орудием 900 снарядов и тяжелым — 600 снарядов в сутки. Здесь можно вспомнить «Бородино»: «и залпы тысячи орудий слились в протяжный вой». С наблюдательных пунктов интересно было наблюдать, как в окопах противника уничтожалась жизнь. В действительности кое-кто оставался.

Я помню случай, когда на одном из таких пунктов, какой-то священник решил посмотреть в дырочку, но тут же был поражен пулей в голову. На этом пункте из желающих посмотреть в дырочку было четыре убито.

Накануне атаки ночью мы вернулись в свои окопы, которые были довольно основательно развалены; в порядок их не было смысла приводить, так как через пару часов (в 5 утра) должно быть общее наступление. Я добровольно с командой 8 человек охотников, имея гранаты Новицкого, отправился делать проходы в проволочных заграждениях для прохода наступающей пехоты. Своим делом мы так увлеклись, что, не обращая внимания на ракеты, свое задание исполнили и вернулись в свои око-

пы, потеряв трех человек убитыми; двое были ранены.

Был ужасный туман, в 3-4 шагах нельзя было видеть. Ни шинели, ни планшера найти не удалось, так как здесь упал и разорвался снаряд.

Если бы я не пошел резать проволоку, то от меня ничего не осталось бы. Господь хранил.

До атаки оставалось 45 минут. Хотелось спать, и я прилег в воронке, положив голову на спину убитого корниловца — молодого унтер-офицера. Снова близко разорвался снаряд. Стало светать. Все готовились к атаке. Было какое-то особенное самочувствие. Было чувство радости, что среди развала армии наша часть возродилась, идет в атаку, чтобы своей смертью воскресить армию, созданную когда-то нашими предками.

5 часов. Каждый осенил себя крестным знамением; многие друзья расцеловались и на всякий случай попрощались. Первыми из окопов выскочили офицеры (как всегда). «В атаку! Ура! Ура!» — зрелище было неописуемое. В атаку, как на параде, пошли корниловцы, все поле было ими покрыто; на левом фланге, против деревни Павелче, через проходы в проволочных заграждениях пошла Дикая дивизия и там пара броневиков.

Рвались снаряды, трещали пулеметы, крики «ура» — все это смешалось вместе и было что-то ужасное. На левом фланге в атаку пошла в конном строю Дикая дивизия при поддержке нескольких броневиков.

Австрийцы были подготовлены к нашей атаке и сразу же создали заградительный огонь перед второй линией окопов, принося нам немалые потери, но ничто не могло задержать русского солдата.

Пройдена первая линия окопов, взяты пленные, взяты орудия, и спущена «колбаса»-аэростат, где был генерал со штабом, следивший за полем боя. Все это было так быстро совершено, что они не смогли ничего предпринять.

Наши шли; заняты деревня Ямницы, где были большие амуниции. В резерве мы имели какую-то кавалерийскую дивизию, где еще сохранилась дисциплина, чего не было уже в пехотных частях.

Фронт прорван, чувствовалась радость, радость победителя. Но в один момент я почувствовал, что как будто

бы мне кто-то пробил плечевую кость левой руки. Рука повисла, больно, и тут сбоку разорвался снаряд, меня бросило на проволочное заграждение. Стоящий недалеко австриец целился в меня из револьвера, но подбежавший казак посадил его на штык; между прочим, он был спасен, так как санитары его тоже подобрали.

Фуражки на голове не было, и кто-то надел каску немецкую. Каким-то образом, меня сняли с колючей проволоки; колючки вошли в тело; боль адская, весь бок мокрый от крови.

Появились санитары и я с их помощью добрался до воронки; в воронке было несколько человек, тяжело раненных. Война до пебодного конца для меня была окончена.

Наши шли вперед, заградительный огонь противника ослабел и я, Слава Богу, добрался до реки. На другом берегу был уже перевязочный пункт. Когда я пробирался из воронки в воронку, приходилось многих встречать с ужасными ранениями; без рук, без ног, многие старались добраться до реки и там бросались в воду — и там был их конец.

В одной воронке я встретил несколько человек-казаков из из моей сотни. Увидав меня, каждый хотел что-то передать — душевное соболезнование, полагая, что это будет помощь. Этих слез и такого отношения я никогда не забуду. Такое отношение к офицеру было всегда, но, к сожалению, этот христолюбивый воин мог быть и разбойником, и убийцей.

Была гражданская война с лозунгами: бей белых, бей красных. И там и тут был русский солдат, который спасал и офицера и родину и, Бог ведает, что было бы, если бы исходили не из «бей», а «побеждай добром».

На перевязочном пункте поправили кости разбитой руки, залили все йодом, боль была ужасная, но сама обстановка действовала как наркоз. Туловище забинтовали и отправили в корпусной госпиталь в районе Содогур, где раненых грузили в санитарные поезда. На этом пункте я уже раньше бывал.

В то время перевозка раненых совершалась в двуколках, ездовые были старики ополченцы 2-го разряда, которые не хотели перевозить, но все же поехали. Одного воз-

ницу пришлось припугнуть, что подействовало на других. Дорога обрстреливалась тяжелыми снарядами противника, при разрыве лошади бросались в стороны, выворачивались двуколки и, я думаю, что немало погибло раненных в ноги, свалившихся с двуколок.

Наконец, добрались до перевязочного пункта, поместили нас под шатром, более или менее мы приняли человеческий вид; получили кто мог есть, какую-то еду и питье. Раненые прибывали; умерших выносили в особые помещения, где некоторые приходили в себя и их извлекали из груд мертвецов.

Через некоторое время тревога — налет немецких самолетов. Несколько бомб упало на наш шатер; снова убитые.

Среди русских раненых были и немцы-австрийцы, их было 5 человек; остался в живых один, который стрелял в меня, когда я был на проволочном заграждении, и он очень возмущался тем, что немцы не считались с Красным Крестом.

Из шатра нас перевезли в местечко Садогуры, поместили в какой-то школе; по силе возможности очистили нас, обмыли, первые перевязки заменили новыми. Приходил какой-то чиновник из интендантства, опросил, кому что нужно. Я, кроме обуви, имел все рваное и получил все, что было мне нужно.

Сестра предложила, что если кто хочет, то послать родителям телеграммы; священник присутствовал все время. В общем, мы вошли в свою колею.

Все деньги и документы, бывшие при мне сохранились и, как видно, что кто-то следил за этим, так как получил их только при погрузке в вагон. Часов в 10 нас стали грузить в санитарные поезда для отправки в центр России. Правда, что как и раньше, поезда были отличные, обслуга не была распропагандирована большевиками. Сестры, как раньше, были на своем месте и, видя их работу, мне кажется, что на них можно было молиться. Вечная Вам Слава!

В предыдущие разы моего ранения чувствовалось, что ты герой, и это как бы облегчало твои боли. На каждом пункте нас встречали с русской теплотой, русской любовью.

Теперь все серо; на каждой станции вчерашние воины превратились в стадо быдла и по нашему адресу — раненых — посылались проклятия и упреки: «Все еще хотят воевать».

Был случай, когда толпа в 50-60 человек старалась влезть в вагон, но при поезде была охрана из чехов, которая со всем справилась и мы благополучно добрались в г. Черкассы.

Там нас выгрузили. Офицеров было 7-9 человек, и мы были помещены в частном госпитале, который помещался в особняке в великолепном парке известного сахарозаводчика Терещенко. В особняке Терещенко я пробыл 3 дня, затем получил нужные бумаги и одиночным порядком отправился в г. Курск, где я был в свое время в гимназии. По дороге имел возможность заглянуть в отчий дом. Там я встретил милых галичанок.

В Курске госпиталь помещался в Мариинской женской гимназии. На другой день появилась здесь моя семья и, каким-то образом кто-то узнал о моем приезде в Курск, нашлись мои однокашники, от которых я узнал, что из моих одноклассников осталось 3-5 человек. Остальные были убиты на поле брани. Так в милой обстановке прошло несколько дней, вспомнились милые детские годы. Курск, когда-то милый городок, стал каким-то серым, неприветливым. Куда бы ни зашел к знакомым, всюду тоска-печаль, и я решил изменить обстановку и переехал в Воронеж. Там тоже были родственники и в госпитале дворянского собрания я лежал уже после двух ранений. Уезжая из Курска в Воронеж, я имел инцидент на вокзале, о котором часто вспоминал, из-за которого неправильно срослась кость левого плеча. На вокзале мне нужно было пройти довольно далеко к Воронежскому поезду; на перронах толкалось много товарищей, которые затрагивали офицеров. И вот один подошел ко мне и решил попробовать мою повязку. Сделал он с такой силой, что кость в лубках сдвинулась — боль адская, но я собой владел; достал наган и рукояткой ударил товарища по лицу. Стрелять не стал, так как, Бог знает, что было бы. Но тут с молниеносной скоростью подскочил вахмистр какого-то драгунского полка, который трех нападающих на меня товарищей столкнул с перрона под проходящий

поезд. Что там было — не известно, но вряд ли они уцелели. Принесли для меня носилки, принесли в комендантское станционное управление, где появился доктор и санитары. Следующим поездом я уже уехал в Воронеж, где был еще порядок. Навестил теток. Распределительный пункт назначил меня в госпиталь Дворянского собрания; там меня как старого знакомого мило все встретили, и началось лечение руки.

Время шло, рука поправлялась. В одно прекрасное время я получил из полка сообщение, где мне предлагалось прибыть в Могилев, куда отправляется наш Корниловский полк, там будет дивизион Дикой дивизии и полк Георгиевских кавалеров и прибудет генерал Корнилов, в руки которого перейдет вся власть.

В Могилеве я уже не мог встретить очень, очень многих из тех, кто участвовал в прорыве фронта под Ямницей.

4 июля узнал о награждении меня орденом Св. Владимира 4-й ст. за сделанные проходы в проволочных заграждениях. Кроме того, все офицеры, участники прорыва, получили от солдатской Думы Георгиевские кресты с лавровой веточкой на колодке. Были некоторые корниловцы, отрицательно отнесшиеся к такой награде, но орден Св. Георгия есть боевой орден.

Дня через два должна была быть встреча ген. Корнилова с Керенским, но он, предатель, не явился. Было объявлено, что генерал Корнилов предатель, был арестован и по его желанию наш Корниловский полк был переименован в Славянский полк; и мы могли бы его освободить, но этого не произошло; видимо, не хотели проливать лишнюю кровь. Полк ушел на свою стоянку, в село Печановку.

С рукой моей было нехорошо и я должен был возвращаться в свой Воронежский госпиталь.

Проезжая станцию Бахмач М.К.В.ж-д., я и другие офицеры должны были выскакивать из поезда, так как вылавливали корниловцев. Комиссия, которая вылавливала, была исключительно офицерская. В общем, все обошлось благополучно, и я вернулся в госпиталь. Рука стала поправляться — я вернулся в полк, село Печановку.

Кажется на 3 или 4-й день моего пребывания в пол-

ку было распоряжение о высылке батальона для ликвидации солдатского бунта в местечке Слауга. Там был убит князь Сангушко, сожжен замок. Кроме нашего батальона, был дивизион Лейб-Гвардии Атаманского полка, командир полка Корчальцев и дивизион еще какого-то кавалерийского полка.

Бунтующих товарищей было до 14.000 с оружием, и ликвидация их казалась не такой простой. Выручил спирт, так как все перепились и легко было отобрать оружие. Был суд, на суде был караул из Корниловцев под командой серба поручика Луки Дридуна, который тут же четырех человек — инициаторов — застрелил в суде, несмотря на протесты судьи.

Не прошло недели, как снова распоряжение полку: ликвидировать восстание Пятакова в Киеве.

В Киев мы прибыли перед рассветом; на перронах, во всех проходах валялась серая масса потерявших облик солдата, облик человека.

Полк выгрузился, построился и под звуки марша направился в район Зверинца. Перед маршем надо было сделать поход и очистить дорогу от спящих, но тут помог оркестр, так как он всех будил. Получилось что-то особенное; многие проснувшиеся становились во фронт, многие стали бежать через сонных. Как бы ни было, но мы на Крещатике, идем в сторону Думы. По сторонам на столбах болтаются трупы повешенных юнкеров Константиновского и 1-й школы прапорщиков. Около Думы несколько тысяч красных. Кругом выстрелы. Пулеметная очередь скосила у нас несколько человек.

Задержка из-за убитых, которых мы должны взять с собой. Красные, видимо, решили нас сдавить, но тут пришлось перейти в атаку, что дало блестящий результат, и нам открылась свободная дорога на Печерск к Константиновскому училищу, где мы надеялись передохнуть, но не тут-то было — отдых представился через несколько дней.

Кроме нашего Корниловского полка, где были нечетные роты, состоящие из чехов, была здесь и Чешская дивизия Яна Гуса — сил было достаточно, но не было разрешения сделать в стенах проходы в арсенале, где была организациях красных.

Стало совершенно светло, расположились мы в училище и тут сразу же начался со всех сторон обстрел училища и особенно обстрел тех окон, где был штаб. Оказывается, один из служащих училища был на крыше и указывал важные пункты, которого нашли, и он был сброшен вниз. Пришли в наше расположение 2 донских полка, 17 генерала Бокланова и 27, но они были на открытой местности, понесли потери, так что пришлось их перевести в другой район.

Красные стали собираться около Лавры. Для выяснения обстановки был послан разъезд в 8 человек, который был сжат, и казаки убиты.

Через некоторое время был послан другой разъезд в 30 человек, где был я и мы применили другую тактику. Мы сделали клещи, которые стали сжимать со всех сторон, и площадь была очищена. Люди получили еду. Связи не было ни с кем, надо было найти возможность выйти из клетки Р. В. Недалеко было инженерное училище, но они были нейтральны.

Перед вечером было обнаружено, что исчез капитан Хромов; думать о том, что он ушел к красным, не приходилось, так как его знали хорошо. И вдруг является он с 30-ю человеками петлюровцев, которые нам гарантировали проход в район Пехотного Николаевского и Николаевского артиллерийского училища, которые были во главе Филоненко. Петлюровцы начали грабить цайхозы училища. Им очень импонировали кивера. Тогда и кончило свое существование давшее многих полководцев Константиновское училище.

Рано утром собрали мы всех юнкеров и тихо, без маршев и песен, оставили дорогое мне Константиновское училище, как воры, прошли город и расположились на короткий срок в Николаевском артиллерийском училище.

Простояли в училище мы несколько дней, ходили в город, но постоянно были из-за каждых ворот обстрелены.

Наконец, было распоряжение о возвращении полка на место стоянки, ст. Печановка. При погрузке на платформе разгуливали гайдамаки петлюровцы, возмущаясь, что нас пропускают к Каледину. Инцидентов не было, мы вернулись на место и в скором времени отправились на Дон.

Прошло несколько дней, кругом взрывались артиллерийские склады; дезертиры-солдаты бесчинствовали, жгли усадьбы. Ряды полка поредели, так как в полку было немало чехов, которые не захотели с нами ехать.

Настал день, когда был составлен эшелон. Было предвидено, что могут быть нападения, поэтому почти на каждом вагоне и сверху на крышах и у дверей были поставлены пулеметы; на паровозе несли дежурство офицеры и паровоз был соединен с вагонами телефоном.

Накануне погрузки с каким-то поручением я с поручиком Тамилиным отправились на вокзал. В это время подходил воинский эшелон (Терский казачий полк), и в конце состава кем-то была подложена бомба и 3 вагона соскочили с рельс. Поезд остановился, машинист с помощником удрали. Поручик Тамилин решил, что надо поезд вывезти со станции и, несмотря на то, что у нас не было никаких знаний, как управлять паровозом, но все же паровоз пошел. Остановить его было трудно, так как был уклон, но все-таки в 3-х километрах от станции поезд стал. Из вагонов стали выскакивать казаки, узнавать в чем дело.

Потом все выяснилось и мы с Тамилиным были, как спасители, так как после вывода поезда от станции было 3 взрыва.

На другой день погрузились и со всеми осторожностями двинулись в путь. За весь наш путь Печановка—Бердичев и до границы Донской области, ст. Иловайская, имели несколько инцидентов, так как на каждой станции были товарищи, на которых действовали наши погоны.

Я вспоминаю самые большие нападения на наш эшелон: станция Волноваха, где мы были обстрелены со всех сторон — потеряли 11 человек убитыми, и я до сих пор не могу себе представить как мы проскочили, а ведь нам пришлось направлять стрелки. На станции Александров нас встретили двумя орудиями, поставленными для обстрела в упор паровоза. С нашей стороны произошла молниеносная атака и 2 орудия очутились на платформе нашего эшелона, которыми мы воспользовались, и они помогли своим картечным огнем сделать свободный проезд. И еще большое столкновение было в Харцызске, где была красными создана застава и вылавливание офицеров.

Застава состояла исключительно из военнопленных: мадьяры и другие иноземцы.

Заранее мы были осведомлены и поэтому к станции подошли под прикрытием пулеметного огня, от которого красные банды стали разбегаться. Тут нам какой-то железнодорожник сказал, что всю ночь водили обнаруженных офицеров на расстрел, указал где трупы; и теперь повели 50-60 человек, которых нам удалось спасти. Убитых там было 132 человека. Тут произошла мясорубка.

Убитых мы заставили похоронить, а спасенные, все бывшие офицеры, присоединились к нам.

Через несколько часов мы были на ст. Головайская — граница Донской области. Тут был другой мир. Тут был порядок.

Прибыли на другой день в Таганрог. Газетчики кричали на стан. Прохладная об убийстве Терского Атамана Караулова.

Дальше Новочеркасск, разгрузка на Харунке.

Появился генерал Корнилов, Алексеев. Стала формироваться Добровольческая Армия. Красные наступали почти со всех сторон, но наши силы были слабыми.

Застрелился генерал Каледин. В районе Матвеева Кургана пошли корниловцы; в центре области образовались партизанские отряды из молодежи от 14-летнего возраста. Полк Чернецова, Дударева и др. Я помню, когда в Өфицерском Собрании в Новочеркасске выступал полковник Чернецов, предупреждая всех о том, что надо принимать участие в борьбе с красными, предупредив: «меня расстреляют — я знаю за что, но будете ли Вы знать, за что Вас расстреляют». В общем, из сотен явилось на драку пару десятков. Настроение было незавидное, особенно когда застрелился генерал Каледин, и в конце-концов мы ушли в Корниловский Ледяной Поход, о котором немало написано.

Был второй поход под водительством ген. Деникина и Донского Атамана Краснова. Появился полк Дроздовский, пришедший с отрядом из Румынии — честь и слава ему.

Героизму добровольцев не было границ и поэтому были освобождены большие казачьи территории — ст. Тихорецкая, Кавказская, г. Ставрополь, в районе которо-

го были большие потери. Здесь я, после смерти кап. Корнил. полка Индейкина, вместо его полк принял полковник Скоблин.

Хочу добавить, что после корниловского похода, мне пришлось исполнять другие поручения.

Мне пришлось быть связным между Добровольческой Армией и 3-й Гвардейской дивизией, стоящей в Воронеже, которые разгуливали по Дворянской улице со своими белыми, красными и голубыми нашивками (Литовский, Кексголья Волынский и Московский полки).

Начальник дивизии, которому я представился как связной от Добровольческой Армии, уверял меня, что большевизм есть временная вещь. Все переходы границ были рискованными и я помню мой последний переход в районе Суджи, где около пропускного пункта валялось до 80 трупов.

Я мало упомянул о том, что у меня произошло во время кубанского ледяного похода, так как это все было уже описано. Также я нигде почти не упомянул о возвращении нас из похода в станицы Мечетенской, Егорлыцкой и Когольницкой; начало 2-го похода, смерть генерала Маркова, создание Донской армии; перенесенный тиф, после чего я имел счастье отдохнуть на Кубани в станице Челенжинской, станция Индюк, и там любоваться и наслаждаться красотой Кубани, когда станицы утопали в цветущей и пахучей акации.

Дальше, после перехода в Донскую бригаду, я описываю свои воспоминания в «Былое».

АТАМАНЪ
Всевеликаго Войска Донск[illegible]

ATAMAN
DES DON-KOSAKEN HEER

№ [illegible]/2.
„7" Августа 1947

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Настоящим удостоверяется, что Полковник М.А. МОИСЕЕВ с. Константиновской В. войска Донского рожд. 2 ноября 189[illegible] г кк особбенно выдающийся офицер, что им было проявлено в 194[illegible] г в Мюнхене в оказании помощи и защиты русских беженцев от насильственной репатриации в совктскии союз – мною производится в чин генерал майора, со старшинством с августа 1947 г. что подписью и приложением печати удостоверяется.

Атаман Всевеликого войска Донского
Генерал-~~Лейтенант~~
Г. Татаркин

Union of the Participants in the 1st CUBAN CAMPAIGN by GENERAL CORNILOW

Central Administration

10th Dezember 1948

№ 209

MUNICH

The bolsheviistic-communistic revolution in Russia started in November 1917. A group of patriots-officers of the Russian Army answered the appeal of the Supreme Commander General Cornilow, and laid the foundations to the struggle against the world-communism. A handful of the surviving founders of this group has been awarded with a special medal by the Supreme Commander, and have received the following certificate as an evidence.

CERTIFICATE

On account of the outstanding and heroical performance of his duties and the difficulties and hardships he has had to endure during the 1st Cuban Campaign,

Mr. Colonel Moiseew Mitrofan,

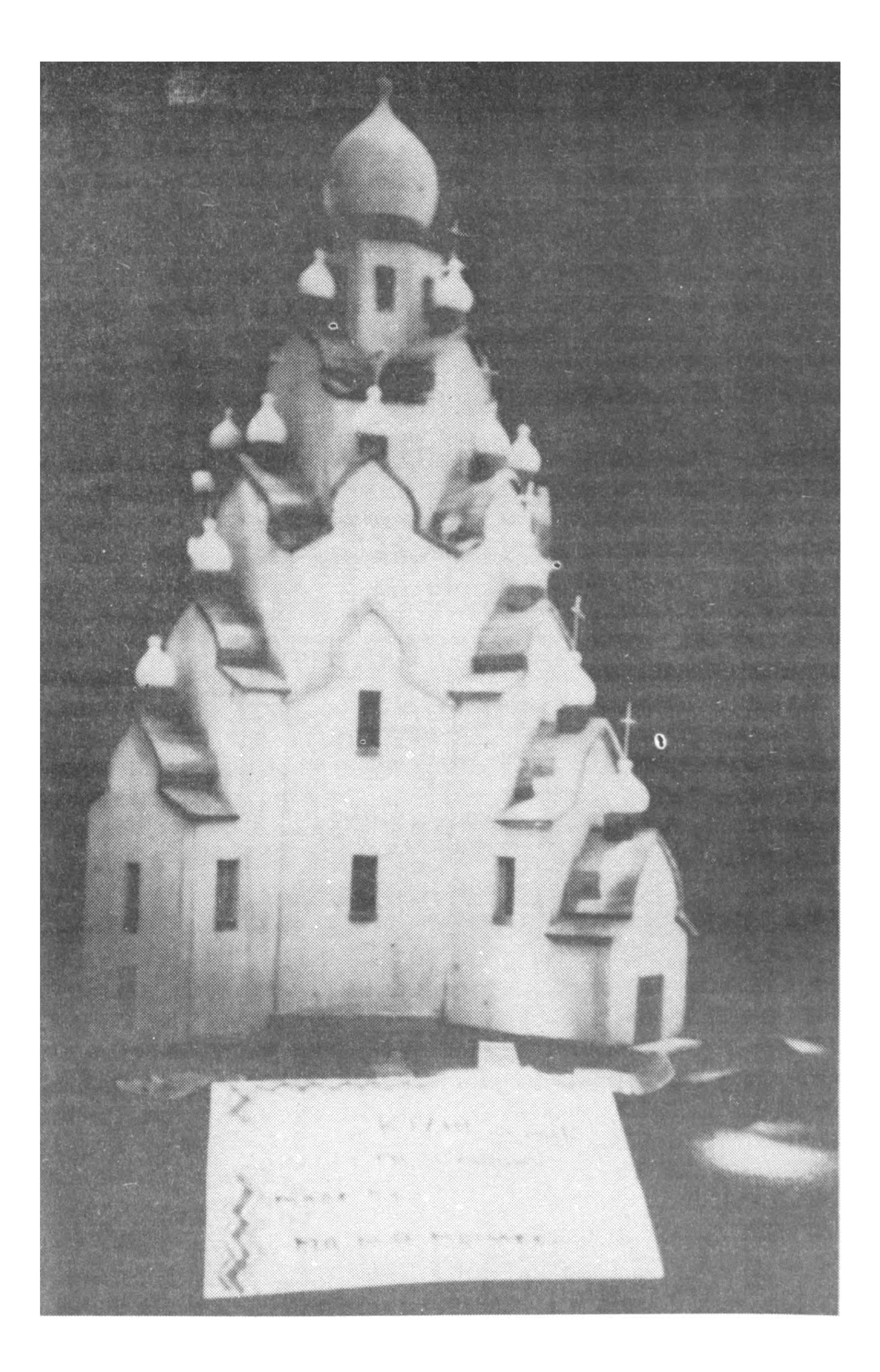
has been issued this certificate entitling him to wear the medal for the 1st Cuban Campaign 1st Class.

This certificate is hereby verified by the my signature and the stamp of the Union.

Refference: Order of the Voluntary Army № 499, 1918.

CHAIRMAN of the UNION
Mayor General: [signature]

SECRETARY of the UNION
Captain: [signature]

Былое

(Гражданская война)

(Посвящается моему другу, великому русскому патриоту Надежде Васильевне и нашим сыновьям Георгию и Игорю — последним «могиканам» нашей родословной).

«Подходит вечер, и закат
Пылает, как зарницы,
И в нашей жизни уж сквозят
Последние страницы...».

Вечер... Закат. Последние страницы... Все это грустно ощущать, но сознание того, что Господь предоставил мне принять участие в защите с оружием в руках Дома Пречистой Богородицы — Святой Руси и пролить кровь за её былую славу, за честь русского имени, невольно воскрешает в моей памяти былое. Оно же дает силы записать события тех лет, когда радость победы кружила голову и вливала в наши молодые сердца надежду на окончательное избавление от врагов нашей великой Родины. Тогда горесть поражений нас не смущала; залечив свои раны, мы снова шли в бой с нашими добровольческими песнями. В огне и громах боевых росла слава последних рядов Русской Армии и ее боевых знамен.

Белая Армия, созданная и организованная двумя главнокомандующими генералами Алексевым и Корниловым, при активной помощи Атамана Всевеликого Войска Донского генерала А. М. Каледина, являлась бесспорно продолжением старой Русской Армии.

Её воскресение началось на Барочной улице в Ново-

черкасске, 15 ноября 1917 года. Она, эта маленькая армия, тогда сплошь состояла из молодых офицеров, юнкеров, кадет, гимназистов и девушек — сестер милосердия — и она сразу стала хранительницей вековой славы Великой России и имен тех, кто сделал её могучей Империей.

Бог привел меня быть в этой армии с самого начала ее и до трагического конца, сначала в добровольческих частях, потом в Донской Армии. Последний аккорд оборвался в рядах Донской Пластунской бригады. Этот последний период наиболее сохранился в моей памяти... О них и будет сказ казачий для потомков и будущих казаков.

Теперь прошло уже более 50 лет господства большевиков. От тысячи-тысяч могилок, находившихся на просторах Дона, Кубани и Терека, юга России и Сибири, не осталось ничего, как не осталось и тех, кто проливал слезы. Большевикам пришлось признать Родину, признать бывших русских полководцев, ввести как награду, на старой георгиевской ленте — вместо креста — звезду. Русский народ дал снова полководцев и они превзошли немцев. Русский солдат остался подобным своим предкам, но это была «Красная Армия»... Нам, старикам — «Белым», отрадно, что Россия, драгоценный конгломерат народов, обитавших в ней, так и остался на месте,

Наша молодежь интересуется судьбами России, а раз это так, то она придет к тому, о чем говорил командующий Русской Освободительной Армии генерал Власов: «Прошлое России — наше, настоящее — наше и будущее и было, есть и будет нашим».

Своими воспоминаниями я возвращаюсь к 1919 году. После того, как я ушел из Корниловского Ударного полка, после смерти под Ставрополем его командира полк. Индейкина, а полк принял кап. Скоблин, я получил назначение в Штаб 1-й Донской Пластунской бригады, откуда был назначен в 1-й полк, стоявший в ст. Каменской. Штаб бригады и 2-й полк находились в Ростове. 1-ым полком командовал офицер одного из гвардейских полков, бывший курсовой офицер Павловского Военного Училища и участник «Ледяного похода» — полк. Булюбаш. Он не так давно умер в глубокой старости в Германии. Пусть ему будет легка земля на чужбине!

Каждый командир имет что-то свое: так полк. Булюбаш, чтобы «ликвидировать» панику, заставлял паникеров исполнять ружейные приемы и читать вслух «Отче наш». Результаты были великолепны.

В конце 1919 года мы пришли в ст. Богаевскую, там же встречали злосчастный 1920 год. В Богаевскую пришла не бригада, а ее остатки. Она получила «боевое крещение» в районе Саренты, под Царицыном. Ею командовал генерал Краснов, человек с богатым военным прошлым, инвалид на одну ногу. После генерала осталась шашка исключительной красоты, в дальнейшем она служила наградой лучшему командиру сотни — выборы такого производились ежегодно. После него бригадой командовал генерал Тарасенков, офицер какого-то гвардейского полка, затем ген. П. А. Попов, командовавший на турецком фронте пластунским батальоном, но так как он часто отсутствовал в бригаде, ею командовали или командир 1-го полка полковник Кострюков, или командир 2-го полка полковник Богаевский. Все эти командиры отличались исключительным хладнокровием, сдержанностью, особым тактичным отношением как к офицерам, так и к казакам, а личной их смелости и храбрости было достаточно, чтобы воодушевить ими всю бригаду.

После Саренты бригада была отправлена в Ростов и Каменскую, где поступило пополнение, но не из казаков, а из крестьян — все это были старые солдаты, служившие раньше в армии и распропагандированные большевиками и не имевшие никакого желания снова стать солдатами и защищать казаков.

1-й полк был послан в район Миллерово-Чертково, там же была бригада из иногородних, входившая в Донскую армию: 3-й стрелковый полк и 4-й Лейб-Гвардии Финляндский. Однако долго эти призывники не навоевали и в дальнейшем бригада снова была пополнена молодыми казаками. Хозяйственная часть и остатки полка из Каменской были переведены в Ростов и мы разместились в казармах 136-го Таганрогского полка.

По совету полковника Булюбаша, считавшего меня энергичным офицером, ко мне обратился начальник хозяйственной части полковник Захаров, ибо бригада нуждалась в фураже. Полковник Захаров не приказывал, а

предлагал мне проехать в более дальние уголки 1-го Округа и там достать сена. Надо сказать, что ехать туда было не совсем безопасно и поэтому пришлось взять с собой 12 казаков. Экспедиция прошла благополучно. Казаки принимали по старинке, но старики возмущались, что не было в обращении «Вашего благородия», а был «господин», и как же, мол, я могу позволить казаку так запросто обращаться ко мне, хотя сами они обращались ко мне: «Ваше благородие», но называли на «ты». В течение 2-3 недель сотни подвод доставили сена в изобилии.

Подходила весна, кругом свирепствовал тиф. Дела на фронте были неважные. Перед Пасхой я из офицерского флигеля при казармах перешел на частную квартиру. Она казалась исключительно чистой, и, казалось, что никакой тиф не опасен, а в действительности меня на 1-й день Пасхи отвезли в госпиталь, в Мореходное училище. Это было в 6 часов вечера, а в 10 часов я в бреду удрал оттуда и меня задержали в кафе, о чем мне после рассказывали. Пришел я в себя на 14 или 15-й день. За это время дела на фронте улучшились, но я потерял 5 друзей, умерших от тифа; правда, причиной было и то, что они много «выпивали». Слабость у меня была ужасная и я должен был взять отпуск и поехать в Сочи на поправку. Железная дорога между Армавиром и Сочи у станции Лодыженской постепенно «портилась» зелеными партизанами. Для борьбы с ними сюда был послан батальон Алексеевского полка, но я так и не дождался восстановления нормального железнодорожного сообщения. Тем временем нас, военных, ехавших в поезде, пригласил к себе в станицу станичный атаман — очень милый старик, есаул, георгиевский кавалер времен севастопольской обороны. Там я и прожил, как «у Христа за пазухой» 8 дней и с первым поездом, шедшим в Армавир, вернулся туда, а дальше пришлось ограничиться Геленджиком, благо, там оказалась, тоже после тифа, моя невеста — сестра из Корниловского полка, Оленька Хламова.

После отпуска я вернулся в свой полк, находившийся в станице Грушевской, около Новочеркасска. Оттуда я был командирован в Персияновский лагерь для изучения английских пулеметов Викерса и Люиса. По субботам я возвращался в лагерь полка. В это время в степи

уже стояли копны скошенного сена. Вестовой стреноживал лошадей, а сами мы на свежем сене засыпали богатырским сном. Просыпались, когда всходило солнышко, поднимался туман, с копен взлетали орлы. Красиво все это было так, что трудно описать. Мой конь «Орленок» стоял около копны, как только я просыпался, он подходил ко мне и отходил только тогда, когда я засыпал. Это был друг; рыже-золотистой масти, завода Королькова, очень строгий; знал только меня и моего вестового Кузнецова: кто ко мне подходил — он на него набрасывался. Бывали случаи, придешь в полк передавать распоряжения — «Орленок» стоит и не надо его держать за чумбур. Можно было где-нибудь его оставить, самому незаметно уйти за 1-2 версты, но как только он меня видел, как бы ни был привязан, никто его удержать не мог и он молнией прилетал ко мне.

Заговорив о лошадях, вспомнил другой случай с другой моей лошадью. Я был тогда еще в Добровольческой Армии, в районе слободы Голопузовки, горы Недреманной и станицы Екатериновской, после взятия и оставления Невыномысской. Будучи как-то в разъезде с 15-ю кубанцами, мы увидали разъезд в 8 конников из конницы Сорокина, и вдруг видим, как один всадник отделяется от них и полным карьером мчится к нам. Видно, что он старается коня остановить или свернуть в сторону, но конь не повинуется — так он к нам и принес сорокинца — кубанского казака. Лошадь была очень красивая, кабардинской породы, гнедой масти. Так как моя собственная лошадь «Гроза» была убита под Невиномысской, то я взял этого кабардинца себе. Вначале я был очень доволен, но это продолжалось недолго. Как-то при встрече с красными конь потащил меня к ним. Спасся я тем, что мне удалось, затягивая повод с одной стороны, его свалить, сам я быстро вскочил на ноги, а он ушел. Меня подобрали свои. Через некоторое время где-то в районе ст. Пелагеада за Ставрополем, кабардинец снова прибежал к нам с комиссаром-латышом. Потом я ушел в Донскую Армию вместе с кабардинцем, который и служил мне до «Орленка».

Время шло, закончены курсы, формирование и обучение бригады, вообще все было готово для отправки на

фронт. Был смотр Атаманом и командующим Донской Армией, был напутственный молебен, и мы увидали то, что можно было видеть в нашей старой императорской армии. После смотра бригада отправилась грузиться в вагоны на Хутунок, а мы, офицеры, в последний раз заглянули в наше Донское Офицерское Собрание. Многие из нас вспомнили 17-й год, когда здесь появился ген. Корнилов, многие помнили выступление нашего героя есаула Чернецова, когда он заявил, что если большевики займут Новочеркасск, то его в первую очередь расстреляют, но он будет знать, за что — «А вот, вы, господа офицеры, будете ли знать за что уничтожат вас? Вас ведь несколько сот, и чего вы ждете?»... Отозвалось несколько десятков, а прочие так и остались в раздумьи... В ноябре 1918 года здесь мы, георгиевские кавалеры, праздновали свой праздник, праздник Героев, это было наше последнее торжество.

Часов около 10-ти ночи отправился первый эшелон и к утру покатили и другие в направлении на Царицын. За Батайском раскинулась степь без конца, без края. Независимо от гражданской войны, жизнь шла здесь своим чередом... Тяжело было на душе... Царицын был в это время во власти белых и наши эшелоны там простояли некоторое время. Казаки получили горячую пищу, была выводка лошадей. Говорить о красоте Волги не приходится, да разве только Волга была красива?.. Все было красиво, казалось бы, жить да жить, а на самом деле жизнь была безжалостно сломлена большевиками.

Вместо Германо-Австрийского фронта, брошенного по приказу Троцкого и Политбюро, фронт создался и у Царицына, и всюду пылала гражданская братоубийственная война.

Царицын — город небольшой. На главной площади стоял собор. Базар торговал вовсю, можно было свободно достать икру, осетрину, но это было только при белых.

Перед вечером эшелоны отошли в сторону ст. Филоновской по Грязе-Царицынской железной дороге. В Филоновской была выгрузка, и там мы некоторое время постояли. По дороге нам пришлось проезжать через ст. Себряково. Отдельно, недалеко от станции, расположена

громадная слобода Михайловка... Вспомнил Михайловку, так как вряд ли на необъятной Руси были проявлены такие зверства, как здесь; иначе говоря «Варфоламеевскую ночь», устроенную большевиками — приехавшей матросней и местными отбросами: все, что было маломальски культурным, оказалось уничтоженным, включая духовенство, вернувшихся с фронта офицеров, учителей, медицинский персонал и т. д. Кому было нужно? Ведь заправилами всегда были люди не русские, взять хотя бы Троцкого (Бронштейна), Зиновьева (Апфельбаума), Ярославского (Гинсбурга) и т. д. Антихристиан и атеистов было не так много, но нашлись и Иуды-предатели и «наймиты». Много, много горя принесли они русскому народу, начиная со снятия Главы его, т. е. с убийства Государя Императора со всей его Августейшей Семьей и части родственников.

Придя к Филоновской станице, с рекой посредине, невольно вспоминаешь и другие станицы: Ярыженскую, Алексеевскую и др., расположенных вдоль Бузулука и Хопра. Какая это была красота, как все это дорого, любимо и теперь... Живя теперь в далекой Австралии, после 50 лет отсутствия, сыновние чувства к своему Краю не угасают, душа все плачет о потерянном.

Из района Филоновской нас перебросили к хуторам Атаманским, на границе с Саратовской губернией, где был большой бой. Большие бои бывали не раз, численность Красной Армии превосходила нас во много раз. К этому времени большевики перебросили на Донской фронт несколько дивизий с Колчаковского фронта. Атаманские хутора остались в памяти потому, что при бригаде инструктором по изучению английских пулеметов Викерса и Люиса был шотландец капитан Бауестет, при нем был переводчиком сенатор Соколов, который из этих боев вышел совершенно седым. Этот случай я вспомнил. После боя капитан и Соколов уехали, а мы стали постепенно отходить под натиском превосходящих сил красных. За этот бой, мы, 50 офицеров, получили позже, через капитана Бауестета, английские ордена.

Все конные части были собраны генералом Корниловым, командующим 2-м Донским корпусом, как в свое время генерал Мамонтов, совершивший в это время глу-

бокий рейд по тылам красных. Если бы не было стремления наших вождей первому въехать на белом коне в Москву и не помешали бы Мамонтову занять Москву, быть может, общие результаты были бы иными.

С нашей бригадой действовала 7-я Донская Дивизия полковника Саватеева, из старых казаков. В данное время командовать дивизией надо было уметь. Среди казаков было немало таких, которые из-за старости и слабости не были пригодны к строю. Никаких медицинских комиссий при наборе, какие были в старой русской армии, у нас не было, а все решалось на станичном сходе: готовность к службе и пригодность определялись по наружному виду, что бывало нередко обманчивым, особенно если казак хотел попасть на фронт.

Иногда около нас появлялись 4 и 5-я дивизии. 4-я дивизия была из восставших казаков, испытавших на себе господство большевиков, поэтому была прекрасной боевой частью.

Что касается 7-й дивизии и уменья ею командовать, то приведу такой случай: когда на Хопре станицы Акишевская и Тимашевская были заняты довольно сильными силами красных, полковник Саватеев собрал станичников, подбодрил их и сказал им, что в 2-х станицах не больше 600 человек при 6 орудиях. Станичников же было до 800 шашек и 8 орудий. Бой продолжался 5-6 часов. Станицы были взяты, в них было взято 1.600 пленных, 3 орудия и много оружия. Такое количество пленных перепугало станичников, но в то же время и подбодрило их. А когда бывали случаи паники, то для сбора паникеров полковник Саватеев приказывал выводить на видное место кухни, из труб которых валил дым и на этот дымок все собирались.

Я уже не помню последовательности отступления, а припоминаю лишь отдельные эпизоды. Стояли мы как-то в районе хуторов Третейнинского, Четвертинского,登Становного и др. по реке Кардаил. Я состоял при штабе бригады, как связной от 1-го полка, хотя и был там командиром 2-й пулеметной команды. Это было благодаря хорошей лошади, а дальше в штабе Бригады пришлось быть и начальником связи и позже адъютантом оперативной части и нередко исполнять обязанности начальника шта-

ба. Из начальников штаба помню полковника Солнцева и полковника Добрынина, бывшего воспитателя какого-то кадетского корпуса — о нем остались хорошие воспоминания.

Топтались мы на месте, ведя днем бой, а ночью совершали переходы по 35-50 верст, выручая своих старичков.

Как-то надо было выяснить, кем занят хутор Зубрилов на реке Кардаиле. Получаю на это распоряжение от генерала Попова, в то время командира Бригады. Отправляюсь с 12-ю казаками. При въезде в хутор — мост через р. Кардаил, с горы видно, как бродят по улицам куры, прошла какая-то старушка — ничто не показалось подозрительным. Оставив на горке 8 казаков, с 4-мя, ведя коней на поводу, мы подошли к мосту, прошли половину его, но в этот момент красные из засады открыли по нас огонь: одна лошадь была убита, у другой перебита нога и два казака ранены. Мой «Орленок» сразу повернул, я успел схватить его за хвост (так нас учили) и он меня вынес. Правда, схватил я его неудачно, слишком низко и он коленями избил мне всю грудь, которая стала синей. Обстреляв нас, разъезд красных ушел, но все же они успели добить двух раненых.

Был и другой случай (их было несколько), когда мы, то есть штаб бригады, с частью штабной сотни после проверки отправились к полкам по дороге, в сторону линии фронта. Справа с высоким берегом речушка, и вдруг... две лавы красных. Принять их атаку мы не могли, нас было всего 30-35 человек, а их до 400; единственное спасение было — перебраться через речку, почти с отвесными берегами, метров в 8 высоты. Думать долго не приходилось и мой «Орленок», упираясь передними ногами, сполз на заду, ободрав всю кожу до мяса, но для меня, Слава Богу, все обошлось благополучно. Несколько лошадей свалились через голову, и тяжело ушиблись несколько казаков. Преследуя нас, красные так увлеклись, что около 30 человек их очутились в реке, но за это время какой-то полк 4-й дивизии, зайдя им в тыл, «ликвидировал» их, но не в том смысле, что физически уничтожил или перебил, но «ликвидировал» как боевую силу. Вообще, в 1-й Донской бригаде избегали уничтожать своих соотечественников. Это я особенно подчеркиваю.

Приведя себя и лошадей в порядок, двинулись дальше. Слева за горой, слышим — идет одиночная стрельба. В чем дело? Скачем на бугор и видим: стоят 4 пушки, около которых мечется прислуга, лава красных собирается их атаковать, а из-за щита одного орудия этой нашей бригадной батареи ее командир есаул Трояновский отстреливается из винтовки. С нашим появлением появилась и прислуга с передками и снарядами, и атака красных была отбита.

В этот день мы до вечера были окружены красными и двигались, построившись в каре. Но оно простреливалось со всех сторон, был ранен наш священник. Но к ночи все как-то разошлось, полки наши как-то от нас отделились, не установив с нами связи, и мы решили заночевать в первом попавшемся небольшом хуторе. Послали туда разъезд, но он галопом прилетел назад в большой панике, заявив, что там «что-то» есть и издает странные звуки. Также история была и со вторым разъездом. Пришлось отправиться мне самому и выяснить, в чем дело. Оказалось, что в живой изгороди из боярышника запуталась корова, это она и шумела. Корова пошла в котлы, и мы заночевали в хуторе.

Утром, разобравшись в обстановке, мы установили фронт в сторону станции Еланской. Сначала было тихо, а потом началась стрельба из всех видов оружия и с обоих сторон. Я получил распоряжение отправиться на линию фронта и, разведав и сделав крюки, обстоятельно донести о положении там. Со мной поехало около 50 конных казаков. Проехав версты две, видим, что с правой стороны по направлению к нам движется четырьмя волнами до батальона пехоты, заходя в тыл нашему 1-му полку. Среди красных видны три тачанки с пулеметами, ведущими стрельбу по нашим полкам. Подаю команду: «В атаку!». Красные стали втыкать винтовки штыками в землю и сдаваться в плен. В одной тачанке была убита лошадь, а две других в полном порядке были захвачены нами вместе с прислугой. В дальнейшем эти люди продолжали отходить с нами до Новороссийска. Для отправки в тыл пленного батальона я оставил 20 казаков, а сам с оставшимися 36 всадниками и 4-мя Люисами,

зарослями пробрался в тыл в фланг красных и их атаковал. После нескольких пулеметных очередей большевики дрогнули, наши цепи, хотя и довольно редкие, пошли в атаку. Красные не стали уходить к Еланской, а начали бросать оружие и сдаваться в плен. Таким образом, при взятии Еланской нам попало до 8.000 пленных и несколько орудий. Все это были солдаты старших возрастов Пермской, Вятской и Вологодской губерний, мобилизованные и переброшенные сюда с Колчаковского фронта. Такое количество пленных для нас было бременем, но они как-то сами расходились, пока снова их не начали вылавливать комиссары. Так была взята Еланская. Но тут вспоминается, что группа комиссаров и комунистов забралась здесь на колокольню и оттуда вела стрельбу из пулеметов, но кончилось это тем, что наши казаки-старики сбросили их оттуда.

Что касается взятого батальона, о котором я говорил, то, когда конвой стал строить его четверками, появилась лава с обнаженными шашками под командой хорунжего Топоркова. Топорков — старый вояка 1877-78 гг., полный георгиевский кавалер, за боевые отличия произведенный в хорунжие. В своей станице Федосьевской он сформировал свою сотню из одних стариков. Дисциплина у него была строгая. Хорунжий всегда впереди на серой одноглазой кобыле. В молодости она была, как картинка, и, вероятно, получила не один приз не только в области, но и в столицах России и Европы. Теперь же стали изменять ноги, и к тому же — один глаз, и она, бедная, часто спотыкалась и, бывало, что хорунжий летел через ее голову. Сотня останавливалась, терпеливо ждала, пока командир ее успокаивал и снова садился на нее. То было и в этот раз. Оказывается, сотня решила «рубануть» уже сдавшихся в плен и стоило больших трудов урезонить станичников тем, что пленных по суворовским законам уничтожать не должно, и к тому же они не так давно служили вместе с нами под одним знаменем с двуглавым орлом, и если бы не «еврейский интернационал», не было бы гражданской войны, им вызванной. И правда, через несколько часов после изъятия комиссаров и коммунистов почувствовалось нормальное российское общество Христолюбивого воинства.

На другой день пленные уже разбрелись. Нашу бригаду, если не ошибаюсь, перебросили под с. Белую Глинку Воронежской губернии. Вспоминаются районы хуторов Шумилина и Упорникова. С нами была 7-я дивизия. С утра мы получили боевые приказы и вечером разошлись. Старики 7-й дивизии решили для верности и спокойствия на ночь подойти ближе к сынкам. Штаб на ночь расположился на хуторе Шумилино. Все было спокойно. Я, исполняю свои обязанности, решил заснуть на пару часов. Но не тут-то было; не успел я закрыть глаза, как на улице разорвался снаряд и началась стрельба. Темень ужасная, со всех сторон стрельба, бегут казаки, а среди них мы (лошадь с вестовым были около хаты) видим: уже красные. Беру направление к Дону, там мост... Старики, разобравшись в обстановке, бросая оружие, карьером на мост и его сжигать; нужно было задержать бригаду и создать у берега каре, что нам удалось, задерживая своих. Там я наткнулся на начальника бригады — радость была большая.

Стали поступать донесения, что бригада заняла позицию в 400 шагах от Дона, мост сожжен, выход один — переплыть на другой берег и связаться с частями, которые находились невдалеке, а части эти были Семилетовцы, Чернецовцы и какой-то Богучарский отряд, которым командовал капитан-латыш, исключительно смелый человек. А погода была отвратительной — дождь и ветер.

Полковник Кострюков, тогда начальник бригады, как всегда хладнокровный и шутливый, обращаясь ко мне, спрашивает, как он должен поступить со мной, так как «переправиться на другой берег — есть подвиг». Отвечаю: «в этом я приму участие, но совершит его мой «Орленок». Рассуждать не приходится, беру своего вестового, отпустили лошадям подпруги, как всегда, перекрестился и, держась за седла, поплыли. Плывем, присматриваюсь, ничего не видно. Но вот «Орленок» встал на ноги на почву. Снесло нас по течению версты на полторы. Нам удалось связаться с указанными частями, которые сразу стали переправляться, пользуясь всеми средствами. Мост был восстановлен. Часов в 10 наши перешли в наступление, а «орлы» из 7-й дивизии, забравшись на колокольню и около церкви, напутствовали их, вплоть до

аплодисментов, когда наши взяли хутор и группу пленных.

Красных все больше и больше прибывало на Дон. Появился какой-то отряд Котовского, были казачьи части Миронова, были бои, в результате которых наша бригада все таяла и почти совершенно растаяла в ст. Проваторской.

В какой-то день бригада пришла в эту станицу, перед ней были заняты позиции. В тылу у нас — мост через Хопер, бывший единственной переправой на другой берег. На левом берегу — только наша бригада. На другом берегу части 7-й дивизии и штаб нашей бригады. На другой день красные повели атаки, стремясь отрезать бригаду от моста. Погода испортилась, шел дождь и начинало примораживать. Перед вечером было получено распоряжение отправиться в район полков и выяснить обстановку, так как установилось какое-то подозрительное затишье. После дождей заморозило — образовалась гололедица. За мостом началась стрельба, красные отрезали с обеих сторон мост, беспощадно уничтожая пластунов, которые были скованы замерзшими шинелями и не могли владеть винтовкой. Я очутился на окраине станицы, надо было решать, что предпринять: или уходить без лошади в тыл красных или наудалую попробовать переплыть через Хопер. Остановился на втором решении.

Красные заняли мост, занялись пленными и преследованием пластунов, которые в малом числе стали отходить вдоль берегов Хопра. Я, перекрестившись и прислушиваясь к каждому шороху, стал пробираться к Хопру, ведя в поводу своего «Орленка». Перестрелка была ниже по реке, и я добрался до нее никем не замеченный. Она уже покрылась льдом в $1\frac{1}{2}$ см. толщиной. Сел на «Орленка» и мы двинулись. Слава Богу, глубина Хопра здесь была не более полутора метров. Звуки ломающегося льда были услышаны с другой стороны, раздалось несколько выстрелов, но все пули пролетели мимо. На берегу меня встретили несколько казаков 4-й дивизии, сразу решившие, что я красный шпион. Взяли «Орленка», там произошла какая-то возня, он кого-то кусал, но было темно и трудно что-нибудь видеть. С меня решили снять полушубок, чтобы удобнее пустить меня в «расход»; все мои уве-

рения, что мой штаб стоит тут же и можно легко навести справки, было бесполезно. Но когда ко мне подошли отобрать револьвер, я стал сопротивляться и открыл стрельбу. В это время подъехало несколько конных, услышав стрельбу и спрашивая, в чем дело. Все отошли, никто не захотел отвечать. По голосу спрашивающего я узнал хорунжего Усачева, командира нашей штабной сотни и не своим голосом закричал: «Усачев, выручай»! Выручка сразу подоспела, выпущенный «Орленок» подошел ко мне и был вызван кто-то из сотни казаков, которые собирались меня пустить в «расход».

В штабе меня сразу же выслушали, доктор счел нужным дать мне стакан спирта, но все же температура у меня сильно поднялась и я был отправлен, вместе со своим «Орленком», за 4 версты в хутор, где был обоз.

На другой день выяснилось, что все же около 250 человек ушло и переправилось где-то ниже по течению на одну версту от Проваторовской. С ними был и командовавший тогда 1-м полком полковник Жилинский, исполняющий обязанности командира 2-го полка полковник Пименов, с ними ушел и мой вестовой Кузнецов. Как говорили, уйти им помог старый казак, который был у Миронова.

От Проваторовской стали мы отходить вдоль Хопра. Попадались хутора, совершенно брошенные жителями, на улице бродили куры, кое-где пробежит кошка, пройдут две-три старухи. Закрома и амбары — полны зерна, все это открыто. А когда нам приходилось отбивать от красных отдельные селения, то там мы встречали сотни мешочников, которые уходили в сторону от железной дороги километров на 50-60, чтобы достать хоть два-три пуда пшеницы. Но не всегда была уверенность в возможности провезти эти два-три пуда голодающей семье в Московскую, Тверскую или Ярославскую губернию, так как всюду были «заградительные отряды». Самыми жестокими были отряды из латышей: у русского человека они отбирали все, в буквальном смысле слова. Все дела давно минувших дней, но невозможно описать все те жестокости, издевательства и проявления садизма созданные тем, кого теперешний мир признал «великим гуманистом», а именно Лениным.

Наконец мы добрались до района р. Калитвы и стали отходить дальше на юг. В некоторых местах жители ждали красных среди казаков Верховья, но хлеб и скот все же отдавали нашей армии.

Однажды бригада остановилась на ночевку в какой-то слободе, на окраине ее было неплохое имение, где жили две сестры-старухи. Было у них немало скота, имелось и 6 вагонов пшеницы для продажи. Оставаться здесь сестры не могли, их сразу бы ликвидировали местные большевики. Я посоветовал им присоединиться к бригаде, но одна из них заявила, что большевики не так страшны, что в Красной Армии служит их племянник, царской армии ротмистр 16-го Новоархангельского уланского полка и командует там какой-то частью и, будто бы он в переписке советовал тетушкам оставаться на месте. Другая сестра поражалась легкомыслию сестры, ибо она знала, что ротмистр расстрелян и просила нас, чтобы иметь денег на дорогу, продать сколько можно пшеницы. Скоро староста прислал за этой пшеницей 30 подвод, но тут начались придирки из-за каждого фунта, а красные были уже недалеко. Я прекратил эту операцию, продано было 30 пудов, но все в нашей бригаде были удивлены и поражены такой мелочностью и скупостью.

Мы ушли и сестрам пришлось бежать из горящего дома. Таких случаев было много.

Красные были задержаны не надолго ген. Мамонтовым, который шел по их тылам. Так шли дни за днями, полные самых разнообразных слухов. К бригаде присоединился какой-то отряд полковника Алексеева из 1-го корпуса. Вот пришли в Каменскую, а там было все «накануне отступления»; потом в Александро-Грушевск, где простояли 2-3 дня. Здесь старый казак из соседнего хутора просил меня взять у него 2½-летнего жеребенка, не желая оставлять его красным. Я этого сделать не мог и он его застрелил. Узнал позже, что он и сам застрелился; его 4 сына погибли в гражданской войне, а жена умерла от тифа. Потом пришли в станицу Богаевскую. Красные наступали вдоль железной дороги на Новочеркасск и Ростов; конница Мамонтова шла по их тылам и вышла в район станиц Ольгинской и Хомутовской.

А с севера двигался поток беженцев. Дон замерз и

переправлялись по льду. Лед иногда ломался и тогда все проваливались в воду; так было с косяком 2-летних лошадей Провальского и Стрелецкого заводов, насчитывавших свыше 200 голов. Это были лошади хороших кровей, одни из лучших в мире кавалерийских лошадей. Что касается повозок с беженцами, попавшими под лед, то на не обращали внимания. Был случай, когда целая конная группа буденновцев, переправляясь через Дон, также пошла под лед.

Добровольческая Армия имела не свою линию обороны за Ростовом, буденновцев сдерживал корпус генерала Павлова, сменившего на этом посту скончавшегося генерала Мамонтова. Много ходило легенд, связанных с его кончиной. Но нужно сказать, когда он совершал свой рейд к Москве, крестьяне встречали его хорошо, заявляя, что вместо того, чтобы давать второй сноп с урожая на помещичьей земле, они для армии готовы давать два снопа, оставляя себе один. Генерал Мамонтов это понял, но тот, кто должен был это понять прежде всего, тот ничего не понял.

Вся деятельность нашей бригады заключалась в разведках. Во время одной из них я был ранен в правую ногу, пулю на месте вытащили из кости, но получилось осложнение, и меня эвакуировали, то есть дали бумаги, чтобы я сам добрался до Новороссийска. Но быть дальше эвакуированным на остров Мальту и совершенно оставить свою бригаду я не хотел, и потому был направлен в Пятигорск. Там я прожил 4-5 дней, нога стала поправляться, и я решил как можно скорее возвращаться в станицу Богаевскую. Ехал обратно в вагонах для угля, железных, без крыш, при морозе в 20°. В бригаду, встретив ее в районе хутора Камышевахи, я вернулся совершенно больным. Дальше мы пошли к немецким колониям Ехбус и Цынцун. Колонии представляли собой действительно что-то особенное в смысле рационального ведения хозяйства, и приходилось поражаться тому, что никто не брал примера с тех, у кого действительно можно было поучиться многому полезному. Немцы относились к нам безразлично, они не знали, что такое большевики, и заняли выжидательную позицию. Мне нужно было перековать моего «Орленка», кузнец-украинец умышленно переко-

вал его так, что ехать на нем было невозможно, надо было его снова расковать. Кузнец сбежал, а староста-немец, во избежание скандала, предложил мне взять у него хорошую верховую лошадь и оставить у него «Орленка», которого я получу, когда мы вернемся. Пришлось мне с этим примириться и я получил совершенно свежую лошадь.

Подходя к станции Кущевской на Кубани, мы были встречены не особенно радушно. Я был болен воспалением легких; мой вестовой меня не оставил и находил подводы. Последняя подвода при подходе к Кущевской была на волах, они еле ее тянули, грязь была невылазная. Я был в бреду, и как это случилось, не помню, но утром я очутился в каком-то домике, на полу при входе. Хозяйка, по-видимому добрый человек, увидав, что я пришел в себя, сообщила, что наши уже все ушли и, что в станице уже был разъезд красных. И тут мой вестовой не оставил меня, помог мне погрузиться на подводу и к обеду мы догнали своих. Слава Богу, удалось уйти от красных...

Дальше мы двигались к Екатеринодару. Кризис уже прошел и последний переход к городу я проделал уже верхом. В Екатеринодаре мы простояли 5-6 часов. Город был переполнен и войсками, и беженцами. Все двигалось к мосту через Кубань, и дальше часть отходивших пошла вдоль железной дороги на Новороссийск, а конная группа ген. Шкуро пошла, кажется (точно не помню), на «Горячую Водицу». Железная дорога была забита эшелонами. Дальше, уже за Кубанью, вагоны были сброшены с железнодорожного пути и лежали в 3-4 ряда. Порядка здесь уже не было, многие уходили к «зеленым». Очень неприятное впечатление произвела станция Туннельская, много брошенного военного имущества, и было видно, что недавно произошел налет красных. Мы узнали, что стоявшая в Анапе гвардейская Донская бригада отошла и Анапа занята красными. Мы же, приняв все меры предосторожности, продолжали двигаться к Новороссийску. Дальше лежали не только брошенные вагоны, но и броневые поезда «Димитрий Донской» и др. и всякое имущество, брошенные повозки с запряженными голодными лошадьми и волами. Дорога была так забита, что только небольшой группе нашей бригады с ее начальником пол-

ковником Кострюковым в 30-40 человек удалось пробраться в центр Новороссийска. Найдя на вокзале уголок для ночлега, нужно было найти власть. Она оказалась здесь же, на станции — это был полковник Пешня (позже убитый коммунистами в Болгарии, которого я знал по Корниловскому полку). Но он сам толком не знал, как обстоит дело с погрузкой на пароходы и сколько их будет, но выразил недоумение, почему донские части отходят на Новороссийск, когда они должны были отходить на Таманский полуостров и оттуда переправляться в Крым.

Наступило утро. Тысячи лошадей голодные бродили по городу. Много случаев было, когда казак, попрощавшись с своим другом-конем, тут же его пристреливал. Но были случаи, когда казак, выбрав среди оставленных хорошую лошадь, уезжал к зеленым.

С утра группа, в которой был я, начальник бригады с женой и сыном 8-ми лет, очутилась на 5-й пристани в ожидании парохода. Часам к 10 подошел английский дредноут, на него погрузили только раненых, и он отплыл. Часам к 12-ти подошел военный пароход, на который удалось поместить знамена 2-х полков бригады и денежные ящики. Я дал слово полковнику Кострюкову, что не оставлю его семью и побежал за ними, но они перебрались куда-то на другое место и я никого из них не нашел. Позже я узнал, что полковник Кострюков застрелился, а жена его каким-то путем добралась до Новочеркасска и жила там. За это время пароход отошел.

Весь день мы ждали пароходов; было много слухов, что о нас думают, что в Новороссийск идет целый транспорт, но все это был миф — о нас никто не думал. К вечеру пристани были настолько забиты, что всем нужно было стоять. Стемнело... загорелись различные склады. Нашлись из нашего «воинства» такие, которые решили «поживиться». Тащили на себе на пристань вместе с бутылками вина и бутылки с разными минеральными водами, некоторые из последних действовали как слабительное, впотьмах все это пилось без разбора. Загорелись и военные склады... Получилась «Садом и Гоморра»... А пароходов все не было. Многие из подходивших частей уходили по побережью в сторону Геленджика. Среди них, куда я пробрался, ища жену полковника Кострюко-

ва, я встретил поручика Натуса, моего двоюродного брата по матери, командира эскадрона Корниловского полка. Он уговаривал меня присоединиться к ним, они шли на Сочи и по дороге их должен был забрать наш флот. Все они действительно благополучно пробрались в Крым. Натус там был тяжело ранен и умер в Севастополе. Но я вернулся на 5-ю пристань, где нашел лишь человек семь из штаба бригады, все это были казаки и ни одного офицера. Но в других казачьих частях я встречал офицеров-пластунов, от которых узнал, что большинство стало пробираться в горы, потеряв надежду на прибытие пароходов.

Почти всю ночь мы провели стоя на пристани, совершенно голодные. Когда стало светать, стоявший в водах Новороссийского порта английский военный флот построился в боевой порядок. С береговой возвышенности стали бросаться в море какие-то люди. Пока арьергард состоял из «белых» — «красные» задерживались, но когда их сменили англичане, красные сразу двинулись вперед, и люди, не хотевшие очутиться в плену у большевиков, стали бросаться в море.

Но вот на нашу пристань въехало два красноармейца и три кубанца, перешедших к «зеленым», с зелеными повязками и заявившие, что «война закончена»... Момент пленения нас большевиками не поддается описанию; некоторые тут же предпочитали покончить счеты с жизнью. Мне запомнился капитан Дроздовского полка, стоявший недалеко от меня с женой и двумя детьми трех и пяти лет. Перекрестив и поцеловав их, он каждому из них стреляет в ухо, крестит жену, в слезах прощается с ней; и вот, застреленная, падает она, а последняя пуля в себя... Кончена жизнь и муки на земле, но душа человека бессмертна. Душа отца обречена на вечные страдания за убийство детей и жены; но, может быть, Господь простит ему грех, совершенный в безвыходный момент его жизни.

Казалось, что люди потеряли рассудок: стрелялись сами, стреляли друг в друга... Погоны пришлось срывать, что было не легко, так как в то время их пришивали к гимнастеркам. Все бумаги, имеющие для нас, военных, особенную ценность, как, например, послужные списки, где были указаны наши подвиги, наши награды, все это

полетело в море, а вместе с ними и ордена, заслуженные нами за защиту нашей Родины. Эта агония продолжалась до тех пор, пока прибывшие красноармейцы не стали сгонять нас с пристани на площадь. Многие стали рвать английские носовые платки красного цвета, думая этим замаскироваться, но это не понравилось красным и несколько человек были ими застрелены. Появилась какая-то старуха с ведром воды и стала нас поить, захлебываясь, говоря какие-то небылицы про белых, пока какой-то красноармеец не сказал ей, что она поит «белых». Старуха попросила дать ей ружье, чтобы она могла «уложить пару белых». Ружье ей дали, показали, как спустить курок, но не предупредили, что ружье нужно упереть в плечо. Старуха, без упора держа ружье в руках, спустила курок, отдача свалила её с ног. Она была затоптана ногами, а ружье схватил кто-то из наших; оставшиеся патроны выпустил в красных, а сам затерялся в толпе. Красные пустили несколько пулеметных очередей, было немало убитых, но все исчезли под ногами толпы. Нас погнали из города. При выходе из него английские корабли обстреляли нас с моря тяжелыми снарядами, уничтожив несколько сотен человек. Что они хотели сделать — сказать трудно, так как они могли свободно разобраться, что мы не красные.

Некоторые из нас думали «что будет — то будет», другие думали сберечь себя для дальнейшей борьбы. Кого было больше — сказать трудно, так как всех обуяло вначале какое-то оцепенение, и лишь через некоторое время люди стали приходить в себя и строить планы на будущее.

Остановили нас на первом хуторе от Новороссийска, в 4-5 верстах. Путь до него был сплошным кошмаром, так как по пути красные обдирали и убивали кого хотели, подчас ставили пулемет и косили во все стороны. Я был уже без сапог, без шинели, но в английском френче и в брюках с лампасами. Ко мне подскочил какой-то подросток лет 14-16, на лошади, ударил меня нагайкой по голове и стал снимать френч. В кармане френча каким-то образом осталась фотография, где я был снят в офицерской форме. Мальчишка стал бить меня нагайкой, крича, что я офицер, и старался сбить меня своей лоша-

дью. Это продолжалось до тех пор, пока группа пленных случайно не отделила меня от него и я стушевался в общей массе.

На хуторе нас построили, приказав офицерам выйти. Вышло несколько человек, им что-то сказали, несколько из них были тут же «ликвидированы», другие вернулись в строй. В этом хуторе мы должны были ночевать. Свои казаки достали мне где-то сапоги, очень старые, на которые ни один красный не польстился, и английскую рубашку. Нужно сказать, что казаки своих офицеров не выдавали. А иногородние выдавали, как это было с полковником Пименовым, которого выдал его вестовой, бывший с ним с 1916 года. Полковника тут же застрелили, но застрелили и вестового — как «подлого человека». На ночевку мы поместились в углу сарая, где находились овцы; мы, т. е. я и 6 казаков бригады. Мы решили, что навоз нас будет греть, что в действительности и было, да и обстановка была такая, что в «жар бросало».

Стемнело. Красные шныряли всюду, кругом были слышны выстрелы, крики, вопли... Вылавливали офицеров и грабили всех, забирая часы, кольца и все, что попало. Около полуночи мы услышали вблизи какую-то возню с руганью, стонами, ударами. Тяжело было на душе, Бог ведает, что и как будет дальше. Вспоминался наш Ледяной Корниловский Поход, наши победы на Кубани в 1918 г., а теперь мы — побежденные, оставленные на произвол победителей, но, однако, в душах наших не было смирения...

...Приехали в Екатеринодар. С вокзала выпускали только через один проход, проверяли документы. Нас задержали в числе нескольких десятков человек и отвели в Комендантское Управление. Там, проверив документы, сказали, что в Ростов нам ехать нечего, госпиталь есть и здесь, а пока дали какое-то временное удостоверение и квиток на получение куска хлеба и супа, указали где мы можем переночевать, но с тем, чтобы на другой день к 10-ти часам утра мы явились бы в госпиталь. На другой день в госпитале, после трех часов ожидания, нас осмотрели, взяли кровь на исследование, а часа через два нас вызвал старик-доктор: «Кто вас признал больными?». Он,

конечно, понял во всем этом какую-то «комбинацию», но не стал расспрашивать, а, посмотрев на нас, сказал: «Вы совершенно здоровы и получите направление в сборную роту, куда отправляют из всех госпиталей для отправки в части». Мы были очень огорчены, что не попадем в Ростов, но ничего не поделаешь. Доктор смотрел на нас с подозрением и сказал, что Ростов нам ничего не даст, война окончилась, что мы сможем вернуться домой и начать строить новую жизнь. Так закончилась наша «комбинация» с госпиталем.

Рота «слабосильной» команды была в какой-то гостинице, в номерах, в которых стояло по 6 кроватей. Придя в роту, нужно было явиться ротному командиру, и я был очень удивлен, увидав знакомое лицо, но ничего не сказал и молча отдал письмо из госпиталя. Ротный посмотрел на меня, указал где мы можем поместиться, что здесь с питанием неважно, что лучше получают на фронте, а мы находимся в тылу, но когда мы устроимся на месте, чтобы я один зашел бы к нему. Устроились мы быстро, и я вернулся в канцелярию, где мне было указано место, где я должен был работать вместо писаря, уехавшего на службу по месту своего жительства в центр России. Сели, закурили и начались осторожные вопросы: не был ли я в Воронеже и т. д. и т. д. Я ему сразу же сказал, что нечего нам играть в жмурки, что я знаю, что он бывший судебный следователь г. Воронежа — Березов, что во время войны он служил, как прапорщик запаса в каком-то пограничном полку, что моя фамилия действительно Моисеев. Спросил его, как он сам очутился здесь? Оказалось, что он был мобилизован и, как многие наши товарищи по оружию, тоже очутился в Красной Армии и только потому, что в Воронеже расформировывалась 3-я Гвардейская дивизия. Действительно, в городе разгуливали, правда без погон, но со своими разноцветными нашивками Кексгольмцы, Волынцы, Литовцы, все они пошли в Красную Армию, с ними и такие, как Березов.

Я работал несколько дней в канцелярии. Спутник мой сбежал, он был со станицы Новониколаевской, не так далеко от Екатеринодара, там у него были родители-старики, и он решил узнать их судьбу.

Попавший в нашу команду из госпиталя, где он

лежал после ранения, мой сосед, на первый взгляд человек нелюдимый, иногда заходил в канцелярию, как он говорил, навестить меня и командира роты. Разговоры были наши на разные темы, но за некоторые из них нас всех сразу могли бы поставить «к стенке». После выяснилось, что этот пожилой человек был кадровым офицером какой-то артиллерийской бригады в Харькове и присоединился к Добровольческой Армии, служил в Дроздовской дивизии, где-то в районе Батайска был ранен, взят в плен, но красные приняли его за своего, ибо он указал, что служил в батарее, бывшей у красных. Батарея ушла, никто не стал ничего проверять.

На Красной горке он предложил мне пойти на кладбище, помянуть усопших, а, главное, сказал, что там можно поживиться едой. Я возмутился: «Неужели мы дошли до того, что должны побираться, и собирать на могилках остатки побирушек?». Но после, подумав, согласился с доводами более старшего человека, к тому же знавшего создавшееся положение.

Пошли. На кладбище было, как на ярмарке: масса народа, все очень пестро выглядело, несколько священников обходили могилки, всюду было полно еды: и мясо, и колбаса, жареная птица, куличи, крашеные яйца. Мы насытились и даже взяли с собой, не забыв нашего командира. Под конец службы нагрянула банда в 30-40 красноармейцев и они все «очистили под метлу».

Наступило 1-е Мая. Наша команда тоже должна была участвовать в шествии» и... о, ужас! — мне, как самому высокому, вручают красную тряпку... нести её как знамя! Но от нее я скоро избавился, «знамя» случайно зацепилось за электрический провод, тряпка «как-то» закрутилось и оборвалось. Команда осталась без знамени. Березов получил выговор, но все как-то уладилось.

Дни шли, положение было неопределенное. Хотелось узнать о судьбе своих, но это было рискованно; я своим посещением мог их подвести — пришлось занять выжидательную позицию. А тут еще, как сообщил неофициально Березов, на Дону, в районе станицы Константиновской, началось «восстание»; оно имеет успех и поэтому есть приказ, чтобы все офицеры зарегистрировались, а кто этого не сделает — «расстрел». Что же делать? Опять-таки

я послушал капитана и мы решили зарегистрироваться. На всякий случай мы попрощались и пошли на регистрацию, где нужно было заполнить анкету. С их заполнением нужно было быть особенно предусмотрительным, так как анкеты приходилось заполнять всюду, и везде должна была быть полная согласованность. Я написал, что я «незаконорожденный» и благодаря этому ничего не писал о своих родителях, а ведь мы были из дворянской семьи; дед был генералом, отец кончил Кадетский Корпус и Николаевское кавалерийское училище.

После опросов нас загнали в большой двор при какой-то гостинце; было нас уже около 2.000 человек, здесь были и жены, и мы снова очутились в плену у красных. Два дня нас продержали там, под открытым небом, без всякой еды, потом под конвоем привели на станцию, погрузили по 45 человек в вагон, закрыли двери, прицепили паровоз и поезд тронулся... Но в это время какая-то банда матросов начала стрелять по нашему поезду, было убито несколько человек.

На другой день мы прибыли в Ростов и нас поместили на Темернике, в районе Кожевенных заводов. Лагерь наш представлял открытое поле, обнесенное колючей проволокой. Приблизительно посредине лагеря стояло 2-этажное здание, где заседала комиссия, которая нас опрашивала. Сначала выбирали тех, кто работал в контрразведке, корниловцев и т. д. Таких лиц вызывали и куда-то увозили для «ликвидации». Но вот вызывают Моисеева, иду и думаю: узнали ли они, что я старый корниловец, и тогда моя песенка спета... За четырьмя столами работали комиссии с участием матросов, ругань отчаянная, мордобой, били с улыбками на лицах — эти люди были садистами. Конвой подвел меня к столу, меня окинули зверским взглядом, покопались в бумагах, с руганью заявили, что я еще молод, а есть другой, постарше; спросили, имею ли я родственников, но один из членов комиссии тут же заметил, что если я «незаконорожденный», то откуда я это могу знать! Слава Богу, прошло благополучно.

Находились мы под открытым небом, питаясь только тем, что жители перебрасывали нам, как собакам: хлебом и сушеной рыбой, да и то часовые старались всех

отогнать. Собирались мы своими группками, иногда пели то, что распевалось раньше арестантами, но чаще всего слышалось:

«Динь-бом, динь-бом, слышен звук кандальный...
Динь-бом, динь-бом, путь Сибирский дальний...
Динь-бом, динь-бом... слышно там и тут,
Гады Троцкого-Бронштейна нас на каторгу ведут»...

Часовые молчали и улыбались. И так шли дни за днями. Проверочные комиссии работали с утра до вечера: тех, кого они считали нужным «ликвидировать», на месте были уничтожены; остальные же назначались в Москву, на Лубянку и лагеря. Я был назначен в Рязанский лагерь.

В одно утро в лагерь явилось несколько матросов и объявили, что им нужны офицеры-моряки и чтобы мы отнеслись бы к ним с доверием и не боялись. Нашлось около 15-ти человек, матросы поздоровались с ними за руку. Они уехали, много было всяких разговоров и предположений; многие думали, что песенка их спета, но оказалось иначе: на другое утро снова пришла машина с матросами и двумя уехавшими с ними накануне. Оказалось, что матросы слово свое сдержали, добившись их освобождения. К ним присоединилось еще 10 человек. Все они работали по разгрузке мин на Дону и в их распоряжение стали потом посылать по 50-100 человек, как рабочую силу. Там кормили хорошо и попасть на эту работу было немало желающих. Кроме матросов, стали еще посылать на очистку Ростова, подметать улицы: Садовую, Таганрогский, Большой, Малый проспекты. Я не мог понять, откуда жители Ростова могли узнать, что мы — «белые» — и где будем работать, но там собирались толпы по несколько сот человек и, Боже! чего они нам только не давали, а сколько было слез!.. Возвращались мы за проволоку с солидным запасом еды, но надо было поделиться и с теми, кто оставался.

Писал я своим знакомым, особенно адвокату Огусу, у которого я одно время жил, там остались мои вещи, они выручили бы меня, но ответа я не получил, видимо, адвокат испугался.

Через несколько дней, утром, нас построили, вызвали по фамилиям 400 человек и под конвоем отвели на

фабрику Асмолова для дальнейшей отправки в центр России. Здесь мы очутились под крышей, можно было всегда выпить воды — то, чего не было в лагере, и рабочие нас кормили; чем кормили — вопрос другой, но кормили два раза в день и сытно. На фабрике мы пробыли 3-4 дня, к нам добавили еще несколько десятков человек, отвели на товарную станцию, погрузили по 40 человек в вагоны, но двери в вагоны не закрывали. Конвой был из молодежи, среди них было много учащихся из старших классов средних учебных заведений, и их отношение к нам было неплохое. Перед утром прицепили паровоз и мы поехали. Я заснул и проснулся, когда было совершенно светло — эшелон стоял. Было хорошее весеннее утро. Мы стояли на станции Аксай, кругом раскинулись станицы Вессергеневская, Заплавская и др. все это было наше и... не наше. Приходилось ждать такого момента, когда опять можно будет продолжать борьбу с интернационалом. Вместо нашего испортящегося паровоза к 11 часам подали другой, и к часу мы приехали в Новочеркасск. Мне казалось, что все жители Новочеркасска вышли встречать наш эшелон; какие тут были сцены, да и не удивительно, ведь мы уходили навсегда! Я состоял в группе из 4-х человек, из которых один был жителем Новочеркасска. Ему столько принесли еды, что нам хватило до Рязани и мы еще подкармливали двух конвоиров, которые, между прочим, сами по дороге куда-то сбежали, а в Новочеркасске же сбежало 35 человек. В дороге нам все же давали еду: сушеную рыбу и кусок хлеба из чего-то. Часа через три мы тронулись и... прости-прощай, Родимый Край!..

На станциях было что-то ужасное: тысячная серая масса мешочников ехала на юг за хлебом. Поезда были облеплены, как в первые дни революции, когда солдаты, бросив фронт, разъезжались по домам; многие из них падали с вагонов и гибли под колесами. А сколько гибло при переезде мостов, когда люди вовремя не пригибались. Следы войны были еще видны, и каждая станция, каждый разъезд что-то напоминали. Ехали очень медленно и только на другой день добрались до Миллерово. Здесь было совсем что-то неописуемое из-за большого количества мешочников. Наш эшелон загнали в тупик;

от конвоя мы узнали, что уедем только ночью, так как будет проезжать Троцкий, и всякое движение между Воронежом и Ростовом будет прекращено. Но мы могли выйти из вагонов и погреться на солнышке. К нам стали подходить местные, одни относились дружелюбно, другие враждебно.

Я с сотником Цыганковым расположились на траве. Разговор сводился к тому, что же нам делать? Оставаться здесь не было смысла, так как доходили слухи, что неминуема война с Польшей и что в Красную Армию пошли служить многие старые генералы с генералом Брусиловым во главе, что большевики недолговечны, поэтому для нас центр России более желателен, а там будет виднее.

Цыганков на солнышке уснул. В это время ко мне подошла красивая девушка, рослая, с черными глазами и густыми косами и начала меня уговаривать оставить эшелон. Она предлагала забрать меня к себе в село, что в 18-ти верстах от станции. Отец ее — бывший кавалергард; он был сверхсрочным вахмистром, затем перешел в жандармский эскадрон и там служил вахмистром подпрапорщиком. Он женился на петербургской девице на старости лет, перед революцией вернулся в свое село, докупил 120 десятин земли, построил дом в 4 комнаты и паровую мельницу. Но в один несчастный день, по дороге на мельницу, он сам и ее мать были убиты с целью грабежа. Осталась она, Наташа, и ее брат. Брат служил в Лейб-Гвардии Гренадерском полку, имел 4 Георгиевских креста и 4 медали. Имел звание прапорщика и должен был идти в школу прапорщиков. Образование имел 5 классов Реального Училища в Воронеже. Но ему не хотелось оставлять свой полк. При революции он все же был командирован в Школу, но туда не поехал, а возвратился в свое село. Теперь он — главная власть в Волости. Он мне сделает нужный документ, что он многим уже делал, и я буду жить как барин... Очень она меня уговаривала. Я боялся, что не смогу устоять перед её просьбой, но было какое-то предчувствие, что и она тоже, дочь жандармского вахмистра, находится с братом на краю пропасти...

В это время подходил поезд Троцкого; явился еще

какой-то дополнительный, более жестокий конвой, и мы очутились в вагоне с закрытой дверью. Ночью поехали дальше, а утром были на станции Отрожки, что в 7 милях от Воронежа. Какая трагедия! Я — русский, в плену в России... Двери в вагонах открыли, что-то дали из еды, а, главное, нам удалось получить горячей воды. Конвой был новый, кроме одного старшего, который с документами ехал еще из Ростова. Ехали мы с большими остановками на больших узловых станциях, таких как Грязи, Козлов в свое время занимали генерал Мамонтов, совершая свой рейд в центр России. Я не знаю, чем он мог расположить к себе железнодорожных служащих, так как по прибытии нашего эшелона, узнав кто мы, они стали к нам подходить, делясь скромным куском хлеба, полушепотом говорили, что генерал Мамонтов был хорошим человеком и что он мог бы их избавить от большевизма, но что его якобы испугался генерал Деникин. Вообще, много было разговоров, выражалось сожаление, что мы в плену.

В Рязани нас тотчас же выгрузили и под усиленным конвоем повели в лагерь, находившийся в женском монастыре. Но там нас не приняли, обещая принять завтра. Тогда нас повели на лесопильный завод, где была помещена 2-я группа (наша была 3-й), но и там не согласились нас принять, так как не было должной охраны, и нас отвели в тюрьму. Там все было переполнено дезертирами с Польского фронта. На наш вопрос: «за что сидите» они отвечали: «качали бензин». К нам они отнеслись дружелюбно, отчаянно ругая красных, а за одно и нас, что мы не справились с ними.

В камерах и коридорах — грязь, зловоние, паразиты... вообще было что-то ужасное. Ночь мы простояли на ногах, так как не было возможности сесть. Дезертиров этих держали уже несколько дней голодными, давая им только несколько ведер воды.

На другой день нас через город отвели в женский монастырь, очень старый, с красивой колокольней, но без колоколов. Там помещалась «канцелярия», а в главном храме были уже сделаны нары в пять ярусов. От иконостаса ничего не осталось, а оставшаяся на стенах священная живопись была вся исписана гадко и подло без-

божниками. Во дворе стояло несколько домиков и большое здание, где раньше была гостиница. Нас встретил во дворе комендант, бывший урядник Воронежской губернии, надзирателем оказался служащий в суде — рязанец. Это был первый человек (кроме конвоя) из молодых, который, как говорят, «имел сердце» и «был человеком»: от него зависело назначение на работы и освобождение от них. Он сразу спросил, есть ли среди нас инвалиды; таковых оказалось пять человек и мы сразу были посланы к лагерному врачу. Врач, старик 65-70 лет, показался очень добродушным, и когда я ему сказал о своем ранении в левую руку, которое постоянно давало себя чувствовать, он мне сказал, что ничего не может сделать, нужно время, а пока что дал кусок белой материи для того, чтобы рука была подвязана; тогда меня будут обходить с работами — и это помогло: на работу меня не посылали.

Разместились мы кто как мог в бывшей гостинице со множеством клопов. Никаких кроватей, одеял, подушек не было; спали на полу под голову подкладывая кулак; спасаясь от клопов, часто уходили в уборную. Для умывания воды не было, кормежка была раз в день: четверть фунта хлеба из суррогатов и стакан горячей воды, где было 2-3 столовых ложки пшеницы, без соли, так что голод стал сразу чувствоваться. Часы в Рязани были переведены на 2 часа вперед, так что на работу выходили в 5 часов утра, т. е. фактически в 3 часа. На работы отправляли в разные места, но только в некоторых рабочих подкармливали, а в большинстве случаев всюду был сплошной голод. Люди охотно шли работать на бойню, так как оттуда они приносили кровь убитого скота. Среди этих рабочих был и мой приятель, поручик Никонов, он всегда приносил консервную банку крови, которая сразу съедалась нами. Теперь кажется странным: как можно было пить и есть сгустившуюся кровь, но что поделаешь: «голод — не тётка», это было необходимо. Голод — ужасная вещь. Съедалось все! Ели и крыс, ракушки, которые мы собирали, когда нас гоняли купаться в реку Оку. Хуже всего было с ракушками, они были как резина, их приходилось глотать, затем бросало в пот, начинало рвать и... снова начинали их глотать, чтобы хоть как-

нибудь насытиться. Однажды, когда нас гнали купаться, на дороге мы увидали ободранную, сдохшую лошадь, около которой возились собаки; мы их прогнали и эту лошадь обглодали сами, разорвав ее всю на части, конвой был бессилен отогнать нас.

После ухода на работы нас оставалось несколько человек инвалидов и люди, которые обходили помещения, выносили из них умерших от голода и хоронили тут же, около монастырской стены. Особенно быстро сгорали кавказцы.

Я стал делать портсигары из дерева, в этом мне помогал надзиратель, приносивший кусочки березы, и за каждый портсигар два фунта хлеба.

Однажды нас стояло человек пять, проходил надзиратель и я ему передал один портсигар. Через несколько минут он вернулся и принес не два фунта хлеба, а целых пять, так как нас было пять человек. Сказал он нам, чтобы мы были между собой дружны, ибо он, как русский человек, возмущен доносами среди нас, свои на своих, всяких небылиц, чего раньше не замечалось. Дело в том, что все время ходили призывы, подписанные генералом Брусиловым, Клембовским и другими генералами, идти защищать отечество от поляков. Многие из нас на это пошли, стали уговаривать товарищей, а на тех, кто не поддался уговорам, пошли всякие доносы. Но все это не стоило, как говорится, «выеденного яйца», так как своим чередом работала «Проверочная комиссия» и назначала, помимо нашего желания: на Лубянку, в Москву, в Красную Армию на Врангелевский фронт; а тех, кому доверяли, отправляли на Польский фронт или в Трудовую армию.

Я никогда не забуду старосту нашего здания полковника Раппонера. Это был русский богатырь, с русой бородой, как бы с картины Васнецова; он был раньше в Экспедиционном Корпусе во Франции. В Новороссийск полковник прибыл из Франции с батальоном, который около станицы Константиновской перешел к красным и он очутился в Рязани. Так как он не принимал участия в борьбе с большевиками (мнение красных), то ему предложили сразу же служить в Красной Армии, но он отказался. Впоследствии, будучи же в Польше, я узнал от двух бежав-

ших из Рязани казаков, что надзиратель был арестован за доброе отношение к нам и сам очутился в лагере, как заключенный; а полковник Раппонер ушел в качестве военного специалиста в Губернский Военкомат. А эти казаки были сначала на Лемносе, потом бежали к Кемаль-Паше, оттуда вернулись на родину и попали в лагерь в Рязани. Лагерь же ликвидировался. Хоронить умерших уже не было места в лагере и их увозили. Имелись специальные подводы для этого.

После нашего прибытия в лагерь прибыла еще группа с острова Наргина; она не была ободрана, все были хорошо одеты в английское обмундирование. Затем прибыла еще группа в 300 человек. Это все были старые казаки, еще участники войны 1878 г., произведенные за боевые отличия в офицеры, все они были Георгиевскими кавалерами. Смотреть на дорогих, милых стариков было ужасно больно и невольно вставал вопрос: что случилось? Кто виноват во всей этой ломке нашей жизни, нашего векового уклада?

Все мы виноваты! Мы, в то время молодежь, а теперь старики все же меньше всего. Свалилось все это на нас, как снег на голову, и разбираться в этом нам, не подготовленным и твердо веровавшим в могущество Российской Империи, в те времена даже на ум и не приходило. Что? Будет война? Чепуха! Шапками закидаем — так лихо отвечала жизни молодость, не подозревая о Всемирном Заговоре. Начиная с Японской войны, друзей у России было мало; была она великой, богатой, православной, населенной талантливым, трудолюбивым и добродушным народом. А демократические и социалистические партии имели в своих рядах много нерусского и неправославного элемента и поэтому их «Интернационал» старался прибрать Россию в свои руки. Попытка была уже в 1904-05 годах: спровоцировать войну, а потом сделать ее «трамплином» для овладения всем миром, дать «свободу от свободы» многомиллионному народу и создать всевеликое «крепостное право». А если не удастся, то повторить через 10 лет. И повторили...

Оставаться работать с большевиками я не хотел, все мысли мои сводились к тому, чтобы продолжать борьбу с ними. А голод свое делал, я уже имел цынгу, стал пух-

нуть, на ногах появились язвы; портсигары уже много не давали.

Наконец, однажды утром меня вызвали и с одним конвоиром отправили в Губернский Транспорт. Как-то свободнее вздохнулось. Там какой-то тип подписал бумагу конвоиру, предупредил меня, чтобы я «не убежал», так как он за меня отвечает, а у него жена и трое детей. Я дал слово, что не убегу, и он отвел меня в большую комнату, где работало семь человек, все старые служащие.

Меня сразу встретили двое: старый господин лет под 70 и дама тоже не молодая: «Голубчик, милый, садитесь»... «Вы, конечно, голодный — мы вам поможем, хотя и у нас голодно»... Такой прием меня очень тронул. Мне дали стол и сказали, что я должен делать: работа моя состояла из записывания бумаг в входящий журнал и их распределение по отделам. Дама куда-то вышла, через некоторое время вернулась с бутылкой молока, куском хлеба, четырьмя луковицами и судочком с пшенной кашей. С ней пришли две девушки, с которыми дама меня познакомила. Они мне сказали, что их братья-офицеры были где-то на Юге в Добровольческой Армии генерала Деникина, но где они сейчас — не известно и, если живы, быть может, где-нибудь в лагерях. Спросили меня, не встречал ли я их.

На работу я ходил восемь дней, там меня со всех сторон подкармливали, а девицы снабдили меня еще подушкой, одеялом, простыней, кое-каким бельем, познакомили меня со своими мамашами и усиленно уговаривали остаться в Рязани, так как учреждения часто получали служащих из лагерей. Так было с капитаном Вороновым (инженерных войск), которому дали место начальника Ремесленного училища. Но мне хотелось скорее пробраться на Запад.

Когда в лагере назначали на работы, по утрам там всегда оставалось несколько человек. Получив соответствующие бумаги для отправки на фронт, они были свободными до своего отъезда, помещаясь в местных военных казармах. Пришла и моя очередь, на работу не отправили, а часов в 10 вызвали в канцелярию. Нас было 12 человек, назначенных на Польский фронт. Красноармеец

(уже без винтовки) отвел нас в казармы, где мы получили угол для ночлега, какую-то кашу, по 3 куска сахара. Но самое главное, — была дана свобода, чему сначала просто не верилось. Занятий не было, наш отъезд должен был быть через 2-3 дня, а пока нам нужно было лишь являться на вечернюю проверку. Я за это время решил чем-либо что-нибудь заработать. Этот вопрос разрешился сам собой: пошел я в город посмотреть Собор, принести благодарность Господу за освобождение из лагеря. На дороге меня остановили два мещанина: «Нет ли среди пленных плотника, чтобы уложить потолок и сложить русскую печь?». О том, как делать свод в печке, в то время я не имел ни малейшего понятия, но на укладку потолка я согласился, а что и как делать — мне объяснил «хозяин». Мы условились: за работу я получу 300 рублей, жареную курицу и 6 фунтов настоящего хлеба из ржаной муки. В собор я не пошел, так как он был уже закрыт, а вернулся в казармы, предупредить своих приятелей, что я буду работать, указал где именно, и если нам придется сегодня уезжать, чтобы они меня предупредили.

Пошел я на работу. «Хозяин» сообщил, что он купец, ездил по губерниям и продавал «красный товар» (т. е. гарантерею: материю, бусы, платки, зеркальца и т. д.), ему помогали два сына, которым удалось избавиться от военной службы в 1915 и 1916 гг., а теперь они пошли в красную армию и учатся на должности командиров и благодаря этому стариков никто не трогает. Есть еще дочь Аннушка 26-ти лет, сидит в девках; выйти замуж ей помешала революция, была она в 6-ом классе гимназии и выходить замуж за кого попало не хочет; теперь она получила службу и стала учительницей. Рассказав всю свою родословную, он позвал меня в дом. Зашли, в каждой комнате иконы, на стенах гвозди и следы от картин. «Там были портреты царей, здесь Скобелева» — объяснил мне старик. В одной полутемной комнате стоял угловой киот со множеством икон, горела лампада, а около стены на кровати лежала старушка, которая, увидев меня, стала креститься и упрекнула сына, что он не дает ей спокойно умереть и привел сюда «красного»; довольно, мол, что уже два внука пошли к безбожникам. Войдя в комнату, я перекрестился, а сын сказал, что я из

«белых» (в наших удостоверениях было указано: бывший чин из военнопленных армии Краснова или Деникина). Старуха встала и начала меня крестить и благословлять, проклиная настоящую жизнь и утешая себя тем, что ей немного осталось жить (ей было 83 года). Все эти разговоры вместо работы тянулись часа полтора, пока не пришла Аннушка; окинув меня холодным взглядом, она пошла готовить завтрак — яичницу на сале, это было «деликатесом». Отец ей объяснил, кто я, и она «отошла» — вместо холодного взгляда в ее лице появилось что-то доброе, милое, располагающее к себе. Отец сразу же начал меня сватать, обещая достать мне документы с новой фамилией. Аннушка не протестовала, а, наоборот, рассказывала о случаях, что пленные, меняя свои фамилии, устраивались даже учителями. Аннушка была рослой, статной брюнеткой с черными глазами; как говорят, «пошел бы за нею на край света», но думать о создании своей семьи было еще рано. Аннушка должна была идти в школу, я ее проводил, уговорившись, что завтра мы еще встретимся и поговорим боле серьезно, а, вернувшись, взялся за работу. Стало темнеть, работу я уже закончил, когда за мной пришел капитан Сомов: часа через два мы должны были выезжать.

Хозяин уплатил мне условленную сумму, получил я и курицу, дюжину яиц и хлеба.

Часов в девять мы били на вокзале в ожидании скорого поезда на Москву. Поезд пришел, но нас на него не приняли, пришлось ждать следующего. За это время мы столкнулись с людьми, которые бежали от террора красных на юге России, особенно в Крыму, где зверствовал Бела-Кун.

В два часа ночи пришел наш поезд. Нам, командному составу, были отведены 3 купе, в которых мы сносно расположились. От одного сознания, что мы свободны, спать не хотелось, каждый погрузился в свои думы, но на горизонте не было видно ничего отрадного.

Ехали мы с большими, частыми остановками, и в Москву приехали к вечеру. Явились к коменданту, тот отправил нас на Брестский вокзал, так как мы должны были дальше ехать в Минск. На вокзале нам сообщили, что наша группа должна еще пополниться, что мы отпра-

вимся только завтра, а пока что мы свободны. Указали, где мы можем переночевать и получить горячую пищу.

В Москве у меня была тётка, сестра моей матери, мать поручика Натуса, о котором я уже упоминал. Адрес ее я знал, но ее саму никогда не видел. Пошел по адресу, а жили они около Никитских ворот, дом 5-этажный, очень красивый. Тётка жила на 2-ом этаже. Муж её был одним из главных архитекторов Москвы, и во время перестрелки между красными и юнкерами — Алексевцами был случайно убит на улице. И осталась она с одной дочерью. Найдя нужную мне квартиру, я позвонил. В маленькое окошечко в дверях выглянуло лицо пожилой дамы, потом приоткрылась дверь на цепочке и начались переговорв, кто я, да что мне надо и т. д. Видно было, что она была сильно напугана. Но после того, как я назвал себя, напомнил кое-что о своей матери, отце и о тетках, живших в Воронеже, произошла очень трогательная встреча. Часам к 10-ти пришла и дочка ее Верочка. Боже мой! Сколько было радости от нашей встречи! Тут были и смех, и слезы, поделились мы всем, что было у каждого на душе. Они уже знали, что сын Николай умер от ран в Крыму, и единственным, кто остался из близких, был я, но и то, в теперешних обстоятельствах встретился мимолетно. Всю ночь мы не спали, погрузившись в рассказы о родных, о своих переживаниях и т. д. Утром Вера сходила на службу и, получив там освобождение от работы, вернулась домой. За это время я написал несколько писем, желая подать весточку о себе своей семье. Быстро шло время, часовая стрелка приближалась к 5-ти часам, и надо было мне отправляться в неизвестную даль. Со слезами и поцелуями мы расстались, и ушел я от них с большой душевной болью.

На вокзале нас, чинов комсостава, собралось около 40 человек, одеты мы были по-разному, но большинство выглядели оборванцами. Получили железнодорожные литеры и новые удостоверения с указаниями, что мы из Деникинской армии, назначены на должности не ниже командиров батальонов кавалерийских и артиллерийских дивизионов. В поданном поезде для нас оказался вагон 2-го класса, но лавки в нем были ободраны и, вместо серого сукна, были набиты мешки. На наружной стенке ваго-

на было написано «Комсостав». С нами ехал конвой из 6 солдат, находившийся в распоряжении каписана Сомова, как самого старшего. Капитан Сомов — терский казак, офицер Генерального штаба, но оставшийся служить в Красной Армии. На остановках поезда на станциях у входных дверей становились часовые, и к нам никого не впускали.

В Смоленск мы приехали рано утром. На перроне находилась группа, человек в 50, видимо, это были военные. Комиссар (так он представился нам) какой-то «Ударной Группы», которая спешно по распоряжению Тухачевского ехала на фронт, решил поместиться в нашем вагоне. Однако наши конвоиры его не пустили, а поручик Козерацкий обозвал этого комиссара еще и «жидовской мордой». «Морда» выхватив наган, выстрелила в поручика, но не попала и, видимо, во избежание дальнейшего скандала дежурный по станции сразу отправил наш поезд дальше, а «Ударная группа» так и осталась на перроне.

В Минске находился штаб фронта, куда мы должны были явиться для того, чтобы получить указания, куда следовать в Действующую Армию. Из нашей Рязанской группы шесть человек было назначено в Конный корпус. Мы были отдельно приняты в комнате, где стояли четыре стола, и за каждым сидело по человеку, а в углу за большим письменным столом сидел (я так и не знаю, какова была его роль) какой-то человек лет 55-ти, в старой офицерской форме защитного цвета со значком Академии Генерального Штаба, только вместо двуглавого орла на нем была красная звезда. Капитан Сомов доложил ему, что группа комсостава из Рязанского конц. лагеря дальнейшего препровождения в корпус Гая, и вручил ему документы, полученные в Москве. Человек этот, посмотрев на нас и буркнув себе под нос «Побежденные», стал говорить нам, что мы не получили полевых порционных и прогонных. Говорил он нам все это очень настойчиво, смотря прямо в глаза, и когда один из нас открыл рот, чтобы сказать, что мы все получили, он его перебил словами: «Вы ничего не получили, вот за тем столом все получите». Пока нам выписывали нужные бумаги, явилось еще пять человек, одетых с иголочки, окончивших в Тамбове Кавалерийское училище. Курсанты о чем-то

просили, но им было отказано и заявлено, что они с первым же поездом должны выехать из Минска. После ухода курсантов генштабист подошел к нам, назвал нас друзьями, посоветовав нам сутки отдохнуть в Минске, и дал ордер на ночевку, где есть кровати с бельем и где вообще довольно чисто. Получив вторично деньги на продукты, мы отправились в указанное пристанище, где нас встретила полупьяная тетка лет 50-ти, сообщившая нам, что здесь до революции жили веселые девицы, что все они погибли, а теперь такими девицами стали все... Переночевали мы, правда, не совсем спокойно, так как появлялись какие-то личности, очевидно, знавшие, что раньше представлял из себя наш дом. До обеда мы походили по городу, а часам к трем пошли получать документы. Принял нас тот же человек, что принимал и вчера, оказалось, что это был полковник Генерального Штаба, который пошел в Красную Армию по требованию Тухачевского; с ним он одновременно окончил Военное Училище, были они в одной роте, в одном взводе, только Тухачевский вышел в гвардию, а он в армию. От него мы узнали, что корпус Гая интернирован немцами, а нам он посоветовал приблизиться к границе, так как там «вам будет виднее». Он нам пожелал счастливого пути и мы, поблагодарив его, отправились на вокзал.

С первым поездом мы отправились на Вильно. В Вильно мы сразу увидали, что здесь происходит иное, что здесь обстановка иная, чем в Минске, вернее сказать, здесь было «безвластие», и мы решили здесь задержаться до полного выяснения ее.

Приют был в углу залы 1-го класса вокзала; буфет не функционировал, столов и кресел не было, но за пустыми шкафами сидела какая-то женщина, снабжавшая нас кипятком. Узнав кто мы, к нам привели какого-то господина, представившегося нам как «бывший мичман». Он посоветовал нам задержаться в Вильно, так как оно должно отойти к Литве, и тогда мы будем свободны. Такой выход из положения нас очень устраивал и мы решили задержаться здесь.

Прошли два дня, мичман нас часто навещал и благодаря ему у нас появились новые знакомые, которые оказывали нам много внимания, приносили еду и разбирали

нас на ночлег. Между прочим, поручик Казерацкий оказался вовсе не таковым, а капитаном Аксеновым. До войны отец его жил в Виленской губернии, имел небольшое имение в 400 десятин и был Земским начальником. А капитан Аксенов, отступая от Ростова и допуская возможность плена, ввиду возможной войны Польшей, приобрел себе фальшивые документы на имя Казерацкого, скрывая этим своих родителей. Здесь ему удалось получить какие-то новые документы, и он ушел от нас, желая посмотреть свое «гнездо», где были уже литовцы (1922-23 гг.). Позже, будучи уже в Варшаве, я его встретил; ликвидировав все в Польше, он уехал во Францию.

Слухи с фронта шли самые разнообразные. Но вот на утро 3-го дня запахло отступлением.

На главной улице города появился обоз. Во главе его идет здоровенный детина в казачьей фуражке, на нем брюки с лампасами. Идет и отчаянно ругается: их подвели, продали, кругом измена... А где легкая артиллерия? Ей посылают снаряды для тяжелой и наоборот. Вот, мол, красные ругают старую Армию и генералов, а сами тоже ничего сделать не могут, вот нас и разбили, и нет уже фронта! Когда он «выговорился», мы от него узнали, что это обоз корпуса Гая, интернированного поляками, идет обоз из Ломжи в сторону Лиды. Вообще в этом корпусе было немало казаков, попавших в плен к красным, а 21-я дивизия красных почти целиком состояла из них, и они в районе Львова с полковником Солнышковым целиком перешли к полякам.

Эти сведения нас подбодрили, и мы решили ехать в Гродно, чтобы перебраться через Неман. Нормального железнодорожного сообщения не было, но поезда все же ходили. На вокзале мы узнали, что будет какой-то особенный поезд (воинский), часа в четыре утра; с ним мы и приехали в Гродно, где сразу же при выходе с вокзала у всех проверяли документы. Нам дали провожатого в Штаб обороны Крепости. Здесь чувствовалась паника, никто толком не знал, где фронт, и была полная неразбериха, «карали» всех тех, кто казался подозрительным.

В Штабе нас принял бывший офицер старой Армии, сразу заявивший, что никаких рассуждений здесь не может быть, что нам оказано доверие и нарушение его

грозит смертной казнью. Сомов со своими двумя приятелями получил назначение в Бобруйск, что, кажется, соответствовало его желанию остаться в Красной Армии. Меня назначили Начальником Штаба Гродненской Крепости, оставив при мне Баранова. Однако оставаться на этом берегу Немана для меня не было смысла, так как я не собирался оставаться в Красной Армии, и я заявил, что я — кавалерист, для штабной службы не гожусь и просил меня назначить в кавалерийскую часть. Последовал сухой отказ с предупреждением: «Не рассуждать — это Красная Армия!».

Вышел я из Штаба очень опечаленный. Баранов меня утешал: «что суждено, то и будет»... Сомов решил поскорее подальше уезжать от фронта. Пока мы ждали бумаг, ко мне подошел молодой человек, присутствовавший при наших назначениях в Штабе и, сказав, что он бывший прапорщик, только что перед захватом власти большевиками окончивший Владимирское Пехотное Училище, посоветовал мне не унывать, а пойти в комнату № 6, где находится старый инспектор кавалерии, бывший полковник, с которым можно поговорить открыто «с глазу на глаз». Не теряя времени, я решил попробовать счастья. Постучал, слышу: «Войдите»... Представился я, как бывший офицер, обратившись к «господину полковнику», но в ответ получил заявление, что здесь слушают и стены и поэтому он просит называть его «товарищ инспектор». Выслушав меня, он ответил, что помочь он мне не может, так как здесь нет кавалерийских частей, но все же предложил подождать, а сам куда-то позвонил по телефону. Получив ответ, он с милой, сердечной улыбкой сообщил, что на мое счастье сегодня в корпус Гая прибывает дивизион, но там нет командного состава, так что я получу приказание о принятии этого дивизиона (2 эскадрона — около 300 сабель), и что со мной останется Баранов. Старик встал, сердечно подал мне руку, сказав, что жизнь свою он уже прожил, сейчас одной ногой в могиле и ни о чем не думает. Родине нашей он служил честно, и в заключение добавил: «Россия все переживет, для этого нужна такая молодежь, как вы... Идите, да хранит Вас Господь»...

Выйдя из Штаба, мы имели уже новые документы и

местные патрули не представляли для нас угрозы. В Штабе мы пообедали и разошлись, а я остался вдвоем с Барановым.

Гаевский дивизион пришел к вечеру, вид он имел аховый и... разноцветный. Мундиры гусарские, уланские, драгунские и такими же пестрыми были и брюки. Лошади казались неплохими, но разношерстными, амуниция выглядела не новой, но сносной. Но кавалеристы были совершенно необученными, только что взятыми из деревни; за исключением некоторых, они даже не знали с какой стороны садиться на коня, в какой руке держать повод. Что же касается владения оружием, то об этом не приходилось и говорить; вооружение состояло из шашки, винтовки с 30-ю патронами, пулеметов не было. Полное отсутствие всякой дисциплины, а командиров назначали по «морде». Комиссар, бывший драгун сверхсрочной службы, поступивший в полицию стражником, отнесся ко мне с должным уважением и сразу заявил мне, что он с этой бандой справиться не может, что если я буду строгим, то тогда возможно будет взять ее в руки, но что это рискованно, так как всегда могут «прихлопнуть»; однако так как здесь есть не мало «раскулаченных» и если они узнают, что я из «белых», то они меня поддержат — что и случилось.

Во избежание всяких недоразумений — воровства, грабежей и насилий — власти решили нас сразу отправить подальше от города и назначили нам ночевку в 13-ти верстах от Гродно в имении и деревне Лиховка. Пройдя километров семь от Гродно, мы дошли до деревни Губилики, где почти весь мой дивизион разбежался — кто за свининой, кто за гусями и курами, а некоторые пошли искать девиц... Дивизион не был самостоятельной частью, а как бы маршевым, эскадроном, в нем были только взводные командиры, не было ни командиров эскадронов, ни вахмистров. Оба эскадрона были чужими друг другу; один из них состоял исключительно из раскулаченных Псковской губернии, их было 75 человек, другой — из сборного пролетариата, самых отпетых бандитов, и их 120 человек. С трудом удалось их всех собрать и построить. Среди раскулаченных нашлись шесть бывших кавалеристов из запасных полков, из них-то я и назначил двух

командиров эскадронов, двух вахмистров и двух взводных. Пролетарский эскадрон начал митинговать, утверждать, что назначенных мною людей они не примут, но, видя что другой эскадрон их не поддерживает, они вынесли решение завтра же заявить протест начальству против моих решений, начальнику кавалерийских частей в этом районе товарищу Рейду (латышу, офицеру Императорской Армии). И вот мы отправились дальше в относительном порядке; сзади же слышались посылаемые мне всякие угрозы. Не доходя 2-х километров до Ликовки находилось именьице Мозалевских — Кругляны, и тут пролетарский эскадрон отказался идти дальше; было уже совершенно темно и «неизвестно куда нас ведут». Так он и остался в Круглянах, а я с остальными людьми совершенно спокойно прибыл в Ликовку; рядовые расположились в деревне, а я с Барановым, комиссаром и командиром эскадрона явились в имение. Оно было небольшое, всего 450 гектаров и принадлежало бывшему земскому начальнику М. В. Пчицкому, в прошлом капитану артиллерии. Он с женой и двумя сыновьями ушел к литовцам, а в имении остались 3 сестры: Кира, Таня и Тина. Мы были встречены со страхом; одна из сестер держала огарок свечи и рассматривала нас с испугом. Кто-то из пришедших со мной сказал, что начальником являюсь я, а я, в свою очередь, заявил, что мне очень неприятно быть здесь непрошенным гостем, что им не следует беспокоиться, так как все засивящее от меня будет сделано, чтобы не нарушать их покой и не допускать грабежа. Я просил дать мне угол отдельно от других, так что Баранов и комисар поместились в столовой, а я в отдельной комнате, куда мне принесли ужин, и я имел возможность говорить более откровенно. (Через несколько лет, в совершенно другой обстановке мне удалось побывать в Ликовке, отошедшей тогда к Польше. Встреча была очень радостной).

Ночевка прошла спокойно. Утром, часов в 8, я получил приказание прибыть в Кругляны для улаживания вчерашнего инцидента. Баранов сразу хотел остаться в Ликовке, но я ему посоветовал побывать раньше в Кряглянах, и там, при случае, я вышлю его одного на разведку и он сможет тогда вернуться. Так это и осуществилось:

вернувшись в Ликовку, он оставался до прихода поляков, у которых он зарегистрировался и был отправлен ими в бригаду есаула Яковлева, где был терский дивизион. Дальше о судьбе его я ничего не знаю.

В Круглянах к нашему приезду было уже все в порядке. Рейд разносил тех, кто вчера не пошел дальше, все они стояли без оружия и поясов, под конвоем тех, кто пришли с Рейдом; это был эскадрон около 150 человек, преимущественно латыши, венгры и другие чужеземцы. Их куда-то погнали на расправу и это очень подействовало на тех, кто остался при мне. Здесь я получил наган, так как до сих пор был без оружия, получил его и Баранов. К моему отряду придали и 6 подрывников. Комиссар мой на все это ничего не говорил, но «пел мне гимны», что я-де справился с такой бандой, что офицер остается всегда офицером, и «куды им — неучам» и т. д. Часам к 12-ти Рейд отбыл со своими опричниками, а при мне осталось около 80-ти человек (очень многие дезертировали). Согласно распоряжению, мы отправились в имение Краски графа Красинского, и хотя здесь не было милых Пчицких, все же управляющий принял меня неплохо. Баранов отправился на разведку, как было условлено, мы с ним окончательно расстались и я остался один. Чувствовал я себя лучше и смелее, и уход от красных не казался мне невозможным.

Из Красок мы перешли в деревню Задвержаны, которую каждую минуту могли занять поляки. Рано утром отправились в городок Соколики, где должны были произвести глубокую разведку и в случае нужды задержать противника хотя бы до вечера, так как пехотных наших частей рядом не было. Не доходя до Соколок, я послал подрывников взорвать железнодорожную линию, они взорвали один путь, а по другому поляки свободно маневрировали. В 2-х километрах от Соколки я остановился и решил выслать разъезд. Здесь же у меня произошло столкновение с комиссаром, который решил сразу перейти на другую сторону городка; в таком случае мы сразу были бы отрезаны бронепоездами, которых на этом участке было три, да и, кроме того, было около батальона польской пехоты. Но комиссар, как-то сразу «преобразившийся» заявил, что забирает народ, и ушел. Я не стал

протестовать, а остался на своем наблюдательном пункте с 15-ю всадниками, ожидая, что будет дальше. Вышло то, что я и предвидел: дорогу, которой прошел комиссар, поляки перегородили броневиками и ротой пехоты; весь эскадрон попал в плен, и о дальнейшей судьбе их я ничего не слышал. Мне ничего не оставалось, как с несколькими всадниками отходить к местечку Кузнеце. Там, в доме ксендза, я нашел Рейда, доложил ему обо всем случившемся. Он мне ответил: «Чем больше побьют этой сволочи — тем лучше», и приказал мне вернуться в Гродно и там принять полк, который должен был прибыть туда из Пскова; полк этот уже прошел некоторую подготовку, есть командный состав, много старых офицеров, существует дисциплина. Пока мы говорили, к Кузнеце подошли польские броневики, высадили роту пехоты и начался обстрел нашего района. Надо было скорее садиться на лошадь и через заборы уходить из местечка. За Кузнецей на возвышенности, расстилавшейся впереди, была рассыпана цепь из личного конвоя Рейда. Я направился в Гродно один, по дороге мне пришлось два раза укрываться то польских аэропланов. Добравшись до Гродно и допуская, что каждую минуту могут подойти поляки, я явился в штаб, но оказалось, что он уже ушел в Молодечно.

Первый эшелон полка пришел к вечеру; это был эскадрон, пулеметная команда, полковые трубачи и штаб полка. Временно исполняющий обязанности командира полка был бывший гусар, корнет Шишнев, очень милый человек, командиром эскадрона — Николаев, юнкер Тверского Кавалерийского Училища, начальником — волноопределяющийся 17-го Нижегородского полка. Был общий язык и атмосфера была сносная по сравнению с прежним дивизионом. Комиссар полка был со 2-м эшелоном, так что мы чувствовали себя довольно сносно. Это эшелон до ночи по каким-то причинам не пришел, и ночь прошла спокойно. А утром я узнал, кто трубачи со своим «Капель-Дудкиным» ушли к литовцам, ушла и часть эскадрона и пулеметной команды. Мне сказали, что литовцы находятся в деревне Каплица, в 3-х километрах от Гродно, и я тоже решил перейти к ним. Перед этим я получил очень хорошую лошадь и ординарца, оренбургского казака. Шишнев был в курсе всех моих планов, но

сначала он хотел узнать, что и как, а затем, когда прибудет его жена со вторым эшелоном (она была в положении) — перейти и самому.

Часов в 9 утра мы решили осмотреть литовскую границу и поехали в сторону Каплицы. По дороге не было никого видно и только когда мы переехали по шоссейной дороге мостик, появилось человек 8 литовцев, сказавших нам, что за ночь много военных перешли к ним. Я заявил, что остаюсь в Литве, а Шишнев с ординарцами вернется обратно, и мы с ними расстались. Начальник литовской заставы, в прошлом русский офицер, бывший в Белой Армии (нужно сказать, что из прибалтийских народов самое лучшее впечатление на меня произвели именно литовцы), дал мне разрешение на проезд в Ковно и оставил мне лошадь, чем я был очень доволен. Горячо я благодарил Господа Бога, что благополучно ушел от красных...

На своей лошади я приехал в Олиту, но здесь меня задержали и отправили в штаб какой-то военной группы, к ее начальнику. Он оказался из офицеров русской армии, даже не говоривший по-литовски. Узнав что я бывший «белый» и бегу от красных, он принял меня очень сердечно, предложил купить у меня лошадь, так как ее от меня могут отобрать, а от него я получу нормальную сумму, которая была установлена для лошадей, покупаемых для Литовской Армии. Он предупредил меня, чтобы я был осторожен, так как многих литовская полиция задерживает и направляет в лагерь для передачи красным. На местном вокзале я купил билет в Ковно; в буфете можно было достать все, кругом было чисто, и в ожидании поезда я погрузился в глубокие думы: все прошедшее, пережитое казалось сном, но в действительности было то, что я вне пределов большевистского царствования и даже имел еще деньги. Велика была моя благодарность Господу Богу...

Но вот пришел поезд и я уехал. В Ковно приехал в 3 часа утра и уселся за стол в зале 1-го класса в ожидании утра, побаиваясь проверки документов и отправки в лагерь, но все прошло благополучно. Утром на станции около меня появилось два человека и стали допытываться, кто я. Выяснилось, что и они «белые» и специально

посещают станцию, чтобы предупредить своих единомышленников, как обстоит дело с регистрацией в Польше, откуда могут сразу отправить в большевистский лагерь для передачи в Советскую Россию.

Выход был такой: прежде всего нужно было пойти во французское консульство, там есть чиновник — бывший офицер старой армии, свободно говоривший по-русски, в курсе всех дел и хорошо разбиравшийся «кто чем дышит». Если после опроса он убедится, что вы — «белый», тогда вы идете в полицию, там вас зарегистригуют, что там имеете убежище, и тогда вам выписывают удостоверение, на котором ставится виза на право выезда из Литвы, но на руки вам его не дают, его получает ваш конвоир, который в консульстве сдает и вас, и удостоверение. Таким образом, имея опеку французов, вы были от всего ограждены.

После всех формальностей я нашел убежище в русской школе, которая была при церкви. Через несколько дней таких, как я, оказалось еще несколько человек; мы узнали, что в лагере есть человек шестнадцать, которых надо было бы освободить. Пришло время и нам уезжать, но на это нужны были деньги, да и просить их мог не каждый, да и где и у кого? Но благодаря помощи князя Васильчикова у нас набралась сумма, достаточная для оплаты проезда двадцати двух человек по Неману до По, в Восточной Пруссии. Визы мы получили через французское посольство, заплатили за билеты. Оставалось только перерезать проволочное заграждение лагеря и освободить из него шестнадцать человек; это нам удалось и мы три часа с трепетом ожидали подхода парохода, так как боялись за освобожденных. Не успел пароход причалить, как мы были уже на нем. У всех прибывающих проверяли документы, но нам удалось проскочить без проверки. Но вот пароход отчалил и мы свободно вздохнули...

Вот уже Юрбург, плывем дальше. В По, по совету одного француза, мы явились во французский гарнизон, который оккупировал часть Восточной Пруссии. Там нас приняли не плохо, угостили кроличьим мясом и вином. В нашей группе оказалось три хороших джигита, показавших свои «способности», что привело французов в

дикий восторг. После обеда и разговоров мы отдохнули с часок и уехали в Мемель. Там стоял 6-й французский пулеметный полк. Мы туда явились, и нас отвели в казармы без всяких разговоров, в большую чистую комнату с 20-ю кроватями, столом, скамейками. Сержант хотел поместить офицеров отдельно, но мы решили быть все вместе. Разместив нас, сержант вышел и... запер дверь. Решили немного подождать, а потом начали стучать в дверь: многим нужно было в уборную. Часа через два нам принесли ужин — все очень вкусно и в изобилии. Двери остались открытыми, с предупреждением, что они будут закрыты через час и вообще некоторое время мы будем запертыми. Утром же двери будут открывать на два часа, а вечером от 5 до 7-ти и мы можем выходить в город. Только потом выяснилось, что нас проверяли. Как-то на главной улице к нам подошел детина с русой бородой и, обращаясь к нам, назвав нас «товарищами», спросил, почему мы не возвращаемсз на Родину? Нас это возмутило; на наш вопрос, кто он, он ответил, что он «генерал Буденновской Армии». В это время проходил французский капитан, к которому обратился мой приятель сотник Г. В. Губарев с просьбой задержать «генерала», но... француз остается французом; капитан сначала слушал, но, увидав проходившую смазливую девицу, ушел за ней , и нам самим пришлось разговаривать с этим «генералом». После этого случая нас перевели из казармы в гостиницу, где было много поляков, бежавших красных и несколько человек русских. «Генерал» был офицером контрразведки, вылавливающим большевистских агентов, которых было много везде и всюду.

В этой гостинице мы прожили два дня, а на 3-й день пришел в порт пароход «Саратов», который перевозил части Армии генерала Юденича в Данциг. Здесь были чины дивизии ген. Палена и дивизии генерала Бабенко. На этом пароходе мы добрались до Гданьска.

В Гданьске пришлось увидеть многое, здесь были части Бермонта Авалова. Тут, как на ярмарке, каждый расхваливал свои части и звал к себе. Были представители Польских формирований Домбровского, Яворского, Булак-Балаховича и др., от русских были только представители бригады есаула Яковлева. Питательные пункты

встречались на каждом шагу, так что многие, побывавшие в большевистском плену, объедались до болезни. В то время представителем генерала Врангеля тут был генерал Глазепан. По его распоряжению, части армии генерала Юденича и одиночки отправлялись на формирование 3-й Русской Армии, находившейся под командой генерала Перемыкина в Калише. Генерал Глазепан вскоре был заменен генералом Махровым.

Мне лично хотелось уехать в Крым, но как раз перед нашим прибытием был отправлен туда последний транспорт частей Армии, которые были интернированы поляками. Пришлось мне смириться и я снова очутился в Красновском казачьем полку, начальником пулеметной команды. Снова я был у дела и был готов продолжать борьбу, начатую при генерале Корнилове.

3-я Русская Армия состояла из двух пехотных дивизий генерала Палена и генерала Бабошко. Кроме того, была казачья дивизия, которой командовал ген. Трусов, а его бригадами — полковник Немцов и полковник Де-Маньян. Красновский полк входил в 1-ю бригаду. Было 3-4 полка уральских казаков, один полк оренбургских; была еще казачья бригада полковника Сальникова, это были казаки, которые в Новороссийске попали в плен к красным, были назначены в 21-ю советскую дивизию и перешли к полякам под Львовым из Армии Буденного. Это был полк численностью около 2.000 человек под командованием полковника Духопельникова; были еще и другие дивизионы; вообще сила была внушительная.

Наша задача была идти на соединение с генералом Врангелем. Мы выступили, были уже на границе Польши в районе Проскурова, Тернополя и Подволочийска, но были принуждены вернуться обратно, так как поляки испугались национальной России; Пилсудский предпочитал Россию интернациональную, в надежде, что она разлетится, и Польша при этом «полакомится». И она «полакомилась» немалым куском: в Волыни и Владимирских землях с гор. Гродно. Не успев еще встать на ноги, она сразу же совершила набег на Киев. Как говорят: «Если Бог решил наказать, то лишит разума». Так было и теперь. Поляки решили взорвать Софийский Собор, но, Славу Богу, взрыв получился небольшой силы, получи-

лись лишь трещины и таким образом Собор уцелел и от поляков, и от безбожников-большевиков. Правда, надо сказать, что среди поляков было много милых, хороших, добрых людей, особенно среди офицеров кавалерии, служивших раньше в Русской Армии. Что же касается тех, кто был из Галиции, то о них не хочется вспоминать, т. к. все это были люди мелочной душонки, двухличие, а в то время они были у власти, мечтая о «Великой Польше от моря до моря», включая сюда земли Витебскую, Псковскую, Полоцкую, Могилевскую, Минскую и Одессу. Большое значение имело вероисповедание: православные были людьми 2-го сорта, если не 3-го, об евреях я не говорю; их был большой процент и вся торговля была в их руках. Если перед войной прокатилась волна еврейских погромов, то нельзя их приписывать только России. Так, гродненский погром продолжался несколько дней, началось с евреев, но затронуло и неевреев. Солдаты из местного похотного полка сами начали грабить; для наведения порядка пришлось привлечь варшавскую полицию. На все русское лилось грязь и ничто русское не признавалось, у самой же администрации нового стиля не удалось — крестьянская масса его не приняла. На землях, принадлежащих раньше русским помещикам, стали селить присланных из центральной Польши, так называемых «осадников», которые в 1939 году, при оккупации этих районов красными, в большинстве случаев были уничтожены местными коренными жителями. Когда перед войной была объявлена мобилизация, мобилизованные бродили голодными, их не кормили, довольствоваться они должны были своими средствами, обмундирования и вооружения у них не было. Все это привело к краху Польши Пилсудского, соучастника Савинкова и других гробокопателей России в совершении различных террористических актов. Следовательно, свое они получили и особенно за то, что называя себя «христианской страной», разрушили на Волыни и в Полесье и других местах более трехсот православных храмов, делая это самым подлым зверским способом, подобно большевикам.

Все это было сделано по приказу сподвижника Пилсудского, Ридзы Смиглаго.

Возвращаюсь к дальнейшей судьбе 3-й Русской Армии;

нас из Калиша перевезли в район Проскурова и здесь мы встретились с петлюровцами. Петлюра произвел мобилизацию волынцев и мобилизовал до 200 тысяч бойцов, но все они разбежались и осталась одна Директория без территории... Некоторое время мы покрутились в районе деревни Зеленцы. Польским правительством было сделано все против нашего соединения с генералом Врангелем и мы должны были вернуться обратно в Польшу. Было несколько исключений, но о них я не буду вспоминать.

Польскую границу мы перешли в районе Подволочийска вместе с остатками петлюровцев. С нашим полком были «чернослышники» с полковником Дьяченко, ярым врагом «москалей». По пятам за нами наступала конная группа красных Котовского, которая, желая настигнуть нас, в некоторых местах переходила границу.

Мы, перейдя ее, были уже как интернированные, должны были сдать все вооружение, лошадей. Но до сдачи мне удалось продать 7 наших лошадей местным евреям, благодаря чему моя пулеметная команда продолжительное время была обеспечена лучшим продовольствием.

Здесь и закончилась наша, того времени, вооруженная борьба с интернациональным коммунизмом, с передышкой до 1939 года.

Кормили интернированных очень плохо: один хлеб (2½ фунта на трех человек) и селедка. У местных жителей было запрещено брать что-либо под страхом расстрела, но они относились к нам лучше, чем к полякам. О старой Русской Императорской Армии здесь остались самые лучшие воспоминания, тогда галичане были друзьями России и, в противоположность веяниям настоящего времени, что произошло из-за пропаганды поляков и немцев. В районе Тернополя мы простояли около двух месяцев, не имея права его посещать, а ведь было время, когда по этим местам я шествовал в рядах нашей победоносной Армии, под знаменами с двуглавым орлом. Наши условия жизни теперь, конечно, были несравнимы с жизнью в большевистских лагерях Рязани, но все же это надоело. Наконец, нас перевели в Остров Комарово Ломжинской губернии и поместили там в старых казармах старой Русской Армии.

Расположились мы сносно; семейные офицеры полу-

чили квартиры в старых офицерских флигелях, но без обстановки. Кормежка была сносная. Появилось ИРО; из лагеря с пропуском можно было выходить на целый день; мы стали обзаводиться знакомыми, представилась возможность подрабатывать.

Приезжали к нам в лагерь Савинков и проф. Одинец, вели они свою пропаганду о социализме, понося все прошлое. Появился и полковник Гнилорыбов, уговаривавший казаков возвращаться на Родину. И начались всякие склоки и доносы; в результате генерала Бабошко и нескольких офицеров польская разведка увезла в Торунь. Савинковцы сняли погоны, другая же часть лагерников, в том числе и я, продолжали их носить. Но через некоторое время после того, как Одинец получил от меня по физиономии, должен был и я с несколькими единомышленниками уйти из лагеря.

В Бресте я получил «озыля» (право убежища) и остался в Польше, где и прожил до 1939 года, когда мне снова пришлось, как и в 1920 году, уйти в Литву. Там в то время в Друскениках я руководил большими строительными работами, и ночью меня с женой и двумя сыновьями мои рабочие на лодке перевезли через Неман.

События, упомянутые в «Былом», закончились гор. Брестом, где нам, бывшим интернированным военным чинам Русской Армии, были выданы удостоверения, т. н. по-польски «Карты», т. е. право на убежище, затем мы получали паспорт Нансена, где была отметка, можно или нельзя работать. С Бреста началась новая жизнь — жизнь бесправного человека, потерявшего в неравной борьбе с красным интернационалом Родину, но не потерявшего надежду на продолжение борьбы и торжество Белой Идеи. Из острова Комарова многие вернулись на Родину, особенно казаки уральские. Среди донцов большую агитацию за возвращение казаков на родину вел полковник Гнилорыбов и часть офицеров Красновского полка. Уезжающие, приехав домой, присылали 2-3 письма, и на этом свяь кончалась, так как конечный их путь был Гулаг. Во время Второй мировой войны выяснилось, что значит советская амнистия.

Довольно много выехало во Францию; для оставших-

ся была работа в лесах Беловежских и Августовских, где все было в руках евреев и была отчаянная эксплуатация.

Я немного уклонюсь в сторону при упоминании Августовских лесов, где мне пришлось путешествовать в поисках работы. Очутился я в тех местах ,где в 1914 году была разгромлена наша армия генерала Самсонова. Передо мной стали открываться лесные поляны с тысячами белых крестов — русских и немецких; на крестах сохранилось много табличек. Определить, кого больше здесь похоронено, трудно, но насколько я определил, что вряд ли немцев было, как говорят ненавистники всего русского, значительно меньше. Я обратил внимание на одно большое кладбище, чисто немецкое, в идеальном порядке, где была большая таблица и было сказано, что здесь похоронено 2.372 офицеров и солдат. Местные жители говорят, что одной ночью немцы заблудились в лесу и вели между собой бой. Я очень заинтересовался этими кладбищами и отошел далеко от жилого помещения — ночь застала меня в лесу; послышался вой волков, стали перекликаться филины и почувствовалась жуть какая-то. Кроме того, появился недалеко один волк, начавший меня окружать. Как только он подходил на 20-30 метров, я зажигал имеющуюся у меня бумагу. Волк останавливался. Дальше продолжалось то же самое, пока я не увидел огонек железнодорожного сторожа, который вышел встречать поезд. Моему появлению он был очень удивлен, предложил мне зайти в сторожку, там обогреться, угостил меня напоем из каких-то трав. Так я, не допив напоя, заснул, и утром с поездом вернулся в Гродно и Брест. По дороге я остановился в Августове, где была стоянка 1-го Уланского полка, сформированного генералом Довтор-Мусницким; офицерский состав был из Русской армии. Денег я не имел, надо было как-то заработать, и я был очень обрадован, когда явидел объявление, что нужен рабочий для разборки печи в пекарне. Нашел сержанта, заведующего разборкой печи, условились о цене, хотя какое могло быть условие, у меня не было и 2-х халатов. Сержант принес лопату, какой-то халат от пыли и предупредил, что утвердить работу должен начальник хозяйственной части, ротмистр (фамилию я не разобрал). Пришел ротмистр, остановился около и, пристально посмотрев на меня, сказал, что он

не сошел с ума и он видит Д., с которым раньше лежал в Воронежском Госпитале Дворянского собрания. Был это старый гусар, в то время поручик Муха Мушинский; кончилось это тем, что заплакал он, заплакал и я; сержант стоял как мумия.

Ротмистр приказал прислать улан сделать указанную работу; условленная цена была 25 злотых; счет я подписал на 40 злотых которые получил. Три дня я был у ротмистра гостем. Очень милая жена не могла примириться с действительностью, т. е. как может быть, что приятель, о котором муж нередко вспоминал, очутился в таком положении — было и так; прошло много-много лет, и Бог ведает, где сейчас ротмистр, и уцелел ли он после разгрома польской конной группы, которая была уничтожена танками немцев. Туда входил и 1-й полк уланов. Среди польского командования были наивные люди, которые говорили, что немецкие танки из дерева, и бросили лучшую конницу в конном строю на танки. Польская армия была разбита немцами, как говорят, наголову, имея только два сопротивления в районе Бреста под командованием генерала Клаберга, который отличался антипатией к Пилсудскому. Второе сопротивление в Галиции под командой ген. Сикорского — это все.

У ротмистра я пробыл 3 дня и вернулся в Брест.

Эпизод в Августове был случайный, главным образом начиналось все с Бреста. Здесь уместно упомянуть о том, что мы собою тогда представляли. Большинство из нас была молодежь, которая считала, что борьба с красными не окончена, настоящее положение временное и искали временные работы. Часть же потеряла веру в конец большевизма — такие сразу же старались устроиться в местных волостных управлениях, и благодаря своему более высокому культурному уровню сразу же стали пользоваться большой популярностью. Такая публика стала кривить душой. Многие старались избегать своего русского языка, хотя местные жители знали русский язык; были случаи, когда старались сразу же жениться на польке и перейти в католичество. Так было тогда, так есть и теперь.

В Бресте инженер Соколовский создал рабочую артель для разборки узкоколейки, проложенной во время войны немцами среди болот Полесья. Артель называ-

лась «Труд»; помощником Соколовского, руководителя работами был латыш, капитан Оболик и было еще в качестве администрации два бывших поручика, служивших в армии в железнодорожном батальоне. Штаб артели поместился при станции Малькевичи, не разбитой во время войны, там же было 5 домов, где поместили нас по 8 человек; спали мы на полу, не имея чем накрыться; питались вареным картофелем и черным хлебом. Наш хозяин был добрый человек и на ночь приносил сноп соломы, который служил нам как подстилка; в других домах было хуже. Наша хата была довольно чистой и через неделю Соколовский при помощи железной дороги достал для нас по 2 одеяла и стали вариться супы, которые стали заправляться салом и луком. Местные крестьяне во время войны были эвакуированы в глубь России и, вернувшись домой, нашли одни развалины и должны были ютиться в землянках, неся большую надежду, не имея никакого скота.

Кроме нашей артели, была создана другая артель в районе станции Малорцы для уборки сена, где условия работы были хуже наших; и в смысле жилья, и в смысле питания. Правда, имея деньги, можно было бы еще что и купить; к тому еще мы имели заработки от железной дороги за разгрузку нормальных рельс. От Соколовского денег мы не получали, так как он боялся нашего ухода. Жена и два адъютанта жили неплохо. Произошли скандалы и труд развалился. Вмешались железнодорожные власти, и мы стали что-то получать. Моя артель имела еще заработок за различные разгрузки, кроме общей работы.

Первый день нашей работы я вспоминаю с ужасом. Кругом болото. Кругом было множество различных змей, лягушек, которых ловили за ногу ужи, втягивали в себя, лягушка отчаянно квакала, пока ее не заглатывал уж, потом он засыпал. Каждый из нас жил только одной мечтой — уйти из артели.

Наконец собралась кой-какая сумма денег, и я с четырьмя сослуживцами по 1-й казачьей дивизии отправился в Гродно, где недалеко от города было имение Евреиновых. Мадам Евреинова была замужем за генералом Траусовым, который был начальником указанной дивизии (умер в С.Ш.А. после долгих мытарств, окончатель-

но не был изжит плен, о котором я раньше упоминал). Мы здесь нашли милый задушевный русский прием и вошли в их семью, и приняли участие в организации Рождественских праздников. Имение после немецкой оккупации было в ужасном состоянии, но кое-как дело приводится в порядок, вставлены окна, топились печи, приобреталась кое-какая посуда. Немцы оставили несколько лошадей, из которых часть была оставлена для имения, часть была заменена на коров и другой скот. В общем было 8 лошадей, несколько коров (4) и свиньи.

Кроме меня и полковника Конькова (умер во Франции), появился еще капитан Дроздовский, который будучи в академии генерального штаба, посещал какие-то кулинарные курсы и поражал нас своим умением готовить и, кроме того, он восстановил церковь. (Капитан Дроздовский как только узнал, что красные перешли польскую границу, застрелился). Прошло несколько дней после нашего прибытия сюда, мы действительно отдохнули. Наступил Сочельник, привезли ёлку, украсили ее и, по желанию м. Арны Михайловны, присоединились к ее посту — до звезды ничего не ели, а после церкви имели строго постный обед, состоящий из взвара, кутьи и чего-то еще.

На первый день Праздников, к 11 часам был завтрак, к 5-ти часам ожидались гости из соседних имений, среди которых были и старые знакомые времен нашествия красных, о чем я раньше вспоминал в «Былом» (сестры Пчицкие; о радости встречи не приходится говорить).

На другой день праздников мы все поехали к Пчицким, где меня оставили управлять имением. Имение называлось Ликовка, пахотной земли было 320 гектаров, и вся площадь была засажена фруктовыми деревьями. Когда деревья начинали цвести, было как в сказке, и кругом заливались соловьи. В мою обязанность входило утром выдать корм для скота и довольно часто приходилось ездить за покупкой дров. Вечером после ужина обыкновенно собирались в гостиной и (в то время) читали все по очереди «От Двуглавого Орла — к красному знамени». Вечером вило время проходило в девичей комнате, пока не раздастся властный голос г. Пчицкого: «Идите спать, дайте отдохнуть нашему воину». Тогда приходилось приумол-

кнуть. Через некоторое время появился капитан Языков, однокашник г. Пчицкого по Псковскому кадетскому корпусу и Михайловскому артиллерийскому училищу; часами можно было слушать его эпизоды из двух войн.

Наступала весна, надо было достать семена, что не было легко, но все же удалось всю площадь (320 гектаров) засеять. Это было перед Пасхой, когда появился репетитор для младшего сына Пчицких — студент Каликин, с которым у меня были различные взгляды, т. к. он был очень левых взглядов; был против того, чтобы я сошелся бы с Татьяной — старшей сестрой, хотя это не должно было его касаться; что касается другой сестры, то с ней у меня были товарищеские отношения, и не было основания ревновать меня. (Татьяна в те времена была все). Каликин решил избавиться от меня и благодаря старому знакомству с начальником уезда, старостой, добился того, что я получил официальное письмо, в котором я, как бесподданный, не могу жить в районе Гродно и в трехдневный срок должен перебраться в уездный город Волковыск, находящийся в 96 километрах. Путешествовать надо было пешком, так как не было денег. Пчицкие ничего не дали, кроме 4-х бутербродов ,со мной было два казака.

Попрощались мы очень трогательно, со слезами, в надежде опять встретиться. 96 километров мы прошли в 5 дней, так как шли от имения к имению, принадлежащих Мозалевским. В это время пришлось пережить жестокую судьбу — особенно морально.

Каликина я встречал потом в Праге; он женился и просил прошлое не вспоминать; жизнь и у него сложилась довольно тяжелая, так как после моего ухода уволили и его.

Моя мечта сводилась к тому, чтобы устроиться и создать семью с Татьяной, для этого представлялась возможность поступить помощником лесничего, но опять-таки было «но» — я не подданный, а служба лесничего была казенной и сложилось все иначе; на старости лет я могу сказать, что все сложилось к лучшему.

Идя в Волковыск, не было никаких предположений, не было и никаких специальностей, не было и никаких знаний, так что приходилось браться за все, и в жизни были одни случайности. Думаешь одно — выходило другое. Надо

было мириться со случайностями. Пришли в Волковыск, нашли место для ночевки у двух казаков, которые имели хлебопекарню, и тут совершенно случайно, неожиданно улыбнулась судьба.

В Волковыске стояли полуразбитые казармы, где в императорские времена стояла артиллерийская бригада; эти казармы надо было восстановить для 3-го полка конных стрельцов. Благодаря офицерам этого полка, офицерам запасных эскадронов 4-го и 13-го Уланских полков, мне удалось получить службу производителя работ; фирма строительная, во главе которой были в качестве инженеры, бежавшие из России, ко мне относились очень мило, на каждом шагу знакомили меня со строительством. Работы, проведенные под моим руководством, прошли, как говорят, без сучка и задоринки, что в будущем помогло мне иметь работы непосредственно от военного ведомства.

Наступила осень и зима, строительные работы приостановились. Единственный заработок был в лесу. Лес от города находился в 4-х километрах в обе стороны 8 километров, что очень изнуряло, особенно когда шли дожди, которые сменились морозом. Ноги мои согревались оборачиванием шкурами от диких кабанов. Мокрая шкура на морозе замерзала и получались своего рода теплые валенки. Работал со мной полковник Коньков и крестьянин, который был опытным лесным работником, и он нас здорово выручал. Работа очень утомляла, и ничего нельзя было придумать другого, так как были бесподданными и плохо владели польским государственным языком, хотя разговорный язык был местный — русский, смешанный с местным жаргоном (белорусским).

Счастье улыбнулось, и в одно из воскресений около церкви подошел к нам один тип, принял военную выправку, т. е. стал смирно. Обратился к нам: «гг. офицеры», сказал, что он бывший матрос, был противником революции, что он сочувствует нам и предложил нам работы под крышей, в сухом, довольно теплом месте — делать гробы для умирающих при тифозном госпитале. Умирающих было до 40 человек в день, и я, и полковник Коньков болели уже тифом в Добровольческой Армии, то есть мы были довольны работой. Плату нам назначили гораздо больше, чем в лесу.

Кроме гробов, мы обнаружили у себя способность к плотничьим работам, которыми мы до некоторой степени и увлекались. Матрос предложил сделать починку крыши, назначив очень хорошую цену (матрос заведовал хозяйственной частью госпиталя). Помню, было это 6 декабря, день Св. Николая Угодника. Поставил я лестницу и полез на крышу, но лестница поскользнулась на льду, и с высоты 3-4 метров я упал; лестница на ноге сломалась, работа моя окончилась. Полковник Коньков стал меня упрекать в том, что не следовало бы в праздник работать. Благодаря матросу госпиталь уплатил какую-то сумму, на которую мы с полковником Коньковым могли прожить 5-6 недель. Первую медицинскую помощь оказал старший врач из татар Бонрошевский. Не оставлял он меня и в дальнейшем, но зато хозяйка квартиры не хотела пускать обратно неспособного работать; в это дело вмешалась местная общественность и квартира была реквизирована до поправки ноги. Эта нога была ранена в 1915 г., о чем я уже упоминал. Теперь опять кость лопнула. Недели через 3-4 можно было ходить с костылями, за это время создались знакомства с местной интеллигенцией, русской и польской, так что было куда пойти и мило проводить время. Полковник Коньков должен был вернуться к г. Трусовым и там получил бумаги для выезда во Францию.

Уехал Коньков, остался я одиноким, хотя в Волковыске было военных эмигрантов немало. Потом приезжали и уезжали, я оставался на месте. Слава Богу, нога поправилась, и российская колония ко мне отнеслась, как к выздоравливающему, оказывая какую-то жалость, что меня очень огорчало, так как не было таких отношений, которые могли бы быть среди людей, находящихся на одном положении. К тому же многие ушли к полякам, порой переходя в католичество. Во многих имениях я проводил по несколько недель и из меня пробовали сделать будущего хозяина, прельщая имением. От всех прельщаний и многих невест я старался отделываться, так как не мог согласиться, что я, ничего не имеющий, должен стать зятем, потеряв свою вольность. Что касается состояния имений, то положение их было аховым. Здания были разрушены во время войны, урожай продавался на корню местным евреям за полцены; постройки осенью кры-

лись соломой, а весной эту солому снимали, резали на сечку и кормили скот, который от этого корма дох; где только можно, везде закладывалось по нескольку раз. Большие имения не могли платить рабочим в результате — забастовки, скот описывался государственными чиновниками, никто его не кормил и он дох — так было.

Как бы ни было, мне очень хотелось осесть в каком-либо имении как администратор. Такое имение я получил, довольно большое, с винокуренным заводом, но оно было заложено, и осенью было продано с торгов; купили евреи и мне нечего там было делать, т. к. они имели своих людей.

Главное, что для того чтобы жить, надо обворовывать владельца. Были сплошь и рядом случаи, когда владелец прогорал, а управляющий приобретал. Вопрос с имением отпал. Пришлось устанавливать связь с польским обществом, среди которых почти все были из России. Кроме того, были военные инженеры, работающие при постройке городской крепости. И вот они посоветовали мне взяться за строительство, получив я урочное положение Решефора; прочитав его, я взялся за строительство. Железная дорога, как первую работу, дала мне постройку павильона в летнем саду, ремонт 52 домиков, где жили железнодорожные сторожа; дальше — крупные работы: ремонт мостов и металлических, железобетонных; укладка на 14 километров железнодорожного пути и, как с неба свалилось, предложение создать столярные мастерские, где вырабатывались до 800 штук окон и дверей при 38 столярах.

Надо сказать, что способствовали всему, главным образом, взятки. Взятки, которые брали все — от малых чиновников до больших. Для того чтобы получить работу, надо сразу сказать, что получит он. Было так: сколько стоит исполнить работу, каким я считаю свой заработок и сколько должен получить он или они.

Был период, когда 1-го и 15-го каждого месяца добавлялись подвыжка и окно с дверьми оплаченные, после их исполнения, стояли несколько месяцев и получались деньги. Этими деньгами я не пользовался, а пользовалось начальство.

Жизнь в Волковыске протекала довольно скучно,

хотя были приличные заработки. Поездки в Варшаву слишком дорого стоили, хотя время проводилось там неплохо и часто встречались сослуживцы по Армии, среди которых были такие, которым некуда было приткнуться. Таким я всегда шел на помощь и довольно долгое время нашел у меня приют полковник Обаза (уехал во Францию).

Навещала Волковыск русская драматическая труппа Станиславского, лучшая в то время в Европе. Посещали спектакли «Дни нашей жизни», «Ревность» и другие офицеры местного кавалерийского полка. В обществе офицеров я встретил и был представлен моей жене, моему другу, давшей мне двух сыновей, русских и больших патриотов. За 56 лет совместной жизни много, много утекло воды, много пережито тяжелых моментов в жизни.

Были войны, были бомбежки, были провокации, были суды и она была всегда с семьей; семья — это цель её жизни.

Кроме работ на железной дороге и др., появились работы в военном ведомстве, где я был уже опытным руководителем работ, имея право, пройдя требуемую практику, вести, как я раньше упоминал работы наземные и подземные.

Были случаи, когда фирма обанкротившись обращалась ко мне, чтобы ее поддержать останавливалась на мне, т. е. я был и от Военного ведомства, и от фирмы. В этом отношении я пользовался большой популярностью.

Зимой, когда прекращалась работа, я имел возможность заниматься частной эксплуатацией в большом масштабе, работы были очень интересные. Начал работы в Военном ведомстве, которые были в районе Вильно, Сувалок, Белостока, Гродно, на польско-немецкой границе. Так шла однообразно жизнь из года в год.

В 1930-х годах в Гродно покойная жизнь нарушилась погромами евреев. Они с большими трудами были подавлены специальными отрядами полиции, присланной из Варшавы. Присылаемые раньше военные части сами начинали грабить. Эскадрон улан от всего воздерживался, извозчики имели на фуражках белый околыш с надписью «извозчик христианский», и местные студенты несли дежурство около еврейских магазинов, не пуская туда

христиан. В общем, несколько ночей были очень тревожны. Поляки закричали о своей великодержавности — Польска от моря и до моря. Смоленская, Витебская, Псковская, Полоцкая и Могилевский губернии принадлежат только им. Мои работы были на военных участках и были случаи, когда мне было заявлено, что я не имею права входа на территорию работ — рабочие могли оставаться на работе. Все это уладилось, принесено было извинение командиром танкового соединения, который был из русских офицеров, имел орден Св. Георгия и Георгиевское оружие. Не был пропущен потому, что дежурным был офицер, прибывший из резерва.

Была произведена мобилизация людей и лошадей. Собрались тысячи людей, которые должны были иметь свое питание, не меньше, чем на 4 недели. Прошли 4 недели и мобилизованные бродили полуголодные. В это время ко мне явился инженер Гурецкий, владелец большой строительной фирмы из Варшавы, и предложил принять работу по постройке главного здания санатории в курортном месте Друскеники. Работа очень большая; достаточно того, что имелось ввиду построить санаторий с 3-мя большими зданиями и более 300 номеров для приезжающих лечиться минеральными водами. Условия были очень хорошие и делали меня хозяином. Меня снабжали всеми нужными материалами и на работе должен быть чиновник от Министерства Здоровья и снабжать меня чеками на получку денег из банка. Фирма должна получить 10% от заработка.

Военные тучи сгущались, но несмотря на это, было приступлено к работам, и прибывали вагоны в большом количестве с материалом, и получил я чек, как аванс, на большую сумму.

Прошла неделя. Немцы заняли Бельгию, порядочную часть Франции. Предвидя всякие возможности, я решил, чтобы жена вернулась домой из Волковыска и на всякий случай мы были бы все вместе.

Жена с детьми вернулась. Я собирался ехать на работу и вдруг послышались взрывы. Я вышел на улицу, где ходил полицейский, у которого я спросил, что за взрывы. Полицейский ответил, появились без объявления войны немецкие бомбардировщики и полетели бомбы неда-

леко от нашего дома. В это время из окрестных деревень приезжали крестьяне с молоком и пр., и мы увидали, как лошади с повозками понеслись во все стороны; было убито несколько людей и лошадей. Немцы совершили 2-3 полета и улетели.

Я с семьей решили выбраться из города и ушли в деревню к нашей молочнице, там мы провели 4-5 дней, не подвергаясь бомбардировкам. За это время были уничтожены все военные объекты; был уничтожен военный объект, где находились главные склады в Чеховоцизне; склады, построенные мною в 1927-1929 гг. Каждое здание обносилось земляными валами, работало с подводами до 200 человек. Эти работы были самыми выгодными, я имел лошадей, многим мог оказывать поддержку, главным образом Братству Русской правды. Уничтожены были мобилизационные склады, казармы, конюшни 29-го Артиллерийского полка, тоже мною построенные в 1928-1930 гг. Все уничтоженное немцами мне было очень жалко, хотя это не принадлежало России.

Из деревни мы вернулись в какую-то субботу. Очень приятно было вернуться домой, побывать в церкви и посидеть в столовой комнате при освещении лампадкой. Налетов почти не было; были единичные, которые сбрасывали пару бомб на железную дорогу через Неман. Зенитная артиллерия мост спасла. В некоторых складах удалось получить кое-какие продукты — все магазины были закрыты.

В воскресенье был хороший, ясный день, в церкви совершалась служба; на службе был я, жена и младший сын Игорь. Старший дежурил дома у радио. По возвращении домой нас встретил старший сын Георгий и, запыхавшись сообщил, что красные перешли польскую границу и занимают Кресы (восточная часть Польши), — куда входило Гродно. Оставаться нам здесь нельзя, надо уходить в первую очередь в Литву. Но как добраться? Не имея средств для передвижения, так как после немецких налетов все было парализовано. Вся надежда на то, что Епископ от красных должен уходить и как-либо примощусь и я. Епископ заявил, что найдется место в автомобиле только для меня, и отъезд состоится через час. Остает-

ся вопрос открытым: как же поступить с семьей. Единственная возможность поездки есть машина Владыки; нанять никого нельзя, так как местные крестьяне проезжающих обстреливают, особенно польских поселенцев, так называемых осадников-поляков, присланных из центра Польши, на земли, принадлежавшие раньше русским помещикам. Домой я не шел, а бежал, как угорелый. Жена вышла встречать меня, решили мы, что я никаким образом не должен оставаться, а уходить от красных. Детям не говорить и что они пойдут меня провожать, а там, Бог даст, как-либо увидимся всей семьей. Так оно и вышло. Ушли, в чем были, не взяв ничего. Это прошло, но забыть это невозможно. Многие потеряли семьи, но Господь мою семью сохранил.

Вечером мы были уже в Друскениках. Рабочие мои перевезли нас на другой берег Немана, утром нас обнаружили пограничники литовские; назад не отправили, хотя потом стали возвращать. Приют нам оказал ксендз. Их всех заинтересовало то, что я имел работы на другом берегу и по моему распоряжению были доставлены материалы (цемент и железо) на их берег. Ксендз какую-то сумму дал. Можно было бы иметь, кроме цемента и железа и дерево, но недолго послужили лодки и катеры, провалились донья. Раньше я сказал, что после того, как мы очутились в Литве, конечный пункт того времени был Тарнов. Из полученных денег от ксендза я частично поделился в тяжелую минуту с теми, для которых я был человеком и офицером Императорской армии — это староста и князь Друтцко Любецкий. Между Литвой и Тарновым прошел тоже отрезок жизни со всякими случаями: несколько дней мы пробыли у к сендза, жена что-то помогала по хозяйству, благодаря чему мы имели питание. В один день пришла машина и литовцы решили отправить нас обратно к красным. Никакие просьбы и ссылки на то, что мы имеем паспорта Нансена, не помогали. Просил я отправить нас в район Сетвалок, куда не прийдут красные, а придут немцы. Как будто бы на это соглашались, но в действительности поехали в сторону красных. Опять переживания, переживания. Не доезжая 5-6 километров до переправы через Неман, мы встретили остатки отступающей польской армии; здесь были все роды ору-

жия, здесь были офицеры всех чинов. Командующий 3-м Корпусом застрелился; здесь было и наше духовенство Гродненской Епархии. Вернулась обратно машина с нами и в первом поселке нас поместили в хате, поставив часового. Жаль было смотреть, на младшего сына, которому было 5 лет. Через пару часов явился майор Литовской армии, бывший офицер Русской Армии. Первый вопрос был: где тут путешествующие, почему здесь часовой, которого сразу же выставил, и очень мило поговорил. И на душе стало легче. Сказал, что нам принесут ужин, который никому в горло не шел. Завтра будут выданы пропуска и мы можем отправляться в Ковно, как свободные люди. Поляков отправляли под конвоем, много было лошадей, повозок и различных экипажей, благодаря которым мы добрались к вечеру в Ковно.

В Ковно мы отправились в церковь, где совершалась вечерня, после вечерни остались, как говорят, на мели. Как решить вопрос с ночевкой? Тут нас выручил церковный староста, полковник Енглер, предложив остановиться у него, где был оказан милый прием. Пробыли мы у него несколько дней, пока нам всем было предложено поехать в курортное место Бершраны, где будут и комнаты, и обильное питание. В Ковно была довольно большая русская колония; было не мало казаков, но, к сожалению, часть была самостийников. Были заработки на том, что мы, русские, имели возможность ездить свободно в город. Поляки этой возможности не имели и обращались с просьбой что-либо заменить на доллар, платя за это до 10 процентов от полученной суммы. Среди нас было несколько священников, которые совершали богослужения. В общем, приотдохнули и надо думать о дальнейшем, а в дальнейшем после поляков Вильно перешел к литовцам. Решили мы с семьей перебраться в Вильно, так как там было очень много русских, была русская гимназия, что нас устраивало, так как представилась возможность старшему сыну закончить среднее образование; младшему начать учиться в русской школе. Для переезда в Вильно нужно было получить разрешение из Министерства, которое мне дали без всяких очередей, как бывшему русскому офицеру. Надо сказать, что среди нескольких стран, нескольких народов самое доброе воспомина-

ние осталось к литовцам. В день нашего прибытия мы увидали парад маленькой и очень подтянутой Литовской армии; особенно бросился в глаза кавалерийский полк, напоминающий что-то давнее. Выделялись волчьи хвосты. Остановились мы у знакомых еще с польских времен. Город изменился, но по-старому было много богомольцев у иконы Божией Матери Остробрама. Были случаи, когда икону крали поляки. Литовцы ее отобрали и, наоборот, здесь же, около острой Брамы, были два русских православных монастыря, стоящих уже несколько сот лет, причем служба была разрешена полякам только в одном монастыре, где были Мощи. Другой монастырь был закрыт якобы потому, что появились трещины. Литовцы его открыли для белорусов. Очень интересная была церковь, без электрических лампочек, а только свечами освещалась. Церкви, где был крещен Араб. В общем церковная святыня с Пушкиным, и здесь недалеко при реке Вильне была местность связанная с памятью нашего поэта.

Красные были недалеко от города, но в форме их не было видно. Видел я это армию, где носились винтовки на веревках и очень плохо выглядела артиллерия, с плохими мелкими лошадьми. В общем надо «ехать дальше».

Между прочим, Русское благотворительное общество на мою просьбу оказать нам помощь ответило: «Зачем вы приехали сюда». Литовские власти отнеслись иначе и мы получили очень хорошее убежище в замке.

Прошла очень холодная зима. В мае было объявлено, что можно было уехать в Германию, чем я не воспользовался, так как старший сын должен был закончить гимназию и мы задержались на две недели; мы приехали на границу немецкую Ейдкуны. Имел в виду, что если придут красные, то есть путь отхода к немцам. Так оно и вышло. В один день были именины младшего сына; после обеда жена пошла к границе, я оставался на квартире со старшим сыном и вдруг хозяйка квартиры прибежала и с радостью сообщает, что в конце поселка уже появились красные. Мы с сыном бросились искать жену с младшим сыном. Подойдя к граничному посту, узнали, что она уже находится на немецкой стороне. Граничный пункт закрыт и мы должны, как стемнеет, перейти речушку, проходящую по границе. До перехода границы мы задержались у

одного бывшего белого офицера, который женился на немке, и их земля граничит с немецкой границей. Кроме нас, появились и другие беженцы.

Как только стемнело, мы с сыном без всяких осложнений перешли. Пройдя несколько шагов, нас осветили электрическим фонарем немецкие пограничники, спросили фамилии и заявили, что моя жена с сыном находятся в отеле, и проводник провел нас в отель, где жена поместилась в хорошем номере и дальше до отъезда в Тарнов мы провели время уже у немцев, которых можно вспомнить только хорошим.

О дальнейшем, то есть о нашем прибытии в Тарнов, я уже раньше упоминал.

Дальше принятие участия в борьбе с красным интернационал я начал со службы в Зандер штабе. После Зандер штаба служба в казачьих формированиях в РОА.

Следует упомянуть о большом церковном событии, когда Митрополит Георгий за большую лояльность к католичеству был застрелен Архимандритом Сморагдом, который был судим, положенное наказание отбыл и проживал в Америке. Вместо Епископа Александра стал польский Епископ Дионисий, не имея своего личного я, и такие номера чинились поляками. Уничтожили за один год 370 православных церквей, на постройки которых тоже правительство давало деньги.

Появился министр Смиглан, который совершил вероломный поступок, не имея протеста со стороны Митрополита.

Польша перенесла много, много бедствий и, возможно, что сюда входит разрушение православных Божьих храмов.

Теперь я приступаю к описанию службы в Зондер Штабе в Варшаве, возглавляемого Смысловским.

При занятии Польши немцами в Варшаве существовал отдел Общевоинского Союза, возглавляемый генералом В. А. Трусовым; начальником Штаба был капитан Смысловский.

Генерал Трусов, как он мне сказал, ждал, что немецкое командование должно было войти с ним в контакт и кто-то должен был ему представиться; говорить о том,

что генерал Трусов должен был первым представиться, не могло быть и речи. Представился, обходя генерала Трусова, капитан Смысловский и, как переводчик, остался у немцев. Пока войны с большевиками не было, но шла переброска большого количества войск: пехоты, артиллерии, конной тяги и поездами танков. Шли недели за неделями в ожидании столкновения и, наконец, это столкновение началось — немцы пошли осуществлять свою цель, не осуществившуюся в 1914-1917 годах, — порабощение России и Славянских народов, (Nach Osten).

Начало войны можно назвать триумфальным шествием Германии, которая забирала тысячи пленных, не желавших сражаться за Сталина; громадное количество вооружения и занимая большие территории.

Положение наше, Белых войнов, было неопределенное, а к тому же мы, Белые, были участниками Первой Мировой войны и к немцам никакой симпатии не могли иметь, но, как говорят, «цель оправдывает средства» и поэтому нам хотелось воспользоваться немцами.

Все новости получались в Варшаве. Я жил в Тарнове и один раз, приехав в Варшаву, я встретил очень милого большого русского патриота, члена Н.Т.С. — Юргеля (впоследствии был немцами застрелен, как русский патриот), заявившего мне, что пришло наше время начинать нашу службу национальной России — указав куда и кому надо обращаться.

Придя в Зондер Штаб, я встретил многих знакомых, представился начальнику Штаба из красной армии полковнику М. М. Шаповалову, заявив, что я охотно пойду служить, если здесь вся деятельность будет сводиться на свержение коммунизма и восстановление Единой России. Полковник Шаповалов старался убедить меня, что немцы нам нужны и при их помощи мы стремимся к осуществлению наших национальных идей.

Была нарисована общая обстановка, фронт был поделен на округа, в каждом округе был офицер из Зондер-Штаба; обязанность была выяснить деятельность партизан. Пользуясь таким положением, был проект для создания своих частей, национальных. Все они, служившие в красной армии, для формирования русских частей были очень хороши.

Мой район был Киев и у меня было 167 человек, вполне надежных и я как старый офицер, сразу же всех расположил к себе, включая многие отряды партизан, перешедших к нам, прося дать им возможность поступить в Р.О.А.

Дальше мои воспоминания связаны с поездкой в Киев, с поездкой туда, где многие годы был железный занавес.

До выезда в Киев несколько дней проводилось в Зон. Штабе и в городе, где каждую минуту могли подстрелить, так что пистолеты надо было иметь наготове. За каждого подстреленного немца расстреливались десятки невинных поляков, а потом на местах расстрелов появлялись цветы.

В это время уже можно было одеть форму, я носил свою русскую. Нашлись еврейские магазины, где были знаки отличия и настоящие погоны; в общем, в одно воскресение собралось нас при церкви до 30 человек исключительно одетых в русскую форму и было полное ликование.

В Штабе появлялись различные люди и я убедился, что большой процент был из разведки советской, из-за чего было немало жертв.

Наконец, пришло время, получил я со старшим сыном «марш бефель», и вечером того же дня с главной станции Варшавы, пройдя все пункты, получив продовольствие, в отдельном купе, двинулись на восток. Благослови и спаси Господи!

Утром переехали тех времен границу оккупации поляками Волыни и приехали на узловую станцию Шепетовка.

Теперь мы на территории СССР и на территории военных действий. Станция Шепетовка — большой железнодорожный узловой пункт: много народу, много железнодорожных составов с переселяемыми куда-то немцами местными крестьянами. Положение переселяемых, подобно временам коллективизации, было ужасное: выгоняли целые деревни, грузили и везли куда-то.

До отхода моего поезда на станции Казатин было три часа, и я решил познакомиться с обстановкой. Поговорить с переселяемыми не было возможности, так как кругом были часовые, но удалось узнать, что люди третий день

сидят в вагонах без еды. Многие дети не выдерживают такого положения — умирают.

На вокзале ко мне подошел соотечественник в кубанской шапке с самодельными погонами — просвет и четыре звездочки были нарисованы химическим карандашом. Представился мне — есаул кубанской казачьей сотни Гетманов. Доложил, что в этом районе несли службу по охране железной дороги. Мадьяры чинили полный произвол, многих вешали для острастки: показал мне на болтающихся на телеграфных столбах повешенных от Шепетовки до станции Казатин. Но несмотря ни на какие репрессии, партизаны свое делали. При появлении казачьей сотни с есаулом Гетмановым восстановился порядок и началось формальное железнодорожное движение. Самыми жестокими по отношению к местному населению были финны и мадьяры.

Во время разговоров с есаулом произошло на станции какое-то сметение — оказывается, привезли несколько немцев и мадьяр, убитых ночью на соседнем полустанке. В общем, обстановка военная. Все станции представляли собой маленькие крепости, обнесенные на высоту стен земляными валами: если железная дорога шла через лес, то по одной и другой стороне лес вырубался на 200 метров; на известном расстоянии стояли наблюдательные вышки, где стояли часовые, но они мало что давали, так как одиночные партизаны свободно просачивались; другое дело, когда партизанам нужно было перейти железнодорожную линию с обозами, тогда надо было пользоваться ночью или сжечь 2-3 вышки, но в таких случаях был большой риск, так как в указанном месте перебрасывались войска (главным образом, из красноармейцев, перешедших к немцам).

Кругом было полное безлюдие, ни одной подводы, кой-где 2-3 коровы, пара овец и все. Пастухи в большинстве или старики, или подростки-мальчишки 12-14 лет, которые, главным образом, подкладывали мины под рельсы и мосты. В большинстве случаев поля были засеяны и каждый участок какой-либо культуры, как рожь и пшеница, имел 1.000-2.000 гектаров.

Деревни попадались не часто и имели плачевный вид; попадались церкви в полуразрушенном виде.

Нет той Малороссии, которую я видел и помнил до революции.

Во время моего пребывания там началась уборка хлебов, главным образом комбайнами, появилось много скирдов и началась молотьба паровыми молотилками. Вначале шло все нормально, а потом партизаны стали жечь скирды и молотилки — в результате пришлось немцам для охраны от поджогов прислать части С.С. и мадьяр, назначив особые премии: например, за уничтоженного партизана давалось 600 карбованцев и 2-недельный отпуск, чем охранщики стали злоупотреблять.

Для примера вспоминаю случай, когда ко мне в Киеве явился старый лесничий, заявив, что им были посланы 27 человек крестьян на очистку железной дороги и 23 человека были убиты мадьярами из-за того, чтобы получить деньги и отпуск. После этого случая эти привилегии были аннулированы и около сторожевых постов партизаны свободно проходили и занимались поджогами.

Полицейскую службу в большом количестве несли исключительно местные жители, среди которых было немало коммунистов, оставленных красными властями на местах.

Обыкновенно при занятии какого-нибудь населенного пункта собирались крестьяне для выбора старосты. Несколько слов всегда говорил немец, предупреждая, что нужно исполнять все требования немецкой армии — непокорных ждет смерть.

После немца обыкновенно выступал какой-нибудь коммунист, оставленный на месте, который выражал верноподданнические чувства. Немец такого сразу же назначал старостой; деревня или село делились на десятки; десятки были различными: один десяток имеет 10-12 коров, другой десяток имеет 2-3 коровы и получалось так, что десяток, имеющий 2-3 коровы, получал наряд на доставку 6-7 коров и начинались репрессии, сжигания убежищ. Крестьяне, бросая все, уходили в леса, пополняя ряды партизан — цель была достигнута.

Возвращаюсь на станцию Шепетовка. Часам к 2-м был подан поезд из различных вагонов, и мы отправились на станцию Казатин; по дороге была продолжительная

остановка, так как в первую очередь пропускались военные транспорты.

На станции Славута кругом по полям было много брошенного подбитого советского вооружения, много было подбитых аэропланов с боками, оббитыми фанерой.

В Славуте было громадное имение князя Сангушко, был замечательный замок, но в 1918 году был убит князь Сангушко и сожжен замок солдатами запасного полка, стоящего в указанном местечке. Для усмирения были посланы некоторые кавалерийские части и один батальон ударного полка Корнилова, где служил я — но это дело прошлого.

Публика в вагонах была самая разнообразная, которая старалась главным образом спекульнуть. Ехал какой-то поляк — инженер с тридцатью рабочими в Киев, надеясь там получить выгодные работы; ехал какой-то чиновник из Восточного Министерства (в прошлом в России был русским, теперь стал немцем, проклинал все русское, так что на этой почве у нас произошли ссоры и он ушел). Указанный чиновник ехал, как он сказал, определить состояние бывших имений, которые могли бы перейти сначала в аренду на многие годы, дальше — в собственность, но пока что будет он искать для себя подходящее, надеясь, что он, зная русский язык, при помощи местных крестьян восстановит хозяйство. Местами на телеграфных столбах болтались повешенные и около каждого моста находились венгры.

К вечеру приехали на станцию Казатин; в прошлые времена это был большой железнодорожный центр; теперь станция уцелела, исключая одного угла; нет великолепного буфета, все серо. На одной стене было написано объявление за подписью атамана казачьих войск с призывом записываться в формируемые казачьи части. С атаманом я познакомился и узнал, что он старый эмигрант, жил все время в Германии, участвовал в каком-то казачьем хоре и поэтому имел черкеску, кинжал и шашку. В дальнейшем у меня сложилось мнение, что почти на каждой станции были атаманы.

До Киева оставалось не так далеко, должна быть пересадка на совершенно разбитой станции Фастов, так что приходилось пользоваться построенными бараками; до

отхода поезда оставалось пять часов и мы эти часы спали в указанных бараках, где были возможные удобства и горячая пища. При раздаче горячей пищи были очереди, где стояли вместе и офицер, и рядовой; офицеры не пользовались привилегией, чтобы солдат уступал им место. Дисциплина была образцовая. Среди военных часто слышалась русская речь — это были красноармейцы, ушедшие из Советского Рая.

Поезд был переполнен военными, различными торговками и вышел с запозданием на 2-3 часа, так как на впереди стоящей станции Мотовиловке, был спущен под откос военный эшелон и нужно было очистить путь.

Наступало утро, начался рассвет, поезд шел не быстро, так как могли быть мины, но, Слава Богу, благополучно доехали до первопрестольного русского города Киева. Остановились около построенного большевиками нового здания вокзала. Здание довольно обширное, но мне не понравилось, так как впечатление было такое, что его вдавили в землю. Старое деревянное здание, еще времени Первой Мировой войны стояло цело и невредимо (при немцах был дезинфекционный пункт).

Мы с сыном решили привести себя в порядок и позавтракать здесь; расположились за столиком, а недалеко от нас расположилась группа немецких солдат, разговор их начался с того: «Николай, что есть у тебя. Я вчера был дома и у меня есть яйца, сало и отец дал полбутылки самогона». Такой разговор нас заинтересовал и мы узнали, что это солдаты 641-й дивизии, где до 80% русские и часть командного состава — тоже русские. Для нас все было ново, все было непонятно — солдаты вражеской армии служат верой и правдой в армии противников, так что над этим вопросом пришлось задуматься и определить свое отношение к моей службе — боевой элемент русских солдат был уже готов для борьбы с большевиками, нужно было оформление, что началось с большим опазданием.

Нужно упомянуть то, что указанным солдатам очень импонировала моя форма старой Русской Армии и особенно погоны.

Средств для передвижения не было никаких, разве только можно упомянуть извозчика старых времен, со

старой лошадью и пролеткой с сиденьем для одного человека с колесами на железных шинах; так что нам пришлось идти пешком. Путь к Владимирскому Собору (ныне существующий) шел через красивые парки, которые были в порядке, было множество цветов и сказочный аромат.

От Собора (был в то время антирелигиозный музей, но уже шли приготовления для совершения там богослужений), было уже недалеко до нашего пункта назначения; около пункта назначения стоял когда-то Михайловский Монастырь, от которого ничего не осталось. И вообще, для власти нерусской, власти атеистической ничего святого не существовало (а все это надо было беречь). Все то, что было дорого русскому человеку — разрушалось.

Первые два дня прошли в знакомстве с обстановкой, знакомством с людьми, которые были из Красной Армии. Мой предшественник бывший полковник генерального штаба Красной Армии ушел обратно к красным, так что положение было и сложное, и очень опасное, но Господь хранил.

Помещение для Штаба было около Золотых ворот. Впоследствии я получил квартиру в доме докторов, на улице Румяно-Кудрявской неплохую, на 3-ем этаже, четыре комнаты, кухня и ванна и др. удобства; весь недостаток был тот, что по водосточной трубе пробирались крысы.

С обстановкой разобрался, разобрался и в людях, среди которых было много честных и верных сынов России, которые сразу же начали устанавливать связь с партизанами.

Дальше я упомяну мою первую встречу Белого с Красным.

Хотелось посмотреть на город, посмотреть те места, где учился: здесь я был по Высочайшему повелению произведен в офицеры. Здесь был цвет молодости. Теперь все выглядит серо, грязно, кругом полное безлюдие. Знаменитый Крещатик, Государственная Дума, знаменитые бани, зимнее помещение цирка и кино Шанцера — все было взорвано красными, в том числе и знаменитая Киево-Печерская Лавра; уцелела колокольня с одним колоколом,

куда лазили звонить немцы. Памятник — надгробная плита Столыпину, уцелел.

Недалеко от (памятника) Лавры мое Константиновское военное Училище, куда мне опять пришлось попасть уже будучи в Корниловском ударном полку, с нами была дивизия чешская Ян Гуса.

В Киев указанные части были вызваны при восстании Пятакова. Корниловский полк прибыл на станцию Киев ночью, все площади станционные были заняты дезертирами, валявшимися вповалку, но при появлении корниловцев они вскочили и как-то приняли сносный вид.

Начался рассвет, и полк выступил в город, имея впереди казачью сотню. Проходя Крещатиком, со всех сторон нас обстреливали, а около Думы , я думаю, было выпущено несколько очередей из «Максима». Удручающее впечатление производили повешенные на электрических столбах и болтающиеся десятки юнкеров Константиновского Училища и 1-й Школы Прапорщиков.

Вся масса большевиков надеялась на то, что даже и неся потери от нас, они нас сдавят, но вышло иначе, и они дрогнули, побежали и мы получили распоряжение остановиться в Константиновском Военном Училище.

Появилась надежда на удобное расположение, но получилось иначе, так как генерал, командующий Киевским военным округом, не разрешил сделать артиллерией пробоины в стенах арсенала, куда могли бы войти чехи и была бы ликвидация Пятаковского восстания.

Большевики стали собираться и подбираться к Военному Училищу. Посланный казачий разъезд был красными сдавлен и уничтожен. Во втором разъезде в 48 конников был я, но, зная тактику красных, мы уже сами, применяя оружие, окружая их, сделали проход к Лавре. В это время подошли 17-я и 27-я Донские казачьи полки, которые поместились на открытой местности, неся потери, они должны были уйти и мы остались в Училище одни — неся охрану самих себя.

Настал вечер и было непонятно, почему обстреливались те помещения, где помещался Штаб полка. (Командовал полком в те времена М. Г. Неженцев, убитый на Кубани). Оказывается, что двое красных из прислуги Училища сигнализировали, находясь на крыше. В дальнейшем

все выяснилось и сигнальщики были сброшены.

Положение наше было почти безвыходное — мы должны были пробиваться через вооруженные массы красных. Но неожиданно обстановка изменилась.

Перед вечером выяснилось, что исчез куда-то капитан Храмов. Пошли различные толки: одни говорили, что он перебежал к красным, другие уверяли, что среди корниловцев не могут быть изменники, и, наконец, сверх всяких ожиданий явился капитан Храмов и с ним было до 30 петлюровцев, которые должны были принять Училище.

И пошел грабеж. Особенно интересовали петлюровцев кивера, а более толковые были заинтересованы серебром — ножи, вилки, ложки. Можно было видеть, как чех (в Корниловском полку в это время нечетные роты состояли из чехов), желая отобрать что-либо у петлюровца, садился на его плечи и каской лупил его по голове. Часам к трем грабеж кончился и дорогое старое, давшее много выдающихся полководцев Училище перестало существовать. Теперь по-прежнему стоит здание со своими сводами и там есть какое то училище им. Каменева, где комсостав красной артиллерии проходит повторительный курс.

Перед рассветом, в полумраке, без песен, без оркестра, что было при приходе сюда, как преступники, молча пошли в другую часть города, в Николаевское Пехотное Училище, там же было и вновь открытое Николаевское Артиллерийское Училище, с командиром Филоненко, которые решили соблюдать нейтралитет. Уходя из Константиновского Училища, мы забрали с собой доблестных, уцелевших от красного произвола, юнкеров.

В Николаевском Пехотном Училище простояли несколько дней, ходили в город, но это было рискованно, так как из-за каждой подворотни можно быть подстреленным; наконец, погрузились в вагоны и поезд ушел на станцию Печановку, оттуда — на Дон. При погрузке пробовали нам чинить препятствия петлюровская банда, не желая пропускать к атаману Каледину.

Это воспоминание у меня воскресло при посещении Лавры, где я побывал два раза: один раз с сыном, другой раз с казаком, терцем Примаком, который мне все объяснял со слов своего деда, который бывал здесь раньше.

Посетили здесь пещеры; при красных здесь было проведено электричество, но мы пользовались свечами.

Среди пещер были маленькие церковки, попадались старики-монахи, и в одной церковке была служба, которая при моем появлении прекратилась и старики стали мне приносить земные поклоны, лобызать руки, как русскому офицеру, что определили по форме и орденам. Все это на меня произвело потрясающе впечатление, мы стали христосоваться, обливаясь слезами, благодарить Господа за такую встречу. Потом был отслужен молебен о спасении России и о даровании победы Белому воинству. Эта маленькая церковь, служба при семи старцах-монахах остались у меня в памяти на всю жизнь.

При мне было освящение и открытие Собора Св. Владимира по красоте и величию, стоящему в числе первых; пел хор в 200 человек, но это не дало того, что дали маленькие церквушки.

Говоря о церквях, хочу сказать, что пришлось увидать из единиц храмов уцелевших: Владимирский Собор, Собор Св. Софии — Софийский, переживший много-много за свои несколько столетий. Службы там не совершались, так как немцы его не дали ни украинцам, ни русским. В последнее время, в 20-х годах, поляки, потерявши рассудок, решили сделать налет на Киев и взорвать Собор. Взрыв-был неудачный и получилась одна трещина.

Красовался Андреевский Собор, находящийся в ведении украинцев. Посещало службы до 12 человек. Были и другие церкви, создавались хоры. Церкви были полны. Женщины в разных платочках на головах. Киев был полон исторических памятников. Возьмем Владимирскую Горку с ее Крестом, который в старину был освещен и виден на 30 километров. Любовались этим Крестом юнкера, совершавшие туристические поездки в Межгорье. Крест стоит и теперь, но он стал почти невидимым без освещения.

Стояло здание чудом уцелевшей библиотеки, так как сторож увидал, когда красные закладывали взрывчатые вещества, и сообщил немцам — взрыв не состоялся.

Стояло красное здание Владимирского Университета, стоял памятник Шевченко, и здесь у меня произошла случайная встреча с очень, очень красивой Олей Вишнев-

ской; в мое время ее знал весь город, и на балах всегда была королевой — теперь я встретил старуху не по возрасту, а из-за пережитого. Идя друг другу навстречу, мы остановились. Одета она была в оборванное платьице, на ногах были какие-то рваные туфли, глаза ее казались какими-то ненормальными, но в них было достаточно милого и только благодаря глазам «черным» я ее почти узнал. А когда она спросила меня, что не был ли я юнкером, и мы как родные расцеловались, вспоминая прошлое. Ко мне судьба не была такой жестокой, как к ней. В 17-м году она вышла замуж за приятеля своего брата, ротмистра Ахтырского полка, муж был ранен, лежал в одном из госпиталей Киева, и когда петлюровцы уничтожили 2.000 офицеров Императорской Русской Армии, тогда был и зверски замучен ротмистр, оказавший сопротивление. Труп ротмистра благодаря различным хлопотам она достала, и он был похоронен на кладбище, и Оленька всю жизнь, около 30 лет, провела у могилы мужа.

У меня была возможность помочь ей, что я и сделал. Пришлось ей попрощаться с Киевом и с могилкой — уехать в Германию. Думаю, что если она здравствует, то доживает жизнь свою в Америке. В одной из наших газет я читал о розыске меня киевлянкой О. Вишн., где она писала, что вышла замуж, имеет двоих детей — на этом знакомство кончилось.

Были случаи, когда идешь по улице и вдруг тебя кто-то задерживает — это какой-либо старик решил поклониться старому офицеру, погонам и медалям Императорской Армии. Таких случаев было много — русская форма импонировала — немецкая отталкивала.

Сын мой уехал в Варшаву, а я со своим ординарцем — терским казаком, вахмистром Примаковым были в одной церкви на Подоле. После службы решили посмотреть житье-бытье киевлян. В 17-ом году со всех сторон начали бы нас обстреливать, а тут, милые, приветствуют. Около одного дома нас заинтересовал шум, пение, оказывается справляется свадьба по старинке, со священником, и как все были рады, что русский офицер-казак посетил это торжество. Видя все такие картинки, хотелось начинать творить чисто русское дело, пользуясь немцами.

Времена меняются, но русское гостеприимство не

изменилось и народ остался добрым, хорошим народом.

Идя с Подола, я долго простоял, любуясь Днепром, вдали был виден мост железнодорожный, были видны и другие мосты: Цепной мост на Черниговской дороге. Здесь мы ходили на стрельбище, подавалась команда идти не в ногу. Возвращаясь обратно, мы подходили к ступенькам (430), которые шли к Лавре и, считая, что артиллерия разрушила гору, шли в атаку, и благодаря молодости все это делалось с невероятной быстротой. Железнодорожный мост был на М.К.В. железной дороге — дорога, которая вела к моему дому в Льгове, Курской губернии, где были родители. Когда-то с фронта приходилось ехать на восток — домой. Теперь нет дома — надо ехать на запад; через мост шел поезд, и это обстоятельство создало ужасную грусть из-за того, что все родные, все знакомые дороги стали чужими.

И так сегодняшний день прошел в посещении церквей, парков, дворца старой императрицы и купеческого сада, где было все по-старому — здесь было все для немцев: играл симфонический оркестр, хороший был буфет. Появление мое в русской форме немцев удивляло. Часть немцев заинтересовались мной, оказав гостеприимство. Часть, особенно СС., смотрели косо.

На следующий день вернулся мой сын и стало как-то легче на душе.

Жизнь в Штабе нормировалась, вошла в свою колею, и налаживалась связь с партизанами, которые знали о Белом офицере.

Первый случай с начальником одного из отрядов партизан был следующий.

Идя утром в Штаб, я встретил сотника Коваленко, Кубанского казака, с человеком, мне незнакомым. Сотник представил его мне как майора Красной Армии, сброшенного с аэроплана для руководства отрядом в 200 партизан в районе Мотовиловка—Фастов. Первое их действие заключалось спуском поезда под откос.

Встреча наша была очень неприветливая, но поздоровались мы с рукопожатием и пошли в помещение, в мой кабинет.

Коваленко я удалил и остались мы вдвоем. Мое предложение было такое: Я — белый офицер, с оружием в

руках боролся с большевиками, России я не изменял и, служа в Зондер-Штабе, продолжаю служить России.

Майор может быть покоен, что он не будет задержан — это мое слово офицера. Майор смотрел с недоверием, затем достал револьвер и положил на стол. На это я ему сказал, что разве мы встретились для того, чтобы убивать друг друга, предупредив, что если он пристрелит меня, то живым он не останется. Мои суждения, видимо, подействовали и последовало предложение револьвер положить в ящик стола. Он сказал, что я его обезоружил — он мне доверяет. После был принесен завтрак, майора накормили, снабдили сигаретами, консервами, вернули револьвер. Условились встречаться в будущем как друзья-россияне.

Так оно и было, были встречи. 200 человек партизан перешло к нам, изъявив желание поступить в Р.О.А.; часть вернулась домой на территорию, занятую немцами, часть ушла на работы в Германию. Майора я еще встретил в Мюнхене, он уехал в Америку.

Партизаны были на каждом шагу. Разведка Красной Армии работала вовсю. Между прочим, у партизан был отряд под названием «Минин и Пожарский», по реке Тетерев были отряды: Бандеровцы, Мельниковцы, Ковальковцы, Мазеповцы — все они дрались между собой.

При первой моей поездке в Киев партизан не было так много, как теперь. Все они теперь стали принимать военную форму, так что при занятии красными какого-нибудь пункта двумя-тремя танками, появлялась пехота на месте — из партизан.

Поездки стали особенно опасными, кругом валялись спущенные эшелоны, ремонтировать взорванные пути было не так просто, так как рабочие обстреливались.

Я помню где были взорваны два идущие друг другу навстречу поезда со взрывчатым материалом. Это было что-то особенное: воронка, длиной в 70 метров, шириной 30 метров, и глубиной в 6 метров. Все движение остановилось. Собрали поезда со всех мест, собрали крестьян, которые при первом обстреле партизан разбегались, пришлось выставить охрану из присланного батальона СС.

Взрыв был ночью, а когда стало светло, то пошла работа.

Около станции в двух километрах было имение Терещенко, и я решил пойти посмотреть. Пошел, встретил идущего навстречу старика, который около меня остановился, окинул любопытным взглядом, заявив, что его интересует то, что я выгляжу как старый офицер бывшей Императорской Армии и еще, судя по лампасам, — казак; погоны штаб-офицерские и знаки отличия, а почему я с немцами? Сам он бывший вахмистр Ахтырского Гусарского полка, имеет полный бант Георгиевских Крестов и если бы не было революции, он был бы прапорщиком; теперь он заведующий имением.

На интересующие вопросы я ему ответил и, видимо, его удовлетворил. Обращаться стал «Высокоблагородие».

Постояли, поговорили, дал ему пачку сигарет и он меня предупредил, чтобы я дальше не ходил, так как меня могут подстрелить.

Много было различных и опасных эпизодов, но все как-то прошло.

Под Царицыным, под Курском и Брянском немцы были разбиты русским солдатом и русскими полководцами.

В Киеве стало более тревожно, местная полиция стала уходить к красным; стоящие в городе венгры стали уезжать, забирая с собой награбленное; стали уезжать немцы — не мечтая об Украине.

21 сентября было освящение храма Св. Владимира. Было все сказочно красиво и величественно; хор в составе 200 человек из местных артистов пел отлично.

При покупке свечей какая-то монахиня мне сказала (пророческое предсказание), что красные обойдут Киев с южной стороны и пробудут здесь несколько десятилетий, но потом Киев будет прежним Киевом.

Присутствующие в храме главным образом уделяли внимание моей форме (русской), прося дать возможность поступить в Р.О.А.

Но все было поздно.

С востока шли поезда со станционным имуществом, которое немцы и мадьяры все забрали. Идет поезд в 50-60

вагонов, на 2-3х платформах свиньи и овцы и два, три десятка венгров.

Через некоторое время начались пожары; днем и ночью дым заволакивал небо. Картина была очень печальная. Надо было оставлять милый Киев. На станции было несколько составов, царил полный порядок. Уезжало много, были слезы, проводы.

Я занял с сыном указанное купе. На перроне ходит женщина с собакой-волком, просит взять собаку, которую оставили немцы. Взяли.

Через три часа стали двигаться наши составы; и так до Фастова мы добрались часов через 6, вместо 2-3-х часов. Партизаны не трогали.

Наконец, переехали Польскую границу, на Волыни, где стояли неубранные хлеба из-за партизанщины. Вот и Львов и, наконец, Тарнов, где жила семья.

Пребывание несколько недель в Киеве опять пробудило грусть по Родине.

Опять неизвестность будущего.

Возвращаюсь в Варшаву в Штаб, где меня встретил начальник Штаба (был упомянут раньше) полковник Шаповалов и сразу же потребовал, чтобы я получил проездные бумаги и отвез бы его жену с сыном в Киев — так, чтобы они не вернулись. На такую операцию я не пошел — не дело офицеру заниматься разводами. Никакие его доводы, ни обещания уплатить мне большую сумму, наградить меня наградами — на меня не подействовали. Продолжалась эта история 4-5 дней, наконец, мне было сказано, что я пожалею. Выяснять положение было не с кем. Смысловский был далеко.

Продолжительное время я посещал Штаб, была возможность видеть весь произвол.

Раньше, когда фронт был далеко от Киева, посылаемым туда чинам Зон. Штаба указывалось, что надо явиться к какой-то Марии Ивановне, которая в действительности была агентом разведки большевистской; была она очень мила, красива, приветлива и каждого располагала к себе, особенно молодежь. В результате немало погибло молодежи. Из-за нее каждый национально мыслящий человек попадал в тюрьму и уничтожался. Было много подано рапортов, но все было тщетно. Смысловский был

не у дел, так как был занят чем-то другим.

Мария Ивановна все же своего дождалась и была расстреляна.

При всех случаях в первую очередь погибали не большевики, а антибольшевики.

Среди чинов Зондер Штаба была группа, человек пять вольняков, среди них был, как выразился Смысловский, «голубой жандарм» Домбровский, который чинил расправы по собственному усмотрению, впоследствии был убит.

Положение мое было не выяснено. Меня все обходили. Наступала осень с дождями и холодом, и у меня не было шинели — в выдаче ее мне отказывали.

Наконец в Зондер Штаб явился судеец майор. Пригласили меня в канцелярию, предложили отдать пистолет и под конвоем ротмистра Истомина я был увезен в военную тюрьму — без обвинения.

У меня были предположения, что меня обвиняют за связь с партизанами, но у меня было письмо, что я был «глазами» Штаба Армии.

В общем, это работа Шаповалова.

В камере, довольно большой и чистой, помещался я один. Дня через два вселили одного немца, военного чиновника, который застрелил немца-лейтенанта из-за польки, так что он был уверен, что будет расстрелян.

Дезертиров, приговоренных к расстрелу, человек 60, можно было видеть из окна и слышать их по деревянным сандалиям. На расстрел брали 7-10 человек в день.

Настроение было тяжелое так как все могло быть — и за что? Жаль было жену с двумя сыновьями. Вся надежда была на Господа. И вот перед вечером, сидя у окна, я увидел идущую ко входу тюрьмы мою жену. Сначала я не верил, думал, что все это бред, но открылась дверь и конвоир оставил ее со мной.

После моего ареста она два дня разыскивала меня. Зондер Штаб и Смысловский не захотели говорить с женой Белого офицера и она только узнала о моем существовании в оберфельд-комендатуре, где ее мило приняли. Позвонили в те места, где я мог быть. Узнали где я нахожусь; дали проводника, заявив, что я буду завтра выпущен. И, действительно, утром принесли бритву, что-

бы я привел себя в военный вид и с одним шофером доставили меня на суд.

Сюда явились пять человек из Зондер Штаба, как Иуды подлые. Начался суд: судья, прокурор и защитник. Началось с опроса: откуда, когда рожден и т. д. У немцев интересовались, бы ли кто в роду из евреев. После этого вопроса я спросил: «За что меня судят?». Этот вопрос всех привел в недоумение.

Судья спросил прокурора выяснения с обвинением. Прокурор заявил, что он не имеет обвинений, а обвиняют меня за то, что мне О.Ф.К. было выдано 40 бутылок водки. Водку получал не я, а из Штаба заведующий хозяйством и водка шла для встреч с партизанами.

Предложено было подождать постановления суда 10 минут и через 7 минут меня поздравили с освобождением и сожалением, что я был без вины виновен.

Иудам из Зондер Штаба пришлось мне вернуть револьвер. Я отправился на Подол в церковь, отслужил благодарственный молебен. Потом отправился в Комендатуру, где был принят генералом Кляустом, по его распоряжению получил шинель и ордер на номер в отеле.

Из Зондер Штаба я ушел, да и Зондер Штаб недолго просуществовал.

Говорят: «нет худа без добра». Так и в данном случае: если бы не Зондер Штаб, то я не видел бы того, что мною описано.

В это время шли казачьи формирования, где я мог бы получить должность помощника командира (немца) 3-го Полка. Но эти формирования являлись военной частью Немецкой Армии.

Началась служба в Р.О.А., о чем я упоминал раньше.

Казачьи формирования

После суда, о котором я упоминал раньше, остался я в Варшаве. Варшава была центром, сюда стекалось все антикоммунистическое, националисты поляки и другие, главным образом ненавистники национальной России; на этой почве происходили ликвидации нежелательных лиц. Поэтому, как говорят, надо было быть начеку. Из казачества был полк Духопельников, полковник Белый; как связь с немецкими властями была Татьяна Филипповна (Балабина), дочь генерала-лейтенанта казачьего полка, брата генерала Балабина, при котором прошла моя служба тех времен, о чем будет сказано дальше. Назначение на службу в немецкой армии я получил через обер-фельдкоманд. комендантом. Комендант был большой русофил — генерал Клейст (брат командира танковым корпусом). Генерал Клейст почему-то решил, что я должен ему представиться (точно не знаю, почему) и все произошло по сообщению г. Балабиной, с которой мы явились в комендатуру и сразу же были приняты генералом, который при нашем появлении встал.

Я ему отрапортовал и, он заявил: «пожалуйста, садитесь», имея в виду продолжительный разговор.

Разговор начался с того, что он имел возможность встречаться с нашим Императором и Великим Князем Николай Николаевичем на охотах в Беловежской Пуще. Много было рассказано эпизодов из охоты и очень, очень было много пропето хвалебных гимнов нашему Императору, нашей армии и казакам, которые стояли в Беловеже. Были расспросы о прошлой войне, были разговоры о революции, где главную роль играло еврейство и Бог знает чем все закончится. Фундамент монархии лопнул. Генерал стал нервничать, сигара задымила больше. Принесли черный кофе. Получили мы кой-какие указания; на про-

щание генерал спросил меня, можно ли смотреть на меня, как на соучастника в общей борьбе с большевиками. Он был в курсе всех формирований, но своих указаний не давал, а указывал от кого что зависит. Попрощался раньше с госпожой Балабиной, потом со мной, как знак вежливости — раньше дама.

Что касается казачьих формирований, то они происходили в нескольких местах: казачья дивизия генерала Паннвица в Млаве, на колесах к польской границе двигался казачий табор. В казармах Елизаветградского Училища лежало 1.500 казаков, полуодетых, без обуви, и вот из этих 1.500 человек было решено сформировать шесть полицейских батальонов; 1-й батальон — Варшава, 2-й Краков, 3-й Люблин, 4-й Львов, 5-й Катовицы. Обязанность батальонов — охрана железной дороги и фабрик, не имея никакого отношения к гет. — там хватало балтийцев и украинцев-галичан.

Я лично мог получить любой батальон, но я отказался от полицейской службы, а к тому же решился вопрос о нас и казаках, пребывающих в Варшаве. Потом нас — меня, полковника Духопельникова и Белого перевели в Краков. Там пришлось прожить с полковником Белым четыре недели в отеле, имея полное содержание военного положения. Потом я получил назначение как Комендант сборного пункта казаков, которые в дальнейшем по 200-300 человек отправлялись во Францию.

Служба в Тарнове меня устраивала, так как там была моя семья. Жизнь в Тарнове была благодатная; там не было того, что приходилось видеть в Варшаве — постоянные расстрелы поляков, когда собирали их как заложников по 20-30 человек и за каждое нападение на немца этих заложников расстреливали — оставались трупы всех возрастов, и эти трупы через пару часов покрывались цветами.

Я помню случай, когда (на старом месте) шла дама в каракулевом пальто, светлая фетровая шляпка и между нею и мной появился мужчина, прилично одетый; увидев мою русскую форму, выругался и, подойдя к даме, в затылок выстрелил. Она упала смертельно раненная им, потекла кровь, образуя лужу. Он быстро исчез и никто не обратил внимания. Такие картины были обычным

явлением. Вечером опасно было ехать, так как трамваи часто обстреливали. Офицер должен был револьвер носить с открытой кобурой.

На Ясной улице очень хороший отель. Одно время нас, несколько казаков, жили там. На ночь приходил казачий караул для дежурства; и что же? В первую ночь из окон напротив стоящего дома стали обстреливать окна, где зажигалось электричество и появлялся кто-либо в офицерской форме. За эту ночь было через окна ранено три человека. После всего сказанного Тарнов был благодатным уголком.

Со стороны поляков отношение ко мне не было плохим, так как в первую очередь, заведуя одно время домами, хозяева которых бежали, я устроил всех жен офицеров польской армии, очутившихся в немецком плену. Вместо того, чтобы брать квартирную плату, я подписывал фиктивные квитанции. В конечную победу немцев после Царицына я не верил и бояться за разоблачение в поддержке жен офицеров не приходилось. Через некоторое время был освобожден соседний с нашим домом большой дом, в котором был оборудован госпиталь для русских воинов, служивших в немецкой армии. Штат весь был из бывших служащих в советской армии. Первая встреча с медицинским персоналом и комендантом ст. ген. Хилинским была очень холодная. Но потом мы както сроднились и они были постоянными гостями у нас, находя радушный приют и душевный покой. Хилинский неплохо играл на пианино, любимой вещью его было «Письмо к матери» Есенина. Происходил он из семьи доктора, так что был отесан; противоположностью был доктор, почти не умеющий писать, таких было три доктора. Был еще хирург, доктор Федюшкин, которого приглашали делать операции немцам. Как выздоравливающий находился здесь пожилой доктор Перепечкин из Киева, взятый немцами на 2-3 недели, но сложилось иначе — по дороге в Житомир партизаны бросили бомбу, доктор Перепечкин был тяжело ранен и понадобилось много времени, чтобы к нему вернулся рассудок. Он стал очень болезненно переживать судьбу семьи; ему нужен был покой. И благодаря покою найденному у нас, он пришел в себя и полюбил снова жизнь.

В дальнейшем госпиталь был отправлен во Францию обслуживать русские батальоны. О дальнейшей судьбе ничего не пришлось слышать. Из событий Тарновских можно вспомнить появление батальона ГОД — это рабочий батальон при армии, состоящий исключительно из русских и казаков. Появились они в Тарнове в строю с лихими старо-русскими песнями, так что почти весь город проснулся от общей спячки. Другой раз появился батальон с русским национальным флагом Бело-Сине-Красным; батальон выглядел как какая-либо часть старой гвардии и с песней Бородино. Батальон имел стоянку только до утра. Вечер прошел в братании своих, русаков. Батальон отправился в Смоленскую губернию, где ему представлен был уезд для управления (ком. бат. кап. Родионов); в будущем батальон показал свою способность. Там был образцовый порядок; там не было произвола, там давали полагаемое немцам и немцы туда не являлись. Кончилось это уже при наступлении Красной армии, после освобождения Царицына тем, что кто-то из батальона ночью привел партизан и, за малым исключением, батальон был уничтожен.

В этом духе был отряд Каминского, имеющий в своем ведении большой район. Отступив в Польшу, Каминский был ликвидирован Гестапо, а несколько сот воинских чинов были взяты во Власовскую армию Р.О.А.

Надо еще добавить о формировании украинской дивизии в Галиции, но деятельность их нигде не сказалась.

Из Тарнова мне приходилось ездить в Галицию, станциям Станиславка, Тернополь и др. (В 14-м году я был участником их взятия Императорской русской армией). Теперь кругом горели села, в большей степени нежели на войне. Украинцы жгли польские села, поляки — украинские; жители убегали к железнодорожным станциям; в общем, Содом и Гомора.

В окрестностях Тарнова были лагеря для военнопленных и в течение года в одном лагере было с осени 27.000, к весне осталось около 4.000, так что и Катынь, и Бабий Яр — все бледнеет перед гибелью и уничтожением русского народа. Пишут о всех, осуждают, но о русском воине молчат.

Много было всяких подлостей по отношению ко мне

со стороны проходящих через пункт, но об этом не хочу упоминать.

Кончился Тарнов тем, что в одно время у меня разболелась нога (ранение 1915 г.), какая-то косточка во что-то стала упирать, и я получил от комендатуры предложение поехать на операцию в курортное место м. Буцк — благо, было свободное место. В назначенный срок я прибыл в Буцк — красивая местность, все в идеальном порядке и безукоризненная чистота. Представился старшему врачу. Госпиталь обслуживал только немцев. Я, как офицер старой русской армии, был исключением. Получил отдельную комнату. Сразу же появилась сестра-полька; поинтересовалась, не голодный ли я. Принесла обед, постаралась узнать кто я, довольна была тем, что я говорю по-польски, и сообщила, что здесь кругом партизаны; время от времени обстреливается госпиталь. Приятного мало. Не успел я достать умывальные принадлежности, как кто-то постучал в дверь и на мое «да» появился капитан, представился — разговор начался на русском языке. Он из Риги, бывший офицер старой Русской Армии; пришел познакомиться с соседом и предупредить, что этой ночью, как сообщил какой-то прибежавший от партизан, будет налет на госпиталь и будут уничтожены все немцы. Поэтому надо вещи иметь собранными, все мы получаем винтовки и два пулемета, к окнам будут положены мешки с песком. Ночью мы получим все бумаги, а утром под прикрытием танкеток будем вывезены в г. Сельцы.

Партизаны, вероятно, узнали, что мы готовы оказать отпор; недалеко бросили две гранаты и пропустили одну очередь из пулемета. На другой день под прикрытием танкеток, нас доставили в Сельцы. В Сельцах нас, прибывших из Буцка, встретила жандармерия, найдя меня, передала документы, предупредив, что моя жена в Тарнове также получает документы и мы переезжаем в Сосновицы-Карловицы.

Упоминая Тарнов, я забыл сказать о том, что свойственно русским: не успели мы как следует осесть, сразу же была оборудована церковь русская православная, с очень стильным иконостасом и двумя киотами. Все это было сделано мною, и мы имели возможность иметь свои богослужения; священники приезжали из Варшавы, Кра-

кова. И потом появился священник из Советского Союза — Дроздов, который стал постоянным пастором.

Жену я застал еще в Тарнове, ликвидировали квартиру, самая сложная история была с собакой, которой, как видно, не хотелось расставаться с нами; правду сказать, и нам было очень жаль оставлять пса. Осталось там и седло, так как все имущество поместилось в три чемодана.

Как бы ни было, а в Тарнове мы прожили пару лет. Теперь все ушло в прошлое. Мы перекочевали в Сосновицы-Карловицы. Военные власти предоставили два великолепных номера при дворце, где раньше останавливались Императоры — теперь дворец служит как отель для офицеров Германской армии. Была здесь и очень красивая церковь, в прошлое время обслуживавшая пограничную стражу.

После нескольких дней пребывания надо было думать о дальнейшем движении вперед, т. е. на запад. За это время я списался со своим начальством, генералом Балабиным; получили от немецких властей марш-бефель, т. е. проездные документы, и переехали в Прагу, где я представился ген. Балабину.

Я хочу сказать несколько слов о моем первом посещении Праги по служебным делам. Когда мы с генералом пришли в церковь, я был в форме Русского офицера, при шашке, со старыми офицерскими погонами, с анненским темляком на шашке и др. орденами. Такой вид произвел потрясающее впечатление на богомольцев. Владыка, прервав службу, заявил, что он не верит своим глазам в то, что среди молящихся мы видим русского воина. Публика обступила меня, задавая порой нелепые вопросы, и только когда начался благодарственный молебен Господу о ниспослании Русского офицера — все стало на свои места и мы с генералом постарались раньше выйти.

Теперешнее прибытие уже не было таким, так как мы все были более или менее знакомы. В Праге надо было зарегистрироваться и после регистрации я получил назначение в Ульм, где работали русские в гаражах, заменяли машины на газогенераторы, то есть на горючее вместо бензина дерево. Рабочий штат в моем ведении был до 150 человек. Отдельно были еще гаражи, где работали фран-

цузы и англичане; их условия в смысле питания были гораздо лучшими, чем условия русских. Немцы высказывали одобрение по адресу русских, так как у русских была особая сноровка, особая способность. Так, например, за полгода русские научились все делать, француз с чего начал, того и держался.

Вопрос с квартирой обстоял неважно, и я получил небольшую комнату на втором этаже, потом комнату перегородили занавеской и вселили еще одну семью. В общем, служба была не плохая, неприятно было то, что были постоянные налеты. Как бы ни было, была возможность съездить в Гродно, посмотреть свою квартиру. Из вещей ничего не осталось взять, город местами был разбит; неприятное впечатление произвел вокзал, где на платформе лежали штабеля — я думал, что дрова, а оказалось, что сотни советских пленных, которых везли в открытых вагонах и они замерзали.

Навестил я в Волковыске родителей жены и вернулся с сыном благополучно в Ульм. В это время был объявлен Манифест Р.О.А. и мне нужно было ехать в Штаб Р.О.А. в Далисдорф, предместье Берлина. Впечатление от того, что приходилось видеть, было ужасное: развалины, развалины. Поезд при налетах несколько раз останавливался — многие пассажиры разбегались. Как бы ни было, добрался к желанной цели. Приехал около 12-ти часов. Зашел в ресторан, где встретил нескольких офицеров, поступивших в Р.О.А. и ехавших в Штаб для прохождения аттестационной комиссии. У меня как штаб-офицера была военная задача на рельефе местности, которая продолжалась более двух с половиной часов. Офицеры, которые шли со мной из ресторана в штаб, произвели аховое впечатление, начиная с одного поручика со значками Чугуевского военного училища дореволюционного выпуска в офицеры, который стал рассказывать о своей службе у Дзержинского и какие способы применялись пыток и как можно перочинным ножиком лишить жизни человека без всякого шума. Таких типов было немало, и очень все выглядело малокультурным и хамоватым.

В Штабе встретил немало старых знакомых. Все потянулись в Р.О.А., все несли все, что имели, в кассу армии. Теперь я многое забыл, но помню, что когда представил-

ся начальнику Штаба РОА генералу Трухину, то услышал от него: «Что делать со старой эмиграцией, она отстала от новой тактики». В это время адъютант доложил, что пришел отряд «Варяг», который состоит из белых и был продолжительное время в боях с сербскими партизанами — пришлось генералу согласиться, что офицерский состав белых стоит выше советских офицеров. Меня поразило то, что сюда шли все, независимо от политических взглядов, пришли сюда атаманы, пришло сюда духовенство с Митрополитом, пришел сюда О.В.С. с генеральскими лампасами.

Вечером я с сыном вернулись в отель, поужинали и во время передачи новостей было сказано, что Ульм подвергся ужасной бомбардировке — это сообщение на нас ужасно подействовало, так как там жена с младшим сыном. Отбросив все дела, отправились на вокзал и, на наше счастье, был уже подан поезд, идущий в Ульм. На перроне шли разговоры о том, что фельдмаршал Гудериан наступает. Наконец поезд пошел; мы с сыном сидели как заколдованные. Наконец — Ульм. До станции поезд не дошел, так как все было разбито: вокзал, депо, паровозы и вагоны валялись во всех направлениях; разбиты были отели при вокзале. Выскочив из поезда, мы шли ни слова не говоря друг другу, побежали к нашему дому и, Слава Господу, среди пожаров и развалин, воронок глубиной до трех метров, наш дом стоял цел и невредим. Встретил нас один из моих механиков и сказал, что жена с сыном пошли к поезду, надеясь, что мы вернемся из Берлина. Бомбардировка была совершена двумя тысячами аэропланами и было что-то ужасное и неожиданное. Немцы отличались своей выдержкой. Трупы лежали сотнями, пожарные команды работали вовсю. Недалеко от станции на пути стоял бронированный поезд с зенитками, которые принимали участие в защите города. Но что можно было сделать? Между прочим, обслуга зениток была вся из бывших красноармейцев.

Через несколько часов появились кухни и покормили всех голодных. Мы через полицию получили мар-бироели в Прагу, куда благополучно прибыли. Это, кажется, было перед Рождеством; получили в хорошей гостинице номер с ванной и действительно пришли в себя, Слава Богу.

Я упоминал о своем посещении Штаба РОА; причина была та, что мое желание было служить в русской армии и в казачьих организациях при РОА. Поэтому когда мне было предложено немецким командованием стать командиром создаваемого большого казачьего лагеря в Австрии, я от этого ушел.

Ко дню нашего прибытия в Прагу генерал Балабин был назначен представителем Р.О.А. в Чехословакии с местом пребывания в Праге. Мне было предложено занять при Штабе должность штаб-офицера особых поручений. Начальником Штаба был принят офицер генерального Штаба полковник Тилли. В мою обязанность входило дать возможность всем желающим выехать из Праги на Запад и собирать всех русских воинов, находящихся в немецких частях; также и казаков, исключая тех, кто находился в дивизии ген. Паннвица. Русский Корпус был самостоятельной единицей, так как он состоял из чинов Добровольческой и Казачьей Армии. В среднем прибывало из немецкой армии русских до 300-600 человек в сутки, которые шли как пополнение в Р.О.А. Основное формирование — 1-я Дивизия Р.О.А — была в Менцингде и дальше Дивизия исполнила одну боевую задачу, т. е. заняла одно укрепление Красной Армии и получила возможность свернуть на юг; по дороге с боем заняла Прагу. Об этом нигде не говорится, а в действительности Армия Конева получила готовое, то есть занятие Праги.

В один из приездов генерала Власова мне было присвоено звание полковника.

В дальнейшем подло, мерзко, свойственно только демократам, были выданы Штаб и части Р.О.А большевикам. Пришло время и надо было оставлять Прагу. При мне была группа около 30 человек и мы отправились поездом, но далеко не пришлось уехать, так как были разбиты железнодорожные пути. Получилось так, что, подходя к намеченному пункту, там уже были американцы. Приходилось идти дальше, находясь под наблюдением американской воздушной разведки, но, Слава Богу, бомбежек не было. Наконец, один майор, начальник какой-то офицерской школы, посоветовал нам пробраться горными дорожками в Баварию; получили мы под вещи две подводы и под дождем — местами разлились ручьи — по

колено в воде шли к намеченной цели. Путешествие длилось весь день и только к вечеру выбрались из гор; сразу попали в заезжий дом, где было все переполнено. Дочь хозяйки постоянно выбегала посмотреть, не идут ли американцы. Наконец, появились три джипа с 18-ю солдатами — все притихло. Я обратился к американцам по-польски, спросив их, есть ли кто говорящий по-польски. Такой нашелся и решил оказать помощь старым эмигрантам. Была освобождена одна комната и мы в ней расположились. На другой день мы двинулись в сторону Мюнхена; кажется был первый день Пасхи и мы его как-то отметили.

Кругом на перекрестках стояли американские танки и много солдат, среди которых немало было черных, которые отличались своей добротой.

Путь нам был назначен в г. Мюнхен и, пользуясь различными способами передвижения к указанному пункту, мы и двигались. Потом появились машины, брошенные немцами. Теперь я не помню через какие населенные пункты, городки мы проходили. На ночевки останавливались там, где указывал староста, и не раз бывали случаи, когда появлялись советчики, пленные или оставшиеся грабануть. В первую очередь их интересовали свиньи, так как это было очень выгодно, но из-на нашей группы этот номер не удавался и немцы, в знак благодарности сами нам давали все. Через 2-3 дня мы добрались до переправы через Дунай. Американцы советчиков не пускали в Германию, а указывали дорогу на Родину. Поляков, сербов и других через мост пропускали. Пропускали и машины, на которых были национальные флажки. Пришлось и нам поставить свой бело-сине-красный флажок и мы благополучно пробрались, имея свободную дорогу в Мюнхен.

В какой-то деревне мы переночевали, и к нам присоединились два офицера из Первой Дивизии Р.О.А., которые при выдаче 1-й Дивизии красным смогли уйти. Один офицер здравствует в Австралии. К вечеру добрались до предместья Мюнхена.

В этом районе стояли бараки, пустые, довольно чистые, и мы поместились здесь на ночевку. Потом выяснилось, что бараки занимались французами и они отпра-

вились уже в Францию. Утром мы узнали, что в соседних бараках ночевали советские пленные, изъявившие желание ехать на родину. Зная это, мы не остановились бы на ночевку рядом с большевиками, так как они могли нас ликвидировать, зная, что мы уходим от них. Но Господь хранил и утром мы двинулись искать в Мюнхене русские организации.

Двигались мы по шоссе, пока не увидали сидящего на средине шоссе американского воина, на коленях которого сидела красавица, а в двух шагах от него лежала винтовка. Заявил нам, что нужно иметь пропуск — без пропуска по шоссе ехать нельзя, но мы можем, съехав с шоссе на большую дорогу, которая была в 10-12 шагах, ехать.

В бараках, о которых я выше упоминал, к нам присоединился один ост. работник, который смог дать нужные сведения о том, что в Мюнхене есть русский Комитет, возглавляемый г. Юрьевым. Юрьев является членом Нансеновского Комитета, который несколько лет в Сербии был представителем и защитником русской эмиграции. Имея такие сведения, я решил в первую очередь познакомиться с г. Юрьевым и с представителями Польского Комитета, так как это знакомство с поляками дало мне возможность получать первое время продукты питания и курево, как проживавший раньше в Польше с паспортом Нансена. Наконец, цель достигнута, и я познакомился с г. Юрьевым и его помощником, бывшим адмиралом. И один, и другой произвели самое лучшее впечатление. Я вошел в этот Комитет и приступил в первую очередь к разрешению вопроса, как быть с советскими подданными, так как Комитету, возглавляемому г. Юрьевым, подлежит только старая эмиграция и ни в коем случае не советские.

Американцы требовали, чтобы удостоверение о том, что человек является старым эмигрантом, давали под присягой. Всю эту историю с выдачей таких удостоверений я взял на себя и в день 50-70 человек становились старыми эмигрантами, не подлежащими выдаче на родину. Советские агенты следили за всем, особенно за Юрьевским Комитетом и заявили американским властям, майору Мак-Дональду, что они хотят произвести проверку деятельности Комитета. Такая проверка для меня могла

быть неприятной. Об этой проверке Мак-Дональд предупредил помощника г. Юрьева — адмирала, и мы решили объявить в газетах о том, что в автобусе был забыт портфель с бумагами Русского Комитета. На этом все кончилось. Десятки сотен ост. работников и военных остались на произвол судьбы, нужно было найти выход из создавшегося положения.

Прежде всего мне самому нужно было найти убежище, и такое казаки нашли — пустую школу в местечке Рим, где был аэродром. Там я получил работу от 862-го саперного батальона; это дало мне возможность сразу же устроить на работу, где был американский хороший паек, до 200 человек. Перед этим 1.200 человек были устроены в интендантские американские склады . Сам я не пошел возглавлять эту группу, так как были другие дела, но от американцев постоянно получали различные продукты, главным образом, кофе, за которое можно было иметь другие продукты питания. В школе, где я жил, разместилось еще до 60 человек (здесь были люди разных сословий, включая известную певицу народных песен Королеву). Приходили навещать нас советчики, но мы их с треском выгоняли, и в этом нам помогала М.Р., под руководством старшего сына Георгия, хорошо говорящего по-английски.

Теперь главный вопрос заключался в получении продуктов и помещения. С этим вопросом я неоднократно обращался к американскому лейтенанту, дать нам, русским, продукты питания, на что всегда следовал ответ, что мы должны ехать на Родину. Пробовал и г. Юрьев обращаться к этому лейтенанту, но ничего не выходило, и только благодаря какой-то случайности я обратился к майору Мак-Дональду, который спросил, сколько я имею людей, написал записку к указанному раньше лейтенанту — выдавать продукты каждые 10 дней на 650 человек, и получил я в свое ведение лагерь Гаагс-Бай, что дало мне возможность дать угол, служившим в Р.О.А. — в том числе, были раненые. В общем, мы имели и питание и угол.

Из Австрии прибыли остатки запасного казачьего полка; прибыли 44 женщины (жены офицеров) из Русского Корпуса, которые нашли первый приют. Комендантом была назначена одна очень энергичная дама, которая

смогла управлять лагерем, а там было что-то ужасное. Взять хотя бы то, что в клозетах были утоплены дети новорожденные и несколько трупов взрослых. Между прочим, дамы все были эмигрантками из Сербии, не пожелавшие склонить головы перед наступающими красными.

Из жизни в школе осталось в памяти, когда приходили выпить чашку кофе к Надежде Васильевне почтенные старички: атаман Татаркин, атаман Попов и генерал Абрамов. Теперь из них уже никого нет. Теперь все ушло в Забытье, а было время, когда для каждого был угол и питание. Появился Синод, и он также был включен в число 650 человек. Школа была далеко от центра города и пришлось найти свободный дом на Пассарт-Штрассе. Там расположились и, Боже, кого тут не было — белые офицеры, офицеры Р.О.А., которых вытянули из лагеря и кто был вытянут из лагеря и пришел на Пассарт-Штрассе, те не были выданы. Обедало всегда до 30 человек.

Я упомянул, что те, кто из Р.О.А. были на Пассарт-Штрассе не были выданы большевикам. Все мысли сводились к тому в те времена, чтобы как можно больше освободить соотечественников из лагерей; для этого писались различные документы, по ночам пришлось резать проволоку, чтобы дать возможность в эти отворы убежать. Я возьму пару случаев, когда ко мне утром рано явился гонец из лагеря с просьбой помочь выйти 36-ти человекам хора Баранова. Нужно, чтобы появился священник. Отец Граббе не поехал, заявив, что «они советские». Меня это возмутило, и я нашел священника Друшкевича, с Георгиевской лентой, который из-за притеснений русского духовенства в Польше, не имея защиты, от православного духовенства перешел в Унию, сохранив этим в школе славянский язык и русский. Он поехал — и хор освободился, а после уехал в Америку. И дочь Баранова вышла замуж за полковника американской армии, что дало возможность хору хорошо устроиться.

Второй случай — освобождение 600 человек рабочих фабрики машин В.М.В. Были даны восемь машин с караулом американским. Когда приехали к лагерю, кругом шныряли советчики.

Я обратился к ген. Миандрову и другим генералам, которые мне заявили, что были представители П.Г.С. и

заявили, чтобы никуда не ехали, а чтобы создавали рабочие артели и эти артели будут направлены на работы.

В лагере поднялся переполох, многие стали собираться около ворот, но пришлось ни с чем возвращаться обратно по вине Миандрова и тех, кто был в заблуждении. Появилось много советского начальства. В тот же вечер ко мне на квартиру явилась М.Р., спрашивая где я; меня не было и когда я явился домой, жена посоветовала мне дома не ночевать; но я все же остался (у американцев было такое положение, что пришли кого-то взять — его нет, и на этом дело кончалось). Часов в 12 — стук в двери, двери силой открыли и, наставив со всех сторон в меня оружие, вывели, посадили, применяя физическую силу, в джип, привезли в военную тюрьму, передав меня немцам. Немцы ничего не могли сказать о причине ареста, так как это дело американцев. Часов в 10 я получил чашку кофе и пару галет. Потом поехали на суд в бункер. Там было уже до 60 человек, подлежащих суду как дезертиры Советской Армии.

В довольно большом помещении бункера на каждом шагу стояли американские солдаты (М.Р.), жандармы. Стоял один большой стол, за которым сидел председатель суда, полковник американской армии и, кроме него, было четыре офицера и два переводчика (русский и немецкий язык); за другим столом сидел довольно крупного роста полковник советской армии Прохоров, секретарь был в чине старшего лейтенанта — женщина и три советских офицера. Арестованные помещались в передней комнате и все стояли без головных уборов. Я был самый старший в чинах — полковник; обвинялся в том, что командуя советской дивизией, я перешел на сторону немцев и сотрудничал с Р.О.А. Американский полковник обращается ко мне по-английски: «Подойдите к столу». И когда увидел, что я не понял, повторил: «Прошу, господин полковник, подойти к столу», что я и исполнил. Начинается опрос: носил ли я немецкую форму? Я ответил, что в 1920 году носил я американскую форму, будучи в Белой Армии. Тогда и теперь моя цель была бороться с интернационалом, от этой борьбы я не отказывался и не откажусь. Американской полковник с умилением смотрит на меня и, как видно, ожидает, что я скажу против красных. Даль-

ше я вношу протест против заявления полковника Прохорова о занимаемой мною командной должности в советской армии, так как я старый белый эмигрант. Американский полковник спрашивает у меня, имею ли я какой-либо документ о принадлежности к старой эмиграции. Я показал имеющийся при мне польский паспорт Нансена. Американец паспорт взял и предложил посмотреть его Прохорову, против чего я возразил. Прохоров этот вопрос решил исчерпанным. Американец возмутился, как можно давать ложные сведения, разговаривая со мной по-русски. В это время подошел Прохоров и предложил закурить, от чего я отказался.

После меня суд принял другой оборот. Следующий после меня был из Ростова, с большой чуприной казачок, лет 22-23, который выругал последними словами сидящего Прохорова и весь советский режим, что он старый эмигрант, документов не имеет. Суд освобождает казака. Прохоров протестует, уверяя, что он из советских. Разговор принимает другой оборот и дело дошло почти до драки. Появились три жандарма, выставили казака как освобожденного, и с казаком были все освобождены на том основании, что судили меня, белого, а винили как советского, а верить советским заявлениям нельзя.

После освобождения из бункера я поспешил, как можно скорей попасть домой, зная, что Надежда Васильевна меня везде разыскивает. Так оно и вышло — перед моим возвращением домой вернулась и Надежда Васильевна, узнав, что я был арестован Америкой. Из числа первых лиц, встретивших меня, были такие, которые заявляли, что я выпущен как агент. Другие хотели занять мое место, но скоро все вошло в свою колею и на Пассарт-Штрассе шла своя жизнь, здесь был угол для многих. Помню, первым появился генерал Туркул со своими адъютантами — телохранителями. Когда пришли американцы, атаман-генерал Татаркин пошел представиться, чего не сделал генерал Наума, и очутился в лагере. Освободившись, нашел прибежище у меня, только у меня, так как я не из пугливых и оказал прием старику-атаману; после он заболел, пролежал в госпитале, вернулся в лагерь Шлайс-Хайт. Там уже появилась его жена и за несколько дней до конца им было написано слабой рукой, удостоверение

о производстве меня в чин генерал-майора. Его стремление было пополнить ряды генералов офицерами Белой Армии и Царского производства.

Надо добавить, что производство не было тайным, а об этом знали генерал Голубинцев, генерал Марков (донец) и генерал Глазенапп, создавший из чинов Р.О.А. Союз Андреевского флага и в дальнейшем при переезде в Австралию я был представителем указанного Союза. Не упоминаю чина генерала, так как в те времена за высокими чинами охотились, а особенно мне надо было быть начеку, так как при каждой советской передаче упоминалось имя мое. Представитель Союза должен быть старший офицер в чине, и когда явился в Австралию полковник Кононов, назвав себя генералом, тогда и я достал свое удостоверение генерала Татаркина и стал пользоваться чином генерал-майора, что было подтверждено и атаманом после генерала Татаркина, генералом Поляковым.

На Пассарте обедало до 20-30 человек; был здесь полковник Спиридонов (умер), начальник офицерского кадрового полка Поздняков, женатый на вдове знаменитого артиста Собинова, появилась певица Майсерова, которая своим пением нас очаровывала.

Время шло... публика расходилась. Пошел первый транспорт в Аргентину. На месте по инициативе священника Киселева была создана русская гимназия, что дало возможность учиться молодежи.

Во всех лагерях создались церкви. Из лагеря я бы назвал центром лагерь Шлайс Хайм, где преобладала публика более интеллигентная, из первой эмиграции, из Сербии.

За это время произошли выдачи казачьих организаций и других русских частей, служивших в немецких формированиях.

Кроме Пассарт-Штрассе я имел еще частично разбитый дом, довольно большой, где была постоянная толкотня, так как для того, чтобы получить право на жительство, надо иметь удостоверение о том, что лицо имеет работу, и тогда уже давалось разрешение на право жительства. Таких удостоверений давалось до 100 в день, включая сюда и немцев, бежавших из лагерей. Секретарем канцелярии был кап. Фохт, с которым имели какие-то счеты

Н.Г.С. Среди немцев была одна дама, один знаменитый пианист и другие, имеющие отношение к Национальному Союзу немцев.

Имя фирмы стало известно и среди русских, и среди немцев.

Помню такой случай: утром прихожу в канцелярию — там вповалку на полу лежат более 100 человек, оказывается, что это старые эмигранты, освобожденные из лагеря, которых выпустили и предложили несколько десятков километров идти в Мюнхен, в фирму Моисеева. Всю группу, с которой пришлось познакомиться, как с белыми чинами Добровольческой Армии, нужно было поддержать морально и отправить всех на аэродром Рим, в распоряжение ротмистра Сомова, который там был начальником. Прежде всего ротмистр смог для всех достать еду, а когда приехал я, то тогда появились претензии, что они не хотят быть тут, а хотят быть без работы и разойтись по лагерям. Я на это ответил, что пребывание здесь есть временное и в дальнейшем Вы сами должны принимать участие в своем собственном устройстве и что на местную работу надо смотреть сквозь пальцы и не зарабатываться.

На другой день получил письмо от Коменданта лагеря, что мне воспрещен вход на территорию аэродрома, так как я рабочих призываю не работать. Работа эта была сделана Сомовым, который состоял в С.С. в числе первых членов.

Вопрос об отъезде в Австралию не был таким простым — решиться оставить навсегда Европу, включая любимую Россию, — страну, где рос, учился, в тяжелую минуту 1914 г. пошел на ее защиту. С появлением большевиков сразу же стал на борьбу с ними с оружием в руках и среди первых был из первых. Конечный итог — уход за дальние моря. Теперь все ушло в давность, но в то время это не было вопросом легким; и, Слава Богу, была семья, и она была оплотом.

После долгих ожиданий наконец-то из Мюнхена переехали в Неаполь и дальше поплыли старым кораблем Окофра Шатном к берегам Австралии. По дороге мучила мысль, которая напоминала о том, что пришлось уйти не только с поля брани, а вообще с Европейского материка.

Уйти туда, где все иначе, нет наших времен года с красавицей весной, нет и зимы белоснежной, нет и нашего соловья.

После месячного плавания приплыли в Порт — впечатление неплохое. Через сутки и порт Аделаида, довольно милые постройки, не хаты, а дома; приличный поезд, вагоны с мягкими сиденьями, паровоз с гудком — сирена, в общем, не так плохо. Лагерь Вудсайд: бараки жестяные, было холодно спать, великолепное питание, и вообще мы встретили радушный прием. Устроились на работы; условие работ здесь исключительное, то есть очень легкое. Я много уделил времени созданию своей русской православной церкви. Мною был сделан иконостас — жена написала иконы, и этот иконостас много лет служил, пока не была построена карпичная церковь. В этой постройке, я также принял немалое участие.

На этом заканчиваю свои воспоминания с 1894 по 1980 годы.

Благодаря Богу, есть угол и до конца жизни есть пенсия, так что есть возможность детям, внукам и правнукам передать то, что видел, что слышал и что знал.

Надежде Васильевне низкий поклон за помощь в воспитании сыновей, ставшими большими русскими патриотами и глубоко верующими русскими православными христианами.

Донской казак, генерал-майор

М. А. МОИСЕЕВ.

Аделаида, Австралия 1980 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ГЛОБУС»

$ U.S.

А. Вертинский. — «Песенки и стихи». Сборник составлен автором, фотографии. Книга большого формата. 12.00

С. Стенберг и **И. Сабурова.** — «Андрей Андреевич Власов». Книга с иллюстрациями. 12.00

Полк. В. П. Артемьев. — «Первая Дивизия Р.О.А.». Иллюстрации. 12.00

«После Платлинга 1946 г.». Сборник о выдачах. . . 3.00

Проф. А. Курганов. — «Женщина в СССР». (Английский текст). 3.00

А. Павлов. — «Тебе Андреевский флаг». Фотографии. Рассказы о величии Русского Флота. . . 12.00

«Восьмой Съезд СБОНР». 2.00

И. Солоневич. — «Народная Монархия». 10.00

Князь Н. В. Кудашев. — «Тени» 6.00

«История Крымского Конного Полка». (История отношений России и Крымских татар). Иллюстрации, карты в красках. Книга больш. форм. . 18.00

Виктор Морт. — «Гримасы жизни». 10.00

Проф. Ф. П. Богатырчук. — «Мой жизненный путь к А. А. Власову и Пражскому Манифесту». Илл. 16.00

«История Хабаровского Кадетского Корпуса». Книга богато иллюстрирована. Больш. форм. . . 18.00

А. Крыжановская (Рочестер). — «Паутина». Б. форм. 28.00

«О.Д.Н.Р.». Исторический обзор Освободительного Движения Народов России. 4.00

Юбилейный Сборник в память 50-летия прихода и освящения Кафедральн. Собора Всех Скорбящих Радости 1927 — 1977 гг., в гор. Сан Франциско, Калифорния. Множество иллюстраций, некоторые в красках. Сборник больш. форм.

Ген. П. Н. Краснов. — «Амазонка пустыни». В переплете. 26.00

Ген. А. И. Череп-Спиридович. — «Славия!». В перепл. 12.00

Клеопатра Болотина. — «Багряный закат». Роман из революционной эпохи. 10.00

Р. Вильтон. — «Последние дни Романовых». Иллюстр. 6.00

П. Алексеевский. — «Алексей Дубровин». Роман в четырех частях. 9.00

Анатолий Сафонов. — «Песнь изгнания». Иллюстр. 9.00

Г.О.М. (Георгий Оттович Мейбес). — «Курс энциклопедии оккультизма», читанный в Пажеском Корпусе в 1911/1912 г. в гор. С. Петербурге, выпуск 1-й и 2-й и **Книга Гермеса,** содержащая изумрудную скрижаль, рисунки и описание мажорных Арканов Таро, иллюстрированных текстами Эдуарда Шюре и Элифаса Леви. Книга больш. формата 464 стр. в холщевом переплете. 46.00

Д. Ясько. — «Сокровища Библии». 6.00

«Аракчеевский Кадетский Корпус». Книга б. форм. 32.00

А. Мальчевский. — «Ступенями в прошлое». . . . 6.00

Виктор Петров. — «Сага Форта РОСС». (2 тома). . 9.00

Альманах «Метрополь». 12.50

Полк. К. Кромиади. — «За землю, за волю...». На путях русской освободительной борьбы 1941 — 1947 гг. Посвящается памяти погибших участников Освободительного Движения Народов России. 15.00

Игумен Геннадий (Эйкалович). — «Дело протоиерея Сергия Булгакова. 5.00

Ариадна Ив. Делианич. — «Туманы». 16.00

Г. Климов. — «Князь мира сего». 2-ое дополненное и расширенное издание. 16.00

Н. Я. Агнивцев. — «Собрание сочинений». Стихи, сатиры пьесы, комедии театра «Кривое зеркало». 9.00

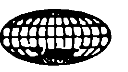
Генерал М. А. Моисеев — «Прошлое» 1894 — 1980. 8.00

Издательство так же имеет в очень ограниченном количестве книгу **Владимира Солоухина** — «Черные доски». 4.00

Нами печатаются так же следующие журналы:
«Голос Зарубежья»; «Борьба»; «Кадетская перекличка». «Информационный Листок СБОНР»; «Наши Вести».
(Можем принять на них подписку)

Пересылка 1 доллар.

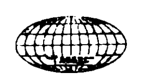
Права на продажу некоторых книг принадлежат авторам, Издательство будет радо связать Вас с ними.

РУССКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
И КНИЖНОЕ ДЕЛО «ГЛОБУС»
"GLOBUS PUBLISHERS"
332 Balboa Str. San Francisco, CA. 94118. Tel. (415) 668-4723

Русское Национальное
Издательство и Типография
Владимира Азар.
Технический редактор А. В. Гибанов.

Русское Национальное Издательство
и книжное дело «ГЛОБУС».
GLOBUS PUBLISHERS P. O. Box 27086,
San Francisco, California 94127 U.S.A.

GLOBUS PUBLISHERS